Роберт Рождественский

3

3 Роберт Рождественский

Роберт
Рождественский

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

ТОМ 3

Роберт Рождественский

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

В ТРЕХ ТОМАХ

МОСКВА
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА» 1985

Роберт Рождественский

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

ТОМ ТРЕТИЙ

Стихотворения
Поэмы
Песни
1970—1985

МОСКВА
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА» 1985

Р2
Р62

Оформление
художника

Вл. МЕДВЕДЕВА

Р $\frac{4702010200\text{-}390}{028\,(01)\text{-}85}$ подписное

© Состав. Оформление.
Издательство «Художественная литература», 1985 г.

СТИХОТВОРЕНИЯ
ПОЭМЫ
ПЕСНИ

Из сборника
ВОЗВРАЩЕНИЕ
1970—1972

***

Клубок дала волшебница.
— Иди за ним! —
промолвила...

Тайга о чем-то шепчется.
На большаках —
промоины.
Река грозит порогами.
Пугает небо ямами.
Бежит клубочек
тропками,
где змеи
бредят ядами.
Спешит клубочек-искорка
то льдинами,
то сопками.
И вдруг посмотрит искоса:
иду ли я,
способен ли?
По краешку,
над пропастью,
над суетой,
над робостью,
над позднею охотою,
над сытою зевотою.
То по асфальту
бодрому,
по отблеску,
по отзвуку.

То в гору —
будто под гору,
то по морю —
как посуху.
По тундрам подмороженным,
по осыпям,
по насыпям,
по городам взъерошенным,
по островам неназванным
клубок веселый
катится...

А может,
это кажется?

КИЖИ

Да,
сначала было
слово!..

Зоревая позолота
облетела с небосклона.
И звучало слово
так:
«Мы — отсюда.
Мы — карелы.
Мы тонули.
Мы горели.
Мы
до старости
старели.
Нас
не купишь за пятак.
Камни пашем.
Камни сеем.
Сердце тешим
горьким зельем,
рыбою
да хлебом серым,—
так
от века суждено.
Ну, а если в землю канем,
нас укроют
тем же камнем,

тем же самым
серым камнем,
Нас укроют.
Как зерно...»

Час настал.
Зерно упало.
Запахом земли пропахло.
Не сопрело.
Не пропало.
И, вздыхая тяжело,
продиралось сквозь каменья,
говорило:
«Я сумею!..»,
повторяло:
«Я сумею!..»
И сумело.
И взошло.
Не березкой кособокой,
не цветочком беззаботным,
а взошло оно
собором
возле медленной воды.
Он стоял легко и крупно.
К облакам вздымаясь круто,
купола
светились кругло,
будто спелые плоды.
Был легендой он и благом.
Так стоял,
как будто плавал.
Так звенел,
как будто плакал
(словно плакала душа).
Он стоял,
сравнясь с зарею,
над холодною землею
деревянной чешуею,
будто листьями,
шурша.
Он покачивался плавно,
многостенно,
многоглаво,—

ширь —
налево и направо!
Щуки плещутся в тиши...
Он стоял,
слезу роняя,
мир
собою заполняя,
в землю уходя
корнями...

Так и выросли
Кижи.

ТИШИНА

В траве — тишина,
в камыше — тишина,
в лесу — тишина.
Так тихо,
что стыдно глаза распахнуть
и на землю ступить.
Так тихо,
что страшно.
Так тихо,
что ноет спина.
Так тихо,
что слово любое сказать —
все равно что убить.
Визжащий,
орущий,
разболтанный мир
заболел тишиной.
Лежит он —
спеленут крест-накрест
ее покрывалом тугим.
Так тихо,
как будто все птицы
покинули землю.
Одна за одной.
Как будто все люди
оставили землю.
Один за другим.
Как будто земля превратилась
в беззвучный
музей тишины.

Так тихо,
что музыку надо, как чье-то лицо,
вспоминать.
Так тихо,
что даже тишайшие мысли
далёко
слышны.
Так тихо,
что хочется заново
жизнь
начинать.
Так тихо...

НА ЮСОВОЙ ГОРЕ

Могила И. А. Федосовой до сих пор не найдена. Знают только, что знаменитая народная сказительница похоронена в Заонежье на кладбище села Кузаранда.

Возле озера
сгнила оградка тесова.
На горе —
деревянных крестов разнобой...
Спой,
Ирина Андреевна
свет-Федосóва!
Про крестьян Олонецкой губернии
спой.
Спой про них и за них.
За могутных,
за рыжих,
за умельцев,
уставших от долгих трудов,
за больных бурлаков,
за гундосых ярыжек,
за обиженных свекром и боженькой
вдов.
За прозрачных старух,
за детишек в коросте,
за добытчиков леса
на тропах кривых...
Ты, Аринушка,
выскажи их безголосье.
Пособи сиротинам.

Уважь горемык.
Научи их словам,
дай им собственный голос,
тем, которые,—
ежели полночь страшна,—
медяком похваляясь,
в беде хорохорясь,
по-звериному
воют над чаркой вина...
Ты спаси их.
Спаси от извечной напасти.
Ты их выпрями,
выправь,
людьми назови.
Ведь не зря по России —
всё Спасы да Спасы.
На Терпении Спас.
На Слезах.
На Крови...
Ты начни причитанье тихонько.
Особо.
Неторопко.
Нежданно, как дождь в январе.
Спой,
Ирина Андреевна
свет-Федосова!
Спой, как в детстве,
на Юсовой скорбной горе...
Впереди у тебя —
одинокая старость
и могила,
ушедшая в небытие...

Лишь бы песня
осталась.
Лишь бы правда
осталась.
Лишь бы дело
осталось.
Твое и мое.

РОССТАНИ

Северное название
для перекрестков
росстани.
Росстани —
расставания,
сизых туманов роздыми.
Сонных озер свечение,
жажды моей утоление.
Росстани —
разлучения.
Росстани —
отдаление...
Росстани —
Полночь морозная
охнула
и пропала.
Вымахнувшие розвальни,
лошади
в клубах пара.
Черные,
как супостаты,—
вдаль
по белому полю...
(Где это было, кстати?
Жалко,
что я не помню...)
Десять шагов
до росстани.
Столько же —
до расставания...

Звезд
голубые россыпи
вздрагивали, позванивая.
Слушая ветры добрые,
гладя березы нежно,
я проходил
сквозь долгие
росстани
Заонежья.
Зная, что в ливнях
росных,—
то электронно,
то ветхо,—
все мы живем
на росстанях,
на сквозняковых росстанях,
на бесконечных росстанях
невозмутимого
века.

БАННЫЙ ДЕНЬ

Прямо над Онегою —
десять
бань...
Таз эмалированный —
будто барабан.
Десять потрясений,
десять заварух,
Десять раз:
«Ох, ты-ы!..»
Десять раз:
«У-у-ух!..»
Десять раз — холодно,
десять — горячо,
десять раз
веником —
через плечо.
Простуда не в простуду,
беда не в беду!
Десять поминаний
черта в аду.
Десять долгих выдохов:
«Кончено...
Предел...»
Десять обновленных,
распаренных тел...
А через дорогу —
десять
домов.
Над печными трубами —
десять дымов.

Десять хозяюшек
угодить хотят,
булки-налетушки
в масле бухтят.
Десять аккуратных
стираных рубах.
Десять папиросок
мерцают в зубах.
Десять откровений:
«Жар неплохой...»
Десять ложек
тянутся
за ухой.
Десять перепутанных
прядей волос.
Десять капель белого:
«Чтоб спалось!..»
А уха навариста,
уха — янтарь.
От нее не запах —
сплошной нектар!
Десять лбов наморщенных.
Десять умов.
Сто стаканов чая
на десять домов!..
Ночь.
Отдохновение.
Тишина.
Десять ультиматумов:
«Спать, жена!..»
...И такое озеро
за окном —
десять океанов
поместится
в нем!
И такой дурманище
от земли,—
даже в бане
веники
расцвели.

***

Мы стоим перед Кижским собором
одни.
Мы стоим,
пересчитывая купола.
И не верим еще,
что прекрасны они
тою силой,
что их воедино свела.
Богатырское племя.
Дружина.
Семья.
Им —
земля тесновата.
И небо —
мало...

Мне везло
на дороги.
Но больше
везло
на друзей настоящих.
И ежели я
проиграю
с какой-нибудь пулею
спор,
упаду
на ладонь потемневшей травы,
встанут
други мои.
Будто Кижский собор.
Над могилой склонив
двадцать две головы.

***

В остывающей золе
искры обнаружились...
Люди спали
на земле,
будто к ней прислушивались.
Говорила им она
что-то очень важное...
В реках
стыла
глубина.
Шли туманы ватные.
В дальней,
сумасшедшей мгле
мир
гроза раскачивала...
Люди спали
на земле,
а земля рассказывала.
Говорила как могла —
монотонно,
буднично,—
про куницу,
про орла,
про медведя бурого.
И про то,
как спит марал,
зябко вскинув голову.
И про то,
где есть уран.
И про то,
где — олово.
Про горячие ручьи
аж до Ледовитого!..

Тайны главные свои,—
не стерпела,—
выдала...
Из-за сопок вылез день.
Солнце в море парилось.

Люди встали.
У людей
за ночь
дел
прибавилось!

***

Вернуться б к той черте,
где я был мной.
Где прилипает к пальцам
хлеб ржаной.
И снег идет.
И улица темна.
И слово «мама» —
реже, чем «война»
Желания мои скупы.
Строги.
Вся биография —
на две строки.
И в каждой строчке
холод ледяной...
Вернуться б к той черте,
где я был мной.

Вернуться бы,
вернуться б к той черте,
где плачу я в полночной духоте,
где очень близко
губы и глаза,
где обмануть нельзя,
смолчать нельзя.
Измены —
даже мысленно —
страшны.
А звездам в небе
тесно от луны.

Все небо переполнено луной...
Вернуться б к той черте,
где я был мной.

Не возвращаться б
к той черте,
когда
становится всесильной немота.
Ты бьешься об нее.
Кричишь,
хрипя.
Но остается крик внутри тебя.
А ты в поту.
Ты память
ворошишь.
Как безъязыкий колокол, дрожишь.
Никто не слышит крика твоего...
Я знаю страх.
Не будем
про него.

Вернуться б к той черте,
где я был мной.
Где все впервые:
светлый дождь грибной,
который по кустарнику бежит.
И жить легко.
И очень надо
жить!
Впервые «помни»,
«вдумайся»,
«забудь».
И нет «когда».
А сплошь —
«когда-нибудь».
И все дается малою ценой.

Вернуться б к той черте,
где я был мной.
Вернуться б к той черте...

А где она?
Какими вьюгами заметена?

***

Надо верить в обычное.
Надо рассчитывать
здраво.

У поэтов
с убийцами,
в сущности,
равная слава.
Кто в веках уцелел?
Разберись
в наслоенье мотивов!..
Мы не помним
царей.
Помним:
были Дантес и Мартынов.
Бесшабашные,
нервные,
святые «блюстители долга».
Ну, подумаешь,
невидаль:
однажды вспылили —
и только!
За могильной оградою
все обвиненья
напрасны...
Пахнут
их
биографии

лишь
типографскою
краской.
Вот они на портретах
с улыбками благопристойными.

Так что цельтесь
в поэтов —
и вы попадете
в историю!

***

Дождь не шел
(разве так идут?!),—
так наваливаются,
крича,
всей наукою —
на недуг,
всею правдою —
на палача,
ледокольной мощью —
на льды,
головой хмельной —
на столы...
И слепые столбы воды
были каменны и круглы.
Мир
уменьшился,
опустел.
И казалось:
в мире пустом
ждет хозяйка
прихода гостей
и до полночи моет дом...
Пот —
вода,
и слезы —
вода.
Сквозь песок —
вода,
сквозь сердца...

Так когда же, земля,
когда
ты отмоешься до конца?

АЙ БО!

Нас встречали, будто свадьбу,
ту,
что ждали целый век.
Нам кричали:
«Ай бо!..»
«Ай бо!..»
«Ай бо!..»
«Белый человек!..»
«Ай бо!..» —
крик до одуренья.
«Ай бо!..» —
всколыхнулся день.
И глядела вся деревня
на дикозинных людей.
«Ай бо!..» —
вздохи-пересуды...
А мальчишки на мосту
так шикарно белозубы,
словно —
лампочки во рту.
«Ай бо!..» —
пискнуть не забыли...
Сквозь тропическую слизь
ай бо,
серые от пыли,
по Нигерии тряслись.
Было душно.
Было банно.
И, предчувствуя предел,
мы сидели
в недрах бара

посреди сплошных Отелл.
«Ай бо!..» —
слышалось вдогонку.

Рынок
жару поддавал!
Пышнотелая торговка
воспевала свой товар.
Нам он был не нужен вовсе.
Но смешила без конца,—
как в Одессе,
на Привозе,—
яростная хрипотца.
И наваливалось лето.
И лежал базар,
сочась.
Было очень много света.
Много солнца...

А сейчас
есть официант стерильный.
И на столике — цветок.
Есть размеренный,
старинный,
европейский холодок.
Есть приземистое небо.
И глядящий круто вверх —
белый
от большого снега
ай бо —
белый человек.

Лагос

ГОЛОС АФРИКАНСКОГО ПОЭТА

Испуг читаю
в ваших синих взорах.
Слова читаю:
«Боже, пронеси!..»
У нас,
как у испытанных боксеров,
почти у всех —
приплюснуты носы.
И взгляд упрям.
И губы — в изобилье.
На внешность
я не жалуюсь творцу.
Ведь если б вас
так терпеливо били!
Так тщательно
хлестали по лицу!
Так показательно
гноили в трюмах!..

Но в гуле
изменившейся судьбы
для вас —
велеречивых и угрюмых,
мы до сих пор —
как беглые рабы.
Мы не забыли вашего урока,
цветистых притч
о зле и о добре.
Мы — черные.
Как пашня.

Как дорога.
Мы — черные.
Как чернь
на серебре.

И над планетой —
вечною и бедной —
я возношу
свой обожженный торс.
И свято верю в то,
что дьявол —
белый.
И в то,
что черный —
бог Исус Христос.
Запомните,
глаза привычно пяля
в торжественность
соборной полутьмы:
чернеют не от времени
распятья.
Они
хотят быть черными.
Как мы!..

До гроба буду
белою вороной
я — черный —
в ваших пестрых городах.
И все-таки,—
грозой пророкотав,—
взойдет мой голос
над землей огромной!

КАКТУС

Шла тропинка,
спотыкаясь.
Перед ним — оборвалась...
Я сказал:
«Здорово, кактус!
Как живешь ты,
дикобраз?..»
Не хотел он огрызаться,
но —
переходя на хрип —
буркнул:
«Сам не из красавцев!..
Тоже мне
Жерар Филип...
Как живу?
На общем фоне
это
кажется простым.
По учебнику.
По форме
жителей полупустынь...
Разбери
на этих кручах,
кто — враги,
а кто — друзья.
Без защиты,
без колючек
в нашем климате нельзя...
Как живу?

Да между делом
даже камень
превозмог.
Жить
на солнце оголтелом
я могу!
А ты бы
смог?..
Как живу?
Других не хуже.
До сих пор еще не смолк.
Жить,
потрескавшись от стужи,
я могу!
А ты бы
смог?..
Чтоб в тебя
вонзался ветер,
чтоб взрывался и терзал!..»

«Люди могут...» —
я ответил.
«Люди могут...» —
я сказал...

Он взглянул в глаза мне зыбко
(аж по сердцу —
холодок).
На прощанье,
как слезинку,
взял
и выдавил цветок.
Расстегнувшись безопасно,
соком,
булькая,
набух...

Камни были —
будто пашня.
А колючки —
будто пух.

***

Смеркается.
Пахнет песком перегретым...
Но я не об этом!
Совсем
не об этом.

Я знаю, как трудно рождается
слово.
Когда оно истинно.
И безусловно.
Прозрачно.
Пока что ни в чем не повинно...
А ты,
надрываясь, грызешь пуповину
и мечешься:
— Люди!
Вы слово
искали.
Берите!
Пока его не затаскали.
Скорее!
Пусть кто-нибудь станет
пророком...
Нависла жара над высоким порогом.
Кукушка старается:
чет или нечет.
У самого уха стрекочет кузнечик.
Шуршит муравейник.
Ворона фальшивит.

И стебель цветка под пчелою
пружинит.
Готовятся к полднику жители ясель.
Зеленою тучею кажется ясень.
Он что-то бормочет надменно
и глухо.

Он так величав,
что становится глупо
рядиться в пророка,
считаться поэтом...

Но я не об этом!
Совсем
не об этом.

ДЕТИ БЕССМЕРТИЯ

Станут памятью встречи,
привычки,
слова...
А они не вернутся.
Отбушует зима.
Поседеет вдова...
А они не вернутся.
Скорбь утихнет.
Уснет на ладонях Земли...
А они не вернутся.
Снова
к пепельным звездам
уйдут корабли...
А они не вернутся.
В карауле
друзья не устанут стоять...
А они не вернутся.
Будет море шуметь.
Будет солнце сиять...
А они не вернутся.
И погаснут миры.
И возникнут миры...
Но одно лишь известно:
мы
состаримся.
Мы будем жить
до поры...
А они —
будут вечно.

ГОЛОС КРАСНОЙ ПЛОЩАДИ

В голосе
Красной площади,
верящей в чудеса,
будущие и прошлые
переплелись
голоса.
Все —
от грома до лепета...
Я —
в бесконечном строю —
слушаю
голос Ленина
так,
будто клятву даю!

В голосе
Красной площади
с временем обручен
храп
тонконогой лошади
под боевым трубачом.
Ах, как трубил он,—
бестия,
взвившийся на дыбы!
В нынешнем вихре песенном
эхо
его трубы.
В голосе
Красной площади,

в мудрой ее судьбе —
все, что вы сыну прочите,
дочери
и себе.
В нем —
убежденность и мужество,
дело твое и мое.
В нем —
Революции музыка
и продолженье ее.
Нежность березовой рощицы,
неба голубизна.

В голосе
Красной площади
нынче
шумит весна.
В трепете этого голоса —
праздничный плеск огней,
из потеплевшего космоса
рапорты
звездных парней.
Сталь небывалой прочности,
звонкость
бетонных плит.

Голосом
Красной площади
будущее
говорит!

***

Доживает свое
квартал.
Доживает.
Дошептывает.
Тяжело распластав
руки опустошенные.
Все разъято,
распято.
В прихожих —
туман паутин.
На обоях —
квадратные пятна
сбежавших картин...

Доживает квартал.
Деревянная песенка спета.
Есть раздолье
котам,—
их глазищи
пылают
победно!
По гостиным вчерашним,
где пыли махровой полно.
По раскрытым чуланам,
в которых —
как после Махно!

Доживает квартал.
Дремлют лестницы шаткие.

И по лестницам,
как по складам,
ковыляет шамканье.
Бормотанье,
покряхтыванье,
чертыхаясь,
ползет из угла:
«Вольнодумцы проклятые...
Ладно!
Ваша
взяла!..»

***

Подробности ищу,
подробности.
Ищу,
не сознавая риска.
В неповторимости,
в негромкости
того, что снова повторится.
Мне эта жизнь по нраву.
По сердцу.
Лес
белизною разрисован.
И в нем подробности
топорщатся
ладошками
небритых сосен.
Синицы спорят не по-зимнему.
И опрокидывает в лето
летящая
вкось по осиннику
подробность
беличьего следа.
И влагой —
пряною и душною —
вдруг отзовется мгла лесная...
О том, что было,
я не думаю.
Того, что будет,
я не знаю.
Я только ощущаю запахи
весны
и завтрашних ромашек...

Зрачки ворон
блестят, как запонки.
Дверями
магазины машут...
Пусть изгибается
и стелется
и гладит сизый лед
поземка,—
на март
дорога не надеется,
бежит из города позорно.
Без сожаления,
без адреса,
без остановок —
через,
через...

А в колеях —
воды на четверть.
И солнца —
на четыре августа.

СТИХИ О СОБАКАХ

Дворовых собак
по-особому холят
за то, что они,
на луну подвывая,
от будки до дома
все ходят и ходят
под гулкою проволокой.
Как трамваи...
Я их не тревожу.
Я с ними не знаюсь.
За это
они меня вправе облаивать...
Но жарко читать мне
спокойную надпись:
«Собак без ошейников
будут вылавливать».
За что их?
За внешность?
За клочья репейника?
За пыльную шерсть?
За неясность породы?
За то, что щенками
доплыли до берега?
Доплыли
и стали ошибкой природы?..
Собаки-изгои.
Собаки-отшельники.
Надрывней поминок.
Ребенка добрее.

Они бы надели
любые ошейники,
надели бы!
Если б ошейники грели.
За что их?
У них же —
душа нараспашку.
Они ж
в Человечество верят
отчаянно!..
И детское:
«Мама, купи мне собачку...» —
в собачьих глазах
застывает печалинкой...
И вот,—
разуверившись в добрых волшебниках,
последнюю кость
закопав под кустами,—
собаки,
которые без ошейников,
уходят в леса.
Собираются в стаи...
Ты знаешь,
у них уже —
волчьи заботы!
Ты слышишь:
грохочут
ружейные полымя!..

Сегодня мне снова
приснятся заборы.
И лязги цепные
за теми заборами.

ГАГРА

Г. Багатурии

Живу на белом свете.
Впрочем,
какой он белый?
Он — цветной!
Распотрошен и разворочен.
Подкрашен дымчатой волной.
Он пальмовый.
Он импозантный.
Наивный.
Верящий стихам.
Лихой!
Автобусный!
Базарный!
Смеющийся по пустякам!..
Устав от разноцветной ноши,
повесив в небе
лунный нож,
желает всем
спокойной ночи,
а верит
в бешеную ночь.
Озарена коротким мигом
вся жизнь.
И отступленья нет!..
Вверху —
над морем и над миром —
и белый снег.
И белый свет...
А я живу на свете пестром!

Я с ним накоротке знаком.
Он пахнет
свежею лепешкой,
сациви,
пляжем,
чесноком.
Захватан
липкими руками...

Но даже тем одним
велик,
что очередь за шашлыками
сама похожа на шашлык.

ВСТРЕЧА НОВОГО ГОДА

Снег блестел,
будто ртутью
сыпанули с крыш.
Снег хрустел,
будто кто-то
кочерыжку грыз.
Оглушал
этот смачный и протяжный
хруст.
Снег лежал
на платформах,
будто главный груз.
И машин
не стеснялся он,
не избегал.
Был
большим.
Наряжать деревья
помогал.
Обступал.
Как несмазанная дверь,
скрипел.
Прилипал
к шубам и ушанкам,
как репей.
Снег нырял
в хитрые прически
юных
дам.

Проверял
наше отношенье
к холодам.
Мы
его
на своих плечах
в дома несли.
Мы
его
в коридорах,
веселясь,
трясли.
В доме —
смех:
очищенье валенок
идет.
Сеем снег...

Я еще не знаю,
что взойдет.

МИНИ

Мы на шарике,
на шаре,
как на плавающей мине,
наплодили,
нарожали
моду-мини,
моду-мини.
Появились мини-юбки
(все пошло, конечно, с них).
Закружились мини-вьюги,
мини-спор
завял и сник.
Мини-юбки не опасны,
несмотря на мини-гам.
(Это —
чтоб не нагибаться
любопытным старичкам.)
В новом
мини-измеренье
успевай передохнуть.
Мини-клятвы
в мини-время
(да и правда,
что тянуть?!).
Это может позабавить.
Это —
новый мини-спорт.
Мини-совесть.
Мини-память.

Мини-служба.
Мини-пот.
Мини-литры.
Мини-мили.
Мини-холод
у виска...

И берет от этих
«мини»
максимальная тоска.

***

В майонезных барахтаясь гущах,
я негаданно
чую порой,
как во мне
просыпается купчик
третьей гильдии
или второй...
Он изволил
потешиться вальсом.
он набрался
до самых основ.
Пахнет он
знаменитою ваксой
и подливой
«а ля Строганофф».
Процветают
родные лабазы.
Прут по рекам
баржи-корабли.
Волосатые
толстые пальцы
на холодную скатерть легли...
Он сегодня гуляет по праву,
навалясь на фужерную дрожь.
«Не препятствуй
купецкому ндраву!
Нутряного каприза
не трожь!
Я желаю полаять —
и лаю.

Торжеству моему —
исполать!
А сейчас я обдумать
желаю,
что б такого еще
пожелать...
Может,
к песне потребовать
шкалик?
Может,
кануть в цыганскую грусть?
Ты изыди,
ученый очкарик!
Я еще до тебя доберусь.
Наподдай,
музыкантская свора!
Веселись,
если весело мне!..»

А заместо
церковного звона —
рев ракеты,
ушедшей
к Луне.

БЕГ

Бежала,
как по воздуху.
С лицом,
как май, заплаканным.
И пляшущие волосы
казались рыжим пламенем.
И только дыма не было,
но шла волна горячая...
Она бежала —
нежная,
открытая,
парящая!
Звенела,
будто денежка,
сама себя нашедшая...
Не сознавая,
девочка
бежала в званье женщины.
Так убегают узники.
Летят к метро болельщики.

И был бюстгальтер узенький,
как финишная ленточка.

ПОДДАВКИ

Летите дни из-под руки
куда-нибудь подальше!..
Давай сыграем
в поддавки?
Поддайся мне!
Поддайся!
Поддайся,
зля и торопя,
чтоб ветры закрутили...

Давай придумаем
себя
в придуманной квартире.
Сыграем в смех,
сыграем в спор,
начнем мириться ласково.
Давай в любовь сыграем
по
системе
Станиславского.
На наши личики
сперва
нацепим по улыбочке.
Сыграем в нежные слова,—
то в «кисоньки»,
то в «рыбочки»...
Дожди,—
туда, где я стою,—
пришли.
Задели краем...

Давай
в счастливую семью
немного поиграем.
Давай придумаем
друзей.
Весьма надежных.
Нескольких.
Потом
знакомый фарисей
чуть-чуть добавит
недругов.
А мы друг другу подмигнем
и, приближаясь к истине,
давай в обиду
сыгранем.
Сыграем в слезы
искренне.
Пусть зрители
спешат в подъезд
актеров забубённых.
Давай сыграем в то,
что есть
у нас с тобой
ребенок...
Идет спектакль
на ура!
Идет, не повторяясь...
Сыграем?..

Кончилась игра.
Сгорела.
Доиграли́сь.

АКСЕЛЬРАТЫ, АКСЕЛЬРАТКИ...

Силой мышечной
богаты,
бродят
по проспекту праздному
малолетние гиганты,
рост которых —
не по разуму.
Школа стонет, не поверив,
зычным ревом переполненная:
то ли —
курсы Гулливеров,
то ли —
встреча баскетбольная.
Во дворах играют в прятки,
оккупируют парадные
молодые аксельратки
с молодыми аксельратами.
Дразнят удалью былинной
так,
что ахают наставники.
Рядом с безопасной бритвой —
оловянные солдатики.
Сигареты
рядом с куклой,
прыгалки —
с губной помадою.
Над планетою нескучной,
будто горы —
дети малые.
Виноваты витамины?
Или сполохи магнитные?..

Объясняя,
утомили
эрудиты именитые...
А планета ждет подсказки,
с головой уходит в митинги.
У планеты рост —
гигантский.
На планете гул —
космический.
Хлеб идет
грядущей выпечки.
Стал далеким
близкий локоть...

Каждый раз
встаешь на цыпочки —
сына
по плечу похлопать.

СТЕНОГРАММА

Мы поспели
к самому базару,
к самому разгару торжества...
Поглядим,
как кружатся по залу,
сталкиваясь в воздухе,
слова.

От первого столика

Я натуру
закалил
дальнею романтикой.
Знаешь остров
Сахалин?
За него!
По маленькой...
Кинь-ка
этот пирожок
вольному гусару...
Где-то плавает
дружок.
Ловит
рыбу-сайру.

От второго столика

Старая песенка:
«Нашим и вашим...»
Нынче
ее исполнителей —
тьма!

Но согласитесь:
бесспорно важен
аналитический
склад ума.

От третьего столика

— Ты все-таки решилась?
— Да вроде
решено.
— А что на службе
скажешь?
— А им
не все равно?

От второго столика

Становится жизнь круглее —
вестимо!
Я-то ее обогнуть смогу...
Но Петенька мой —
большое светило
в своем, так сказать,
специальном
кругу.

От первого столика

Сильный лирик во хмелю
кореш мой
Володька.
«Человечество люблю» —
выколол у локтя.
Корешок —
хоть и герой —
с рожей
непотребной...
Между
первой и второй
долбанем по третьей?
А?..

От второго столика

Мой Петенька вам объяснит
конкретно.
Он растолкует
с научностью всей:

слова
гениально слепого
грека —
вечный эпиграф
любых одиссей.

От третьего столика

— А что подругам скажешь?
— Придут и в новый
дом.
— А что ты скажешь сыну?
— Скажу:
поймешь потом.

От первого столика

Черту лысому родня —
Нинка
с Шикотана —
заморочила меня
и защекотала!
Я ж ее —
и так и сяк,
а она —
прилипла!..
Жизнь
пошла нараскосяк,
жуть
как неприлично!

От третьего столика

— А что ты скажешь маме?
— Да что-нибудь
скажу.
— А что ты скажешь
мужу?
— Скажу,
что ухожу.

От второго столика

Мой Петя
не ради презренных денег
уже
дис-сер-та-ци-ю
завершил.

Мой Петя,—
а это сказал академик! —
достигнет
невиданнейших вершин!

От первого столика

Не могу ее забыть! —
Вот и вся
беседа...
Человечество любить —
проще,
чем соседа.

От второго столика

Мой Петька
не то что иные балбесы!..
Мой Петька
еще по-норвежски сечет!..

От первого

Мамаша!..

От третьего

Девушка, будьте любезны!..

От первого

Кофе по-быстрому!..

От второго

Водки!..

От третьего

Счет!..

СКОРОСТЬ

Все дело в скорости!
Есть высший
прок
в тугой покорности
пустых дорог.
Зари окалина
легла в траву.
Недомогания,
ау!
Ау!..

Опять взрывается
в волне
весло.
Опять сливаются
добро и зло.
Да,
так уж водится:
разверзлась даль.
И только возгласы:
«Наддай!
Наддай!..»
Сомкнулся в линию
поток
секунд.
И слезы длинные
к вискам текут.
И ветер —
посвистом.
И боль в боку...

А кто-то
попросту,
по холодку,
по краю-бережку
идет едва,
мурлычет песенку,
забыв слова.
Нагнувшись,
медленно
из речки пьет...
И,—
тем не менее,—
не отстает.

Из сборника
ЛИНИЯ
1971—1973

***

Что же такое
«мы»?
Мы —
из лесов безбрежных.
Мы —
из блокадной тьмы.
Мы —
из стихов сгоревших.
Из невысоких изб.
Песенного всесилья.
Мы —
из бессмертья.
Из
плоти твоей,
Россия!
Мы от свинцовых розг
падали в снег с разбега.
Но —
поднимались в рост,
звонкие,
как победа!
Как продолженье дня,
шли
тяжело и мощно...
Можно
убить
меня.
Нас
убить невозможно!

Что же такое
«мы»?
Веруя в пробужденье,
взяв у земли взаймы
силу
в момент рожденья,
мы ей вернем сполна
все,
что она давала.
Только б
была
она!
Лишь бы
существовала!
Мы проросли из нее,
будто трава степная...

Гибнет в печи смолье,
солнце напоминая.
Глядя в лицо огня,
я говорю тревожно:
можно
убить
меня.
Нас
убить невозможно!

КСЕНИИ

Вырастешь, Ксения,
строки эти прочти.

Водосточные трубы
уже устали трубить.
Целый час ты живешь на земле.
Прими ее.
И прости,
что земля еще не такая,
какою ей надо
быть...
На земле умирают и плачут.
По земле ручьи бегут нараспев.
Задыхаются пальмы.
Чавкает тундровый мох...
Я хотел ее сделать
самой праздничной!
И не успел.
Я хотел ее сделать
самой улыбчивой!
И не смог.
Я над нею трясся.
Я ее так просил!
Я земле открывался.
Понял ее язык...
Ты прости отца.
У него не хватило сил
накормить голодных,
оживить убитых,
обуть босых.

Мы —
всегда продолженье.
И я
не начал с нуля.
Мы —
всегда продолженье.
Распахнута настежь дверь.
Будет самой счастливой
твоя и моя земля.
В это верит отец!
И ты —
непременно —
верь!
Ты пока что не знаешь,
как пронзителен шар земной.
Что такое «светло» —
не знаешь.
Что такое «темно».
Что такое «весна».
(Хотя родилась ты
весной.)
Что такое «снег».
(Хотя снега
полным-полно.)
Целый час
ты живешь на планете.
Привыкай дышать.
Продолжай сопеть.
Начинай басить
с номерком на руке.

Даже имя свое
еще не можешь ты удержать
в малюсеньком,
почти невзаправдашном
кулачке.

ШУМ В СЕРДЦЕ

«У вас шум в сердце...» —
врач сказал.
Увы,
пора кончать базар...
Шум в сердце?..
Надо же!

Хотя,
наверно, это — шум дождя.
А может —
госпитальный стон.
Бинты —
светлее, чем престол.
Мы — шефы.
Нам по десять лет.
Нас ждет бескарточный обед!
Мы — шефы.
Мы даем концерт.
У главврача смешной акцент,
когда он нас благодарит.
Рыдает нянечка.
Навзрыд.
Постель
пустая, как бельмо.
На ней —
невскрытое письмо.

Шум в сердце?..
Странный шум тайги
пылающей.

И крик:
«Беги!»
Шофер
в дымящемся рванье.
Таймень,
сварившийся в ручье.
И полз по веткам,
и дрожал
хрустящий, оголтелый жар.
Медведица —
седая вся —
визжала,
лапою тряся.

Шум в сердце?..
Шум
метели той.
Пурги,
как флотский борщ, густой.
Бортинженер пропал тогда...
Давила спины корка льда.
Мы —
как в негнущейся броне —
брели по снежной целине.
Брели.
Костры до неба жгли.
Стреляли.
Так и не нашли.

Шум в сердце?..
Отзвуки
твоих
шагов.
Я снова слышу их.
Ты шла по медленному дню.
В надежду.
В новую родню.
Шла в сплетни.
Шла в больные сны.
Шла в губы.
В звание жены.
В пеленки.
В зарево плиты.

В любовь.
Так приходила
ты!..

Шум в сердце?..
Жаркий шум толпы.
Хмельной.
Встающей на дыбы.
За мертвых и живых пьяны,—
солдаты ехали с войны.
Солдаты
победили смерть!..
А где же им еще
шуметь?

ПРАЗДНИК

Это —
музыка налетела!
Тишина ушла отдохнуть...
Ах, какое хорошее дело:
с тротуара
в колонну шагнуть!
Быть не около —
а со всеми.
Не поблизости,
а — среди.
В неосознанном потрясенье
солнце чувствовать впереди.
Это детство меня настигло...
Оглядевшись едва-едва,
ах, как помню я
все мотивы!
Ах, как путаю
все слова!
Снова
музыка налетает...

И —
частичкой иных миров —
в белом небе
неслышно тают
леденцы
воздушных шаров...

***

Сколько секунда значит?..
Если в секунду эту
ты
повернулся к свету —
много
секунда значит.

Сколько секунда длится?..
Если в кромешной буре
надо шагнуть под пули —
долго
секунда длится.

Сколько секунда стоит?..
Если живешь,
не тлея,
если с тобой светлее —
много
секунда стоит.

Сколько секунда весит?..
Если в секунду эту
ты
ощутил победу —
много
секунда весит.

Сколько живет секунда?..
Если в дожде мгновений
в мире

родился гений —
вечно
живет секунда.

Сколько секунда значит?..
Это я точно знаю:
больше, чем жизнь иная,
в жизни
секунда
значит!

СТРАХОВАНИЕ ЖИЗНИ

Был инспектор из Госстраха
полон
неизбывных сил.
Он роскошно и пространно
мне болезнями грозил.
Убеждал:
«Наступит старость,
непроглядная, как ночь.
Вы устанете,
пытаясь
самому себе
помочь!..
Мы тогда ваш быт наладим.
Обещание — закон.
Все устроим.
Все заплатим.
До копейки.
Целиком!
Денег нам для вас не жалко,—
распишись и получи...»

А в квартире было жарко,
будто в доменной печи.
И хотелось только кваса.
Кваса!
Больше ничего...
Ладно!
Будем страховаться
от того и от сего.
От тоски и непогоды.
От пустынной тишины.

От угона иль ухода
верной —
все еще —
жены.

От нетрезвых песен,
спетых
перед тем, как лечь в кровать...

Ну а можешь ты,
инспектор,
от войны
застраховать?
От прощаний и пожарищ?
От удела —
в землю
лечь?
Этого не обещаешь?..

Ну а можешь уберечь
от ветров земного шара?
От ожога
вечных тем?
От критического жанра
мастеров заплечных дел?
Как?
И этого не можешь?!
Вновь ухмылка на лице...

Посчитаем снова:
что же
ожидает нас в конце?
За терпенье и усердье
в завершение всего,
я тебе —
больное сердце?
Ты мне —
деньги за него?
Пожелание успехов?
Назначение к врачу?..
Не хочу я так,
инспектор.

Не могу.

И не хочу...
Не гляди с таким укором.
Не хвали свои дары.

Я
друзьями
застрахован
с давней,
памятной поры.
До смертельного мгновенья,
до предсмертной хрипоты
застрахован
от неверья —
самой тягостной
беды.
И пока друзья со мною —
около и наяву —
буду жить!
Все остальное
как-нибудь переживу.

ОТПУСК

Над морем
разлегся упруго
прозрачный
звенящий покой...

Мы вряд ли узнаем друг друга
потом, в толчее городской.
Особенно, если зимою.
(Где виделись?
Вспомни...
Пойми...)
Мы завтра покинем приморье.
Мы станем другими людьми.
Возьмем сапоги почвоведов,
замшелые тексты речей,
плащи-невидимки разведок,
стерильные маски врачей,
литые шахтерские каски,
зазывные платья певиц...
Мы ринемся в штили и качки!
И вспыхнет над каждым
девиз...
Озноб, озаренья, печали,
вокзалы,
пустая тоска,
восторженный крик и молчанье,—
все это потом...

А пока —
ракушки о музыке бредят.

Протяжные сосны прямы.
Песок нескончаемо греет.
Топорщится море...

И мы
пред этим размахом прохладным,
завидуя сами себе,
равны по уму,
по талантам,
по званиям
и по судьбе.

***

Тот самый луч,
                который
твоих коснется
рук,
покинув
          мыс Китовый,
опишет полукруг.
И в море не утонет.
Пушист и невесом,
он был в моих ладонях
застенчивым птенцом...

Он замелькает вскоре
над рябью свежих луж.
Сквозь облако тугое
пройдет тончайший луч.
И облако,
              как сердце,
пронзенное стрелой,
забыто и рассеянно
повиснет над страной.
На запахи грибные
прольется луч из тьмы.
И за лучом
              печные
потянутся дымы.
Он высветит,
                с разбега
запутавшись в звонке,
скелет велосипеда
на пыльном чердаке.

Смахнет росу
с тычинки
ленивого цветка.
В больших глазах волчихи
застынет, как тоска.
Упав на лес полого,
пожухлый лист пронзит.
Перечеркнет болото.
По насту заскользит.
На половицы в доме
он хлынет, как обвал...

Я пил его с ладони.
Пил,
словно целовал...
Покинул
мыс Китовый,
как песня
для двоих,—
тот самый луч,
который
коснется
губ твоих.

ОТЛИВ

Я. Голованову

Как будто бы обидевшись на берег,
от берега
отходит
океан.
Отлив...
Песок прочнеет и грубеет.
И выплывают,
словно на экран,
в остатках пены —
банки из-под сока,
обрывок сети,
скользкая доска,
стеклянный шар,
раскосая красотка
на потемневшей крышке сундучка.
Монета —
будто чье-то подаянье.
Пластмассовый индеец на арбе...

Постой!
И это
было
в океане?!
Все это
океан
носил в себе?!
И выкинул?
И вспоминать не хочет?
И задавать вопросы не велит?..

Ага-а-а!
Попался, старый барахольщик.
Великий?
Ты не так уж и велик!
Во мне ведь тоже — всякое.
Любое.
Про что у нас воспитанно молчат.
Теперь сравниться я могу с тобою!
Хоть в слабости.
Хоть в этих мелочах.
Хоть в чем-нибудь.
Хоть в самом окаянном!..

Я вдруг переиначил
жизнь
свою.
Уже судьей
стою над океаном.
Красиво и рассерженно стою.
Мне хорошо.
Я — в гневе.
Я караю.
Я —
как всесильный бог —
нетерпелив.

Что океану!
Океан —
бескраен.
Он занят.
Начинается
прилив.

***

Рыбу легче
жарить,
чем искать.

Океан зажал нас
как в тисках.
Он о рыбьем боге
нас
пытал.
Говорил мне
Боря —
капитан:
«Как меня ломало!
Аж до дна...
Океан мне — мама.
И жена.
Кормит он и поит.
Бьет в корму...
Говорят,
что — подвиг.
Как — кому.
Не тушуйся,
если
жжет с тоски...

Я пошел —
как в песню —
в рыбаки.

Я ее,
родную,
допою!
Хриплую, чудную,
но —
свою...
Надо, чтоб законный
выпал фарт.
С удочкой —
спокойней.
Это факт!
Дело не во вкусах:
кто — чего...
Но у нас под Курском
щуки —
во!
Во какие щуки —
страшный рост!..»

Распахнул он руки,
пальцы —
врозь.
Чтоб любимой темой
нас
пронять.
Или
захотел он
мир обнять.

Клетчатый от чаек
и сетей,
океан качает
пятый день!
Океан ужалить
норовит.

Рыбу легче
жарить,
чем ловить.

ЗЕЯ

Ты пока что напрыгайся,
Зея.
Скалы вымой.
Кедрач остуди.
Через эту протяжную землю
горделиво и крупно
лети.
Птиц
уверенным плеском напутствуй.
Ширься.
Брызги метни в облака.
Ты пока что поцарствуй!
Побуйствуй!..
Только все это, Зея,
пока.

Потому что рассчитана доля
для тебя,
шебутная вода.
Человечество здесь —
молодое.
Человечество здесь —
навсегда.
Человечество строит плотину.
Так,
что шелесты зейских глубин
превращаются —
необратимо! —

в ослепительный шорох
турбин.
Будет яростным он до озноба.
Будет выверен он и воспет.

Все подсолнухи
шара земного
повернутся
на этот свет!

***

Горбуша
в сентябре
идет метать икру...
Трепещут плавники,
как флаги на ветру.
Идет она, забыв о сне и о еде,
туда,
где родилась.
К единственной
воде.
Угаром,
табуном,
лавиною с горы!
И тяжелеют в ней
дробиночки икры...
Горбуша прет, шурша,
как из мешка — горох.
Заторы сокруша.
И сети распоров.
Шатаясь и бурля,
как брага на пиру,
горбуша
в сентябре
идет метать икру...

Белесый водопад вскипает, будто пунш,
когда в тугой струе —
торпедины горбуш.
И дальше —
по камням.

На брюхе —
через мель!
Зарыть в песок икру.
И смерть принять взамен.
Пришла ее пора,
настал ее черед...
Здесь —
даже не река,
здесь малый ручеек.
В него трудней попасть,
чем ниткою в иглу.

Горбуша
в сентябре
идет метать икру...
Потом она лежит —
дождинкой на стекле...

Я буду кочевать
по голубой земле.
Валяться на траве,
пить бесноватый квас.
Но в свой последний день,
в непостижимый час,
ноздрями
ощутив
последнюю грозу,
к порогу твоему
приду я,
приползу,
приникну,
припаду.
Колени в кровь
сотру...

Горбуша
в сентябре
идет метать икру.

***

У берега живут мальки.
Их как в арбузе —
семечек.
Как замшелое бревно,
щука дремлет в темноте...
Все больше средь моих друзей
непьющих
да лысеющих.
Мы еще, наверно,
те.
А в общем-то,
совсем не те.
Куда-то все торопимся,
чего-то все опаздываем.
То от суеты бежим,
то боимся
тишины.
Мы не стремились в пастухи.
Останемся подпасками.
Чтобы —
нечего терять.
Кроме жизни.
И жены...
А мимо нас плывет река,
пустая и бессонная.
Возле правого плеча
стоит корявая ольха.
Сейчас мы исповедуем
такую философию:
помолчим.

Да подождем,
пока не сварится уха.
Пока в упор не поглядит
плотва зрачками белыми.
Перец в черном котелке
кружит,
сердце веселя...

Считайте нас, пожалуйста,
наивными и бедными.
Ибо нам принадлежат
только
небо и земля!..
И пусть в груди, под паспортом,
немножечко покалывает.
Мы сидим,
оцепенев, у добродушного огня...

Цветная стрелка компаса
по-прежнему показывает
ни на север,
ни на юг.
А на тебя
и на меня.

***

Тунгусская загадка
разгадана давно!
Протестовать —
забавно.
А в сущности —
смешно.
К чему такие
страхи?
Сенсации —
на миг.
Пришельцы?
Это враки!
Пришельцы —
это миф.

Но я
знаком с пришельцем.
Давно дружу я с ним.
Но я
знаком с пришельцем.
И даже не с одним.
В моем бессонном сердце
шеренги их имен —
товарищи пришельцы
из будущих
времен...

И яростный,
и ясный,—
сквозь дым военных лет,—
в глазах Космодемьянской

струится
звездный свет...
От сахалинских чаек
до самого Кремля
Гагарина
встречает
вздохнувшая Земля...

Блестят ножи,
ощерясь.
В подъезде —
пьяный рык.
А он идет —
пришелец —
один.
На четверых...
Не для смешного жеста
(с дубинкою —
на танк!),

а просто
у пришельца
решает совесть
так...
Пришельцам —
как награда —
доверье к их плечу.
Для них понятье
«надо»

главнее,
чем
«хочу».
Рокочет время трубно.
Колышутся огни...

Пришельцы —
там, где трудно.
Где страшно —
там они.
Позировать не любят.
Планету волокут.
Железно верят людям.
И никогда не лгут.
Я знаю их надежность.

Я видел их дома.
Я принял
убежденность
безбрежного ума...
Шагают без скафандров
и роботов чудных.

И гибнут
от инфарктов.
Не звездных.
А земных.

О НАЦИОНАЛЬНОСТИ

Если наш Союз
называет «Россией»
кое-кто на Западе,—
напрягаю глотку,
объясняю истину,
не стою разиней.
Но —
и объясняя —
от гордости глохну!
Ибо повезло мне с землею такою.
Повезло с рожденьем,
с Москвою,
с тайгою.
Ибо —
по морозцу,
зимой залихватской,
до сих пор бравирую
сибирской закваской.
Я —
безоговорочно и бесповоротно —
капля
в океане моего народа.
Истовом,
березовом,
бурлацком,
бунтарском!
В стонах и частушках.
Счастье и мытарстве...
Ухожу распахнуто
путем тысячеверстным
в песню,

как в дороженьку по росам,
по звездам.
В Ярославском храме,
в тишине великой,
холодея,
вглядываюсь в иконные лики.
Ахаю над пляской
с узором да разводом.
Млею
под рассыпчатым колокольным звоном...
Но, светло зажмурясь
от небесной сини,
поклонившись маме-Россиюшке,
России,
захмелев от Новгорода
и приникнув к Волге,
говорю —
отчетливо —
без скороговорки:
царями да боярами
хвастать
не стану!
Свой народ
превыше всех других
не поставлю!
Мне Земля для жизни
более пригодна
после Октября
семнадцатого года!
Я в Державу верую —
вечную!
Эту.
Красную по смыслу.
По флагу.
По цвету.
Никогда не спрячусь
за кондовой завесой...

По национальности
я —
советский.

***

Человеку надо мало:
чтоб искал
и находил.
Чтоб имелись для начала
друг —
один
и враг —
один...
Человеку надо мало:
чтоб тропинка вдаль вела.
Чтоб жила на свете
мама.
Сколько нужно ей —
жила...
Человеку надо мало:
после грома —
тишину.
Голубой клочок тумана.
Жизнь —
одну.
И смерть —
одну.
Утром свежую газету —
с Человечеством родство.
И всего одну планету:
Землю!
Только и всего.
И —
межзвездную дорогу
да мечту о скоростях.

Это, в сущности,—
немного.
Это, в общем-то,—
пустяк.
Невеликая награда.
Невысокий пьедестал.

Человеку
мало
надо.
Лишь бы кто-то дома
ждал.

МАМАЕВ КУРГАН

Сотни лет
расходиться широким кругам
по огромной воде
молчаливой реки...

Выше всех Эверестов —
Мамаев курган!
Зря об этом
в учебниках нет
ни строки.
Зря не сказано в них,
что теплеет Земля
и светлеет Земля,
оттого что на ней,
о курганах мамаевых
помнить веля,
загораются
тысячи Вечных огней...

Мне сюда возвращаться.
К добру и к беде.
Мне сюда приходить.
Приползать.
Прилетать.
И, схватившись за сердце на той высоте,
задыхаясь,
разреженный воздух глотать.
Мне сюда возвращаться.
Из мелких потерь.
Из ухоженных стран.
И горячечных снов.

Натыкаться на долгие стоки людей
и кольчуги
позванивающих орденов...
Зря не сказано в книгах,
Мамаев курган,
что металла в твоем оглушенном нутре
больше,
чем в знаменитой Магнитной горе!
Что хватило его и друзьям
и врагам.
Вместо капель росы,
как слепое жнивье,
проступает железо,
кроваво сочась...
И поэтому
самая главная часть
в притяженье Земли —
притяженье твое!..

Ты цветами пророс.
Ты слезами пророс.
Ты стоишь,
поминальные муки терпя.
Синеватые молнии
медленных гроз,
будто в колокол памяти,
бьются в тебя!
И тогда поднимаются птицы с земли,
и колышется нервно
степная трава.
Оживают
затертые напрочь
слова.
И по плитам
устало
стучат
костыли.

БАЛЛАДА О КРАСКАХ

Был он рыжим,
как из рыжиков рагу.
Рыжим,
словно апельсины на снегу.
Мать шутила,
мать веселою была:
«Я от солнышка
сыночка родила».
А другой был черным-черным у нее.
Черным,
будто обгоревшее смолье.
Хохотала над расспросами она,
говорила:
«Слишком ночь была
черна».

В сорок первом,
в сорок памятном году
прокричали репродукторы
беду.
Оба сына,
оба-двое,
соль Земли —
поклонились маме в пояс
и ушли...

Довелось в бою
почуять молодым
рыжий бешеный огонь
и черный дым,

злую зелень
застоявшихся полей,
серый цвет
прифронтовых госпиталей.
Оба сына,
оба-двое,
два крыла
воевали до Победы.
Мать ждала.
Не гневила,
не кляла она судьбу.
Похоронка обошла ее избу.
Повезло ей,
привалило счастье вдруг.
Повезло одной
на три села вокруг.
Повезло ей,
повезло ей,
повезло!
Оба сына
воротилися в село.
Оба сына,
оба-двое,
плоть и стать...
Золотистых орденов не сосчитать.
Сыновья сидят рядком —
к плечу плечо.
Ноги целы,
руки целы —
что еще?
Пьют зеленое вино,
как повелось...
У обоих изменился
цвет волос.
Стали волосы —
смертельной белизны.
Видно, много
белой краски
у войны.

***

Неправда, что время уходит!
Это уходим
мы.
По неподвижному времени.
По его протяжным долинам.
Мимо забытых санок
посреди сибирской зимы.
Мимо иртышских плесов
с ветром неповторимым.
Там, за нашими спинами,—
мгла с четырех сторон
И одинокое дерево,
согнутое нелепо.
Под невесомыми бомбами —
заиндевевший перрон.
Руки,
не дотянувшиеся
до пайкового хлеба.
Там, за нашими спинами,—
снежная глубина.
Там обожженные плечи
деревенеют от боли.
Над затемненным городом
песня:
«Вставай, страна-а!..»
«А-а-а-а...» — отдается гулко,
будто в пустом соборе...
Мы покидаем прошлое.
Хрустит песок на зубах.
Ржавый кустарник
призрачно топорщится у дороги.

И мы на нем оставляем
клочья отцовских рубах
и надеваем синтетику,
вредную для здоровья.
Идем к черте, за которой —
недолгие слезы жен.
Осатанелый полдень.
Грома неслышные гулы.
Больницы,
откуда нас вынесут.
Седенький дирижер.
И тромбонист,
облизывающий
пересохшие губы...
Дорога — в виде спирали.
Дорога — в виде кольца.
Но —
отобедав картошкой
или гречневой кашей —
историю Человечества
до собственного конца
каждый проходит по времени.
Каждый проходит.
Каждый.
И каждому — поочередно —
то солнечно,
то темно.
Мы измеряем дорогу
мерой своих аршинов.
Ибо уже установлено
кем-то давным-давно:
весь человеческий опыт —
есть повторенье ошибок...
И мы идем к горизонту.
Кашляем.
Рано встаем.
Открываем школы и памятники.
Звезды и магазины...
Неправда, что мы стареем!
Просто —
мы устаем.
И тихо отходим в сторону,
когда кончаются силы.

***

Человечество —
в дороге.
Дорогое баловство.
Может, это —
от здоровья.
Может, и не от него...
Суетливо,
бестолково,—
кто?
зачем?
за что?
когда?..
От нашествия такого
сладко стонут
города...
Тугрики,
песеты,
франки,
лиры,
доллары,
фунты.
И урчат, насытясь,
банки,
словно гладкие коты...
Знатоков —
один на сотню.
Заполняют,
как обвал,
модерновую часовню,
древний пыточный подвал.

Кандалы хватают цепко,
ощущая в пальцах зуд.
Вертят,
спрашивают цену,
цепи
пробуют на зуб...
Виллы,
домны,
парки,
пашни.
Долететь!
Дойти!
Доплыть!
Чтоб от Эйфелевой башни
сувенирчик
отпилить...
Едут далеко и долго.
Нервным пламенем горят.
И на все взирают
только
через фотоаппарат.
Разыгрались, будто дети:
через море —
на доске,—
через Азию —
в карете,
на байдарке —
по Оке.
Сколько их?
Куда их гонят?
В чем причина этих смут?
Что теряют?
Что находят?
Что —
в конце концов —
поймут?
Я не знаю.
Я не знаю.
Вам ответа я не дам...

Сам сегодня
уезжаю.
Собираю чемодан.

***

Провожаний
немое кино.
Я устал от него —
от такого.
Полуобморочно,
бестолково
и безжалостно длится оно.
Без конца продолжается мука.
Кто-то накрепко запер окно.
Вновь с перрона —
ни крика,
ни звука —
лишь движенья.
Немое кино!..

Провожают кого-то студенты
разноцветной ватагой галчат.
В свитера по сезону одеты.
Что-то вечное, видно,
кричат.
Плачет женщина.
Снова и снова
заполняет тоскою вокзал.
Вижу слезы.
Не слышу ни слова.
И поэтому
верю слезам...

Я уже уезжаю с рожденья.
Даже, может,— уехал давно!..

Наказанье мое,
наваждение —
провожаний
немое кино.

***

Над Саппоро
кружится снег...
Я летом с постели привстану,
закрою глаза
и представлю:
над Саппоро
кружится снег.
Спадает,
как шуба с плеча.
Наивный,
ребячий,
потешный,—
витая над чьей-то надеждой,
над чьим-то волненьем
звуча.
Сугробы растут во дворе.
У снега —
лицо молодое.
Снежинки горят на ладони
язычниками —
на костре...
Идет середина зимы.
Для снега — ни поздно, ни рано.
И мы улыбаемся странно...

Чему улыбаемся
мы?
Всему понемногу.
Всему.

Конечно, и этому снегу.
И полночи этой.
И небу.
А может,
не только ему.
Дорогам,
пронзающим век.
Домам над застывшей рекою.
Святому мгновенью покоя,
в котором рождается снег...
Пришел этот снег,
и уйдет.
Пройдет он,
как юность.
Как поезд.

Не зря ж
одинокий японец
всю ночь мостовую метет.

***

В. Овчинникову

Не доставая до поручня,
протопотала японочка.
Эхом,
намеком,
смирением.
Вздохом.
Иным измерением.
Самым началом движения.
Фразою
без продолжения.
Будто из отзвуков собрана.
Не рождена —
нарисована.
Даже —
едва обозначена.
Легкою кисточкой.
Начерно.
Скрылась,
пропала,
растаяла...

Тень ощущенья
оставила.

ИЕРОГЛИФЫ

С. В. Неверову

Я в японский быт врастаю.
Интересный крест несу.
В иероглифах
плутаю,
как в загадочном лесу.
Иероглифы приветствий,
поворотов головы.
Иероглифы созвездий.
И безмолвья.
И молвы.
И луна —
как иероглиф.
И вдали от городов
иероглифы вороньих
перепутанных следов...
Тучи с неба опустились.
Дождь со снегом пополам.
Иероглифы гостиниц.
Иероглифы реклам...
Я гляжу, вконец продрогнув,—
рано
вынырнув
из сна,
на квадратный иероглиф
запотевшего окна.
Одеяла не помогут —
натяни хоть до бровей.

За окном
покорно мокнут
иероглифы ветвей...

И, наверное, для драки
ждет у старого моста
иероглиф
злой собаки
иероглифа —
кота.

ХИРОСИМА

Город прославился так:
вышел военный чудак,
старец
с лицом молодым.
«Парни,—
сказал он,—
летим!
Мальчики,
время пришло.
Дьявольски нам повезло!..»

В семь сорок девять утра
все было так, как вчера.
«Точка,—
вздохнул офицер,—
чистенько
вышли на цель».

В восемь двенадцать утра
сказано было:
«Пора!..»
В восемь пятнадцать,
над миром взлетев,
взвыл торжествующе
дымный клубок!
Солнце зажмурилось,
похолодев.
Вздрогнули оба:
и «боинг»,
и бог!..

Штурман воскликнул:
«Ой, как красиво!..»

В эту секунду
в расплавленной мгле
рухнули
все представленья о зле.
Люди узнали,
что на Земле
есть Хиросима.
И нет Хиросимы.

РАЗГОВОР О СНЕГЕ С СЕМИЛЕТНИМ КА САНОМ — СЫНОМ СИНГАПУРСКОГО ПОЭТА ГО БО СЕНА

Ка Сана море утомило.
Но он —
серьезный человек.
И —
проникая в тайны мира —
он просит:
— Расскажи про снег!
Я рисовал,
да не выходит.
Никак его я не пойму...
Он —
как мороженое?

— Вроде...

— Не может быть!

— Ну, почему?
Представь,
поверь такому чуду:
зимой у нас,
в моей Москве,
лежит мороженое всюду —
на улицах,
и на траве,
и на деревьях,
и на крышах.
В любых дворах.

У всех дверей.
Для всех девчонок
и мальчишек.
А в зоопарке —
для зверей.
У нас оно зовется
«снегом».
Его
все государство ждет...
Идет
мороженое с неба.
Просторно,
сказочно идет.
Оно похрустывает слабо,
к прохожим
просится в друзья.

— А это сладко?

— Очень сладко.
Так сладко,
что сказать нельзя.

Мой собеседник затихает.
Глядит
неведомо куда...
— А вы счастливые...—
вздыхает.

Я соглашаюсь:
— Иногда.

АКУЛЫ ОСТРОВА ГОРЁ

Здесь хорошо.
Здесь даже в январе
вода —
приятная до удивленья.
А остров называется Горé.
Горé.
(Прошу не путать ударенья.)
Когда-то,—
если книга не лгала,—
у жителей Горé
(Горé,
не гóре)
из всех профессий
главною была
одна профессия:
работорговля.
На финише растерянной земли —
в цепях и плачах,
голоде и вони —
живой товар
грузили в корабли.
А ослабевших
сталкивали в волны...

И начинался
звездный час
акул!
Обеденный.
Невозмутимый.
Адский.

Их пиршество.
Их время.
Их разгул —
воистину —
бездонно-океанский!
Был праведен охотничий азарт,
когда ему эпоха потакала!..

Все это было двести лет назад.
У острова Горé.
Вблизи Дакара...
Давно работорговли
в мире
нет.
У океана —
вид уютной шкуры...

Но вдумайтесь:
и через двести лет,—
тревожа память
целых двести лет,
не умирая
эти двести лет,
сюда —
из всех морей! —
плывут
акулы.
Как будто в самом деле —
поклялись!
Штурмуют островок стада акульи.
Глаза акул
сквозь голубую слизь
мерцают,
словно в темноте —
окурки.
И никакой ученый не постиг,
зачем акулам
вечная поверка.
Вы скажете:
«Наверное, инстинкт».
А вдруг —
надеются
на человека?!

А если,
приходя сюда опять,
они упрямо и угрюмо верят,
что время
может повернуться вспять
и снова
человечинкой
повеет!..
Акулы приплывают на заре.
Скользят вблизи.
Маячат в отдаленье...

А остров называется Горé.
Горé.
(Не надо путать
ударенья.)

ТРЕЩИНКА

Речка Тахо,
речка Тахо под Толедо...
Над зеленою водой
бормочет птаха.
Желтоватая долина —
как тарелка.
Трещинкой на дне долины —
речка Тахо.
А Толедо — как нахмуренное чудо.
Как далекий отзвук
рыцарского гимна.
Тусклым золотом
блестит его кольчуга...

Я не слушаю начитанного гида.
Голос гида для меня звучит нелепо.
Почему-то мне глядеть на город
больно.
Слишком долго я шагал к тебе,
Толедо!
Исполняются желанья
слишком поздно...
Память снова подымается из праха.
Вновь клянутся пацаны
у школьной карты.
Крепок
долгий сон
бойцов интербригады...

Ты —
как трещинка на сердце,
речка Тахо.

ГИТАРА ГАРСИЯ ЛОРКИ

А одна струна —
тетива,
зазвеневшая из темноты.
Вместо стрел в колчане —
слова.
А когда захочу —
цветы.

А вторая струна —
река.
Я дотрагиваюсь до нее.
Я дотрагиваюсь слегка.
И смеется
детство мое.

Есть и третья струна —
змея.
Не отдергивайте руки:
это просто придумал я —
пусть
боятся мои враги.

А четвертая
в небе живет.
А четвертая
схожа с зарей.
Это — радуга,
что плывет
над моею бедной землей.

Вместо пятой струны —
лоза.

Поскорее друзей зови!
Начинать без вина нельзя
ни мелодии,
ни любви.

А была и еще одна
очень трепетная струна.
Но ее —
такие дела —
злая пуля
оборвала.

ПРИЛЕТ

Словно вынырнул,
вышел из чрева Земли.
Или падал в пропасть.
И не разбился.
Настроение —
словно тебя спасли.
Состояние —
будто впервые влюбился.
Все чуть-чуть расплывчато.
Чуть смещено.
Самолет по бетону катится долго.
А тебе невесомо.
Тебе смешно.
Ты твердишь оглушенно:
«Вот мы и дома!..
Вот и все...»
Самолет замедляет бег.
«Вот и все...»
А сердце
прожгло рубашку...
Настоящий лес.
Настоящий снег.
И автобусик
с дверцами нараспашку.
А еще воробьи.
А еще закат.
И морозец.
И не было расставаний...
Стюардесса
воркует на трех языках.

Стюардесса просит,
чтоб мы не вставали.
Мы смеемся.
Светло гудит голова.
Даже лужи
блестят водою живою...

И зачем-то
написано слово
«Москва».
Будто это
может быть
не Москвою.

ПОВАРА

Земля еще и потому щедра,
что в мире существуют
повара!..

Благословенны их простые судьбы.
А руки —
будто помыслы —
чисты.
Профессия у них
добра по сути.
Злой человек
не встанет у плиты.
Я знаю,
что древнее всяких библий
крутые глыбы кулинарных книг...

Зазывный запах —
терпкий и обильный —
на улице,
как музыка, возник...
Пыхтят в духовке
блюда-недотроги.
И флотский борщ
волнуется впотьмах.
И расцветает блин
на сковородке.
И смачно пузырится
бешбармак.

Зеленый перец
затевает с мясом
общение
в серебряном дыму.
Наука сочетается с шаманством
и торжествует
вопреки всему!..
Свершается!
Сейчас бы грянуть
маршам...
А повар —
белоснежная гора —
среди больших кастрюль
стоит, как маршал,
и говорит решительно:
«Пора!..»
Он все сказал вам.
Он не ждет награды.
Во взгляде —
вопрошающий озноб...
И странный отблеск
театральной рампы
вдруг заполняет кухню до основ.

Пускай твердят про вечность
летописцы,
пусть трагик воспевает
пыль эпох.
А я —
о прозе.
О еде.
О пище.
Ведь если где-то существует бог,
его я вижу
у плиты великой,—
распаренного,
с черпаком в руке.
С загадочною,
доброю улыбкой.
И — непременно —
в белом колпаке.

ЗА КУЛИСАМИ

Безобманный
гул
кулис.
Пот и пудра —
пополам.
Кто б ты ни был,
покорись
жарящим юпитерам...
Знаменитый акробат,
демонстрирующий мощь,
от угластых мышц горбат,
после номера,
как морж,—
мокрый!
В кресле у стола.
Никого не узнает...
Может,
дождь на сцене льет?
Может,
крыша протекла?..
В коридорчике пустом
пышнотелый баритон
бродит
с видом короля.
Монотонно тянет:
«Ля-а-а-а...»
Упивается.
Распевается...

Вот сопрано из Читы
входит,
тиская цветы.
А за нею —
плеск ладош.
Дождь на сцене.
Дождь,
Дождь.

А в буфете за стеной
от народа —
как в парной!
Чтоб не слишком горевать,
сели
около рыбца
три заслуженных певца
и один лауреат...
Хора фрачная толпа —
разученейшая...

Вполноги
сверяют
па
два чечеточника.
Спит кудесник малых форм.
В платье
скользком, как змея,
чтица
дышит в телефон:
«Мама,
это снова я...
За Маришкой проследи,
чтоб легла
до десяти.
Или в десять.
Точь-в-точь...»

А на сцене
хлещет дождь!
Хлещет ливень вихревой.
Разодетой жертвы ждет.
Очень скоро он пойдет
над моею головой...

Танцевальный Аполлон
репетирует поклон.
Поклонился он стене,
стулу,
пепельнице,
мне...
Огорчается.
Не получается...
Пианист угрюм и тощ.
А на сцене
хлещет дождь!..

Балерина из угла
встрепенулась:
«Я пошла!..
Мне пора,
пора,
пора.
Все!..»

— Ни пуха, ни пера!
— К черту!

СКАЗКА О МЕДНЫХ ТРУБАХ

И довелось испытать ему
огонь, воду и медные трубы...

Из старой книги

Жил богатырь на свете.
Претендовал на корону.
Не было у гражданина
ни слабостей,
ни гордынь.
Съедал на обед барана.
На ужин съедал корову.
Был богатырь
что надо!
Сказочный был
богатырь...
Он — либо сражался,
либо
думал: с кем бы сразиться?!
И никакая сила
не могла его удержать...
Князю приходится княжить.
Прачке — с бельем возиться.
Богатырю
приходится
подвиги совершать...
Однажды он въехал в море.
На добром коне.
С разгона.
И там пропадал,—
рассказывают,—
почти до восьми утра.

А утром князю в подарок
привез он Царя Морского.
Люди кричали:
«Браво-о-о!..»
Люди кричали:
«Ура-а-а-а!..»
А богатырь отправился
в Царство Зловонной Гари,—
жажду геройства
новым подвигом утолил.
Огненного Страшилу
голыми взял руками!
(Только усы да брови
чуточку опалил.)
Княжеские глашатаи
на площадях
хрипели.
Был потрясающий праздник!
(Я знаю, что говорю.)
Звонкие трубы пели,
чистые трубы пели,
медные трубы пели
славу
богатырю!
Слушал он эти трубы
в очень достойной позе.
Слушал он их,
внимая
каждой отдельной трубе.
Слушал их днем и ночью.
Вдумчиво слушал.
А после —
разволновался.
И помер.
От уваженья к себе...
Жил богатырь на свете.
Явно — не самый слабый.
Был богатырь,
и — нету.
Жалко богатыря...
Страшное испытанье:
медные трубы славы!
Соображали предки.
Слов не бросали зря.

СКАЗКА О ДОБРОМ ДЖИННЕ

Олегу Рудневу

Джинн был добрым.
Из бутылки вылез,
а бутылку
подарил мальцу...
Стражники царевы подивились:
мимо них
шагнула тень
к дворцу.
Царь,
румяный, как шашлык по-карски,
глянул на волшебника хитро:
— Ты откуда взялся?
— Я?
Из сказки.
— А сюда зачем?
— Творить
добро.
— Значит, будешь требовать в награду
золотишко,
бархату аршин?
Может, дочку царскую?
— Не надо.
Ничего не надо.
Я же —
джинн.

Царь перекрестился на икону,
скипетром покачивая в такт,
и сказал сурово:

— Нет закону,
чтоб добро творили
просто так!..

Засмеялся джинн.
Подался в город.
И —
покрытый копотью лучин —
он сначала
уничтожил голод,
грамоте мальчишек научил,
лес дремучий вырубил без страха,
запросто остановил чуму...

Люди относились к джинну
странно
и не очень верили ему.
Их одно лишь интересовало:
— Все-таки скажи,
открой секрет...
Сам-то ты
неужто без навара?!
— Я же джинн!
— Ну-у, это не ответ!
Не бывает так...
Добро приносишь.
Бедным помогаешь задарма.
Ничего себе взамен
не просишь...
Понимаешь? —
Дураков нема.

Джинн
засеял рожью поле брани.
(Люди ночью
эту рожь
сожгли.)
Рассыпал он истины.
(Не брали.)
Планетарий выстроил.
(Не шли.)
Джинна избегали.
Джинна гнали.

(Дважды
чудом спасся от толпы!)
Дружным хором
джинна проклинали
пасторы,
раввины
и попы.
Хаяли в костелах и в мечетях,
тысячами
шли на одного!..

Джинн бы умер
в тягостных мученьях,
если б
не бессмертие его.
И, устав от мыслей раздраженных,
плюнул джинн
на непонятный мир...
И решил он
разводить крыжовник:
ягоду,
в которой — витамин.
Для себя!..

Над хутором заброшенным,
над последней страстью чудака
плыли —
не плохие, не хорошие —
средние
века.

СКАЗКА С НЕСКАЗОЧНЫМ КОНЦОМ

Страна была до того малюсенькой,
что, когда проводился военный парад,
армия
маршировала на мéсте
от начала парада
и до конца.
Ибо, если подать другую команду,—
не «на месте шагом...»,
а «шагом вперед...»,—
очень просто могла бы начаться война.
Первый шаг
был бы шагом через границу.

Страна была до того малюсенькой,
что, когда чихал знаменитый булочник
(знаменитый тем,
что он был единственным
булочником
в этой стране),—
так вот, когда он чихал троекратно,
булочники из соседних стран
говорили вежливо:
«Будьте здоровы!..»
И ладонью
стирали брызги со щек.

Страна была до того малюсенькой,
что весь ее общественный транспорт
состоял из автобуса без мотора.

Этот самый автобус —
денно и нощно,
сверкая никелем, лаком и хромом,
опершись на прочный гранитный фундамент
перегораживал
Главную улицу.
И тот,
кто хотел проехать в автобусе,
входил, как положено,
с задней площадки,
брал билеты,
садился в удобное кресло
и,—
посидев в нем минут пятнадцать,—
вставал
и вместе с толпой пассажиров
выходил с передней площадки —
довольный —
уже на другом конце государства.

Страна была до того малюсенькой,
что, когда проводились соревнования
по легкой атлетике,
все спортсмены
соревновались
(как сговорившись!)
в одном лишь виде:
прыжках в высоту.
Другие виды не развивались.
Ибо даже дистанция стометровки
пересекалась почти посредине
чертой
Государственнейшей границы.
На этой черте
с обеих сторон
стояли будочки полицейских.
И спортсмен,
добежав до знакомой черты,
останавливался,
предъявлял свой паспорт.
Брал визу на выезд.
Визу на въезд.
А потом он мучительно препирался
с полицейским соседнего государства,

который требовал прежде всего
список
участников соревнований —
(вдруг ты — хиппи, а не спортсмен!).
Потом этот список переводили
на звучный язык соседней страны,
снимали у всех отпечатки пальцев
и —
предлагали следовать дальше.
Так и заканчивалась стометровка.
Иногда —
представьте! —
с новым рекордом.

Страна была до того малюсенькой,
что жители этой скромной державы
разводили только домашнюю птицу
и не очень крупный рогатый скот
(так возвышенно
я называю
баранов).
Что касается более крупных зверей,
то единственная в государстве корова
перед тем, как подохнуть,
успела сожрать
всю траву
на единственной здешней лужайке,
всю листву
на обоих деревьях страны,
все цветы без остатка
(подумать страшно!)
на единственной клумбе
у дома Премьера.
Это было еще в позапрошлом году.
До сих пор весь народ говорит с содроганьем
о мычании
этой голодной коровы.

Страна была до того малюсенькой,
что, когда семья садилась за стол,
и суп
оказывался недосоленным,
глава семьи звонил в Министерство
Иностранных Дел и Внешней Торговли.

Ибо угол стола,
                где стояла солонка,
был уже совершенно чужой территорией
со своей конституцией и сводом законов
(достаточно строгих, кстати сказать).
И об этом все в государстве знали.
Потому что однажды хозяин семьи
(не этой,
          а той, что живет по соседству),
руку свою протянул за солонкой,
и рука была
арестована
тут же!
Ее посадили на хлеб и воду,
а после организовали процесс —
шумный,
          торжественный,
                принципиальный —
с продажей дешевых входных билетов,
с присутствием очень влиятельных лиц.
Правую руку главы семьи
приговорили,
          во-первых — к штрафу,
во-вторых
(условно) —
к году тюрьмы...
В результате
          несчастный глава семейства
оказался в двусмысленном положенье:
целый год он после —
одною левой —
отрабатывал штраф
и кормил семью.

Страна была до того малюсенькой,
что ее музыканты
с далеких пор
играли только на флейтах и скрипках,
лишь на самых маленьких скрипках и флейтах!
Больше они ни на чем не играли.
А рояль они видели только в кино
да еще —
          в иллюстрированных журналах.
Потому что загадочный айсберг рояля,

несмотря на значительные старанья,
не влезал
в территорию
этой страны.
Нет, вернее, сам-то рояль помещался,
но тогда
исполнителю
не было места.
(А играть на рояле из-за границы —
согласитесь —
не очень-то патриотично!)

Страна была невероятно крохотной.
Соседи
эту страну уважали.
Никто не хотел на нее нападать.
И все же
один отставной генерал
(уроженец страны
и большой патриот)
несколько раз выступал в Сенате,
несколько раз давал интервью
корреспондентам центральных газет,
посылал посланья Главе государства,
в которых
решительно и однозначно
ругал
профсоюзы и коммунистов,
просил увеличить военный бюджет,
восхвалял свою армию.
И для армии
требовал
атомного
оружия!

МОНОЛОГ ЦАРЯ ЗВЕРЕЙ

В катакомбах музея
пылится пастушья свирель,
бивень мамонта,
зуб кашалота
и прочие цацки...

Человек!
Ты послушай Царя
терпеливых зверей.
И прости, что слова мои
будут звучать не по-царски.
Я —
последний из львов.
Но пускай за меня говорят —
лань
в объятьях капкана,
ползучего смога
громадность.
И дельфинья семья,
за которой неделю подряд
с вертолета охотился ты.
Чтоб развеяться малость.

Пусть тебе повстречается голубь,
хлебнувший отрав,
муравейник сожженный,
разрытые норы барсучьи,
оглушенная семга,
дрожащий от страха жираф,
и подстреленный лебедь,
и чайки —
по горло в мазуте.

Пусть они голосят,
вопрошая карающий век.
Пусть они стороною обходят
любую машину...
Ты —
бесспорно — вершина природы,
мой брат человек.
Только
где и когда ты встречал
без подножья
вершину?

Ты командуешь миром.
Пророчишь.
Стоишь у руля.
Ты — хозяин.
Мы спорить с тобой
не хотим и не можем.
Но без нас,—
ты представь! —
разве будет землею
земля?
Но без нас,—
ты пойми! —
разве море
останется морем?
Будут жить на бетонном безмолвье
одни слизняки.
Океан разольется
огромной протухшею лужей.
Я тебя не пугаю.
Но очень уж сети
крепки.
И растет скорострельность
твоих замечательных
ружей.

Все твое на планете!
А нашего —
нет ничего.
Так устроена жизнь.
Мы уже лишь на чучела
сгожи.
Зоопарки твои превосходны.
Да жаль одного:

мы в твоих зоопарках
давно на себя
не похожи...

Так устроена жизнь.
Мы поладить с тобой не смогли.
Нашу поступь неслышную
тихие сумерки спрячут.
Мы уходим в историю
этой печальной земли.
Человечьи детеныши
вспомнят о нас.
И заплачут...
Мы —
пушистые глыбы тепла.
Мы —
живое зверье.
Может, правда, что день ото дня
мир становится злее!..

Вот глядит на тебя
поредевшее царство мое.
Не мигая, глядит.
И почти ни о чем не жалея.
И совсем ничего не прося.
Ни за что не коря.
Видно, в хоботы, ласты и когти
судьба не дается...

Я
с седеющей гривы
срываю корону Царя!
И реву от бессилья...
А что мне еще остается?

ДЕТСКОМУ ХИРУРГУ ВЯЧЕСЛАВУ ФРАНЦЕВУ

Прошу простить,
хирург,
коль я не так спросил:
но вам
хватает рук,
но вам
хватает сил?
Наверно,
вы должны,
крутясь в эфирной мгле,
поверить,
что больны
все дети на земле.
И этот странный круг
очерчивал не я...

Вы знаете, хирург,
законы бытия:
смертельная болезнь
у каждого из нас.
Нам тоже в землю
лечь
придется в некий час.
Не даст воды живой
знакомый чародей.
Предел у сердца —
свой...
Но вам
несут детей!
Звенящих, как стекло.

Изведавших пока
лишь доброе тепло
грудного молока.
Беспомощных несут.
Прозрачных, будто зной...
Вы —
их последний суд.
И божий.
И земной...
Спасите их,
хирург!
Верните их,
мастак!
Проверьте все:
«А вдруг!..»
«А вот!..»
«А если так!..»

Закон беды жесток.
У спящего мальца
и кожа —
как пыльца,
и сердце —
с ноготок.
Понятно вам давно:
парнишка — не жилец.
Но в сотый раз
дано
себя
не пожалеть!..
Легко сказать:
«Начнем...»
И медлить.
И тянуть.
Так глупо,
словно днем
у берега тонуть.
Под гул колоколов.
Под ветром ледяным...

А вам
хватает слов —
все объяснять
родным?

Глядеть на них в тоске.
Симптомы называть.
Предсердье рисовать
на маленьком листке.
Распутывать клубок.
Бессмысленно курить.
И глухо говорить:
«Пока что...
Я не бог...»
И вновь —
себе во вред —
себя
переступать!

...Вам
хватит сигарет,
чтоб до утра
не спать?

***

Дни,
похожие на пряники —
расписное торжество.
Что ни день —
сплошные праздники
в честь того
и в честь сего.
Праздник физиков и лириков.
Праздник неба и воды.
Появленье
первых листиков.
День
последней борозды...
В клубе тесно от затейников,
сцена
стерта
в порошок!..
Поздравляет зоотехников
теледиктор Балашов.
Поздравленье долгожданное —
позолоченный орех.
Нынче
дата календарная,—
значит, и шумнуть —
не грех!..
Говорю не для напраслины:
водка
вытеснила чай.
Появилось
столько праздников —
хоть будни
отмечай!

БОКС

Табло чемпионата
над залом взметено...
А нам-то что?
А нам-то,
сидящим, как в кино?
А нам чего —
нежилистым,
курящим,
нереже́мящим,
ухоженным,
балованным,
не битым
и не ломаным?
Орущим в этом зале,
как посреди двора?..

Но вот уже
мы сами
решаем, что —
пора!..
И в трансе невесомом
(следи,
чемпионат!)
мы
следом за боксером
ныряем под канат.
Как из реки —
на берег.
И оседает мгла.
И движется
соперник
из красного угла.

Нахрапистый по сути.
Задирист и рукаст...

Что ж,
дорогие судьи,
тогда
начнем рассказ.
Начнем его не резво,
дотерпим до конца.
(А левая —
как рельса,
у этого юнца!)
Танцует,
как пушинка,
и не устанет, черт...
(А в ближнем он —
не шибко.
Не любит.
Не сечет.)
Пусть хлещет по предплечьям,
расходует запал.
Шаг в сторону.
И — встречным.
По корпусу.
Попал!

Кумир соревнований
ладонью лоб утер...
А мы
идем к трамваям.
К автобусам идем.
Расправив плечи жестко.
Себя
переборов.

И чувствуем,
как жжется
рассеченная бровь.

ДОПОЛНЕНИЕ К СЛОВУ

«Игры»?!
Разве это —
игры?
Сердцу бешеному в такт,
здесь выходят:
«или — или».
Или — или!
Только так...

«Игры»?!
Кто назвал игрою
эти дни наперечет?
Болью,
нервами
и кровью
завоеванный почет...

«Игры»?!
Разве так «играют»?
Ослепленные мечтой,
так живут!
А умирают
лишь за финишной чертой.

«Игры»?!
Разве это —
игры?

Если —
крупно и всерьез —
после всех надежд наивных,
после всех обид и слез,
после испытанья боем,
после стольких передряг
вновь
восходит над тобою
твой
непобежденный
флаг!

ФИГУРНОЕ КАТАНИЕ

Фигурное катание!
Цветная чехарда.
Зазывное,
фатальное
похрустыванье льда...
К премьере
мир
готовится,—
билетов не проси.
И разговор о тодесе
ведет шофер такси.
Оценивает заново
пробежки и ситки.
Вновь
от тройного сальхова
бледнеют знатоки.
Преображаясь
в солнышко,
в метелицу,
в юлу —
опять
танцует Золушка
на сказочном балу.
Вникая в действо оное
четвертый час подряд,
сто миллионов —
охают,
и только двое —
спят.

Фигурное катание!
Стихающий дворец.
Большое ожидание:
когда же
наконец
судейские горынычи
покажут в одночасье,
как попугаи рыночные,—
билетики
со счастьем.

ПОБЕДИТЕЛЬ

Можно теперь победителя
славить стихами.
Я же воспринял его и запомнил,
когда
он добежал на последнем,
нездешнем дыханье.
На нулевом!
За которым уже —
темнота...

Как его —
полуживого —
у бровки шатало!
То прорывался он к свету,
то падал во тьму.
Все мы пьянели от воздуха.
И не хватало
этого воздуха в мире
ему одному.

Будто бежал он большим свежевспаханным полем.
Полем таким, что шагни —
и не вытащишь ног.
Он стадиона не видел,
не слышал,
не помнил!
Всех превозмог он.
Но прежде —
себя превозмог.
Он финишировал первым.
Что было — то было.

Как вспоминал он потом:
«Ни на чем добежал».

А проигравших —
как водится —
солнце слепило.
А проигравшим —
естественно —
ветер мешал.

ТРЕНЕР

Спортсмены возникают,
вырастая
из тренера,
как ветви из ствола...

Час грянул!
Чемпион —
на пьедестале!
А тренеру —
негромкая хвала.
К нему подходят,
руку жмут до хруста:
«А твой-то, твой!»
«Спортсменище!»
«Орел!»
И тренер
головой кивает грустно.
Как будто потерял —
не приобрел.
Как будто помогал ему всевышний.
Как будто не исполнилась мечта.
И кажется обыденной,
привычной
невиданная эта
высота...

Его питомец замер,
задыхаясь,
в сиянье золоченого венца.

Вновь тренеру —
терпя и чертыхаясь —
вести по жизни нового мальца.
Вновь чувствовать,
что в молодость вернулся.
Шептать неулыбающимся ртом:
«Ты выиграешь.
Только не волнуйся!»
И знать,
что под рукою —
валидол.

ПРО ГИГАНТОВ

«Битва гимнастических гигантов!»
«В бой вступают
главные герои!»

А у гиганта с ростом —
небогато.
Хмурится гигант.
Гигант расстроен.
Две косички вздрагивают жалостно.
«Надо же!
Так начинала чисто.
Вроде все прошла.
И вот —
пожалуйста:
простенький соскок
не получился».
Есть слова про долг
и про уверенность.
Ей от этих слов
не станет легче.
Крупная,
державная ответственность
рухнула
на маленькие плечи!
Глупо ждать волшебника из сказки.
Чтоб помог.
Чтоб за тебя не струсил...

Всхлипнула гигант
не по-гигантски.

И шагнула —
будто в омут —
к брусьям!..
Вновь она
на судей смотрит с вызовом.
Вновь мелькают
два победных банта!..

В городе Москве
у телевизора
плачет мама
этого
гиганта.

МАРАФОН

Стартовали, хорохорясь.
Никого
никто
не ждал.

Марафонец, марафонец,
ты куда —
в такую даль?
Ну, зачем
при всем народе
в неприличной наготе
так вот
шлепать по дороге
с номерком на животе?
Для чего ты,
в самом деле,
на дистанции возник?
У тебя —
жена и дети.
Что ж ты бегаешь от них?
У тебя ж,
помимо спорта,
кроме тяжестей его,
есть
приличная работа.
И зарплата ничего...
А дорога
сверх размеров.
Ты бежишь по ней по всей.

Ты уже
на триста метров
оторвался от друзей!
Коллектив не уважаешь?
Ошалел от беготни?
Ну куда,
куда ты жаришь,
марафонец?
Отдохни!..

Только он меня не слышит.
На дороге мельтешит.
Шумно дышит,
дышит,
дышит.
И — бежит,
бежит,
бежит...
Кавалькада марафона
прокатилась как река.
Мастера
кино и фото
расстарались на века.
Марафон отобразили
с головы
до самых пят.
Трех призеров
допросили.
И теперь
спокойно спят.
Спят болельщики и судьи.

И у всех —
как ни ершись,—
марафонская по сути,
по́том
политая жизнь.

ПОСЛЕ

Забудьте
сладенькую ложь,
не верьте в небыль,
что хлынул вдруг
медальный дождь
как манна — с неба.
Что все пришло
само собой,
мир
взбудоража...
Там был такой серьезный бой,
что страшно даже!

Такой накал,
такой порыв,
такое жженье!
Сверхиспытанье на разрыв!
Сверхнапряженье!..
Смирился
с нами пьедестал.
Потом —
сдружился.

Тот,
кто от нас побед не ждал,—
опять ошибся!

***

Новости из Лимы и Полтавы,
мешанина из проблем и стран...
Как оголодавшие удавы,
мы
гипнотизируем экран.
Опера
и свойства полимера,
КВН
и баскетбольный матч.
Лучше, чем Шекспира и Гомера,
знаем мы
программу передач.
Старые и новые товары,
пища для ума и для души...
Плачут
стадионы и театры,
жалкие
считая
барыши...
Телефильм
заразен, как холера.
Тащит он в загадочную мглу.
И уже не кресло,
а — галера.
Накрепко прикован
ты
к веслу.
Нет уже другого интереса!
Не найти привычнее судьбы!..

Мы молчим —
создатели прогресса
и его достойные рабы.
Ночь в разгаре.
Комната в тумане...

И стоят —
неведомо просты —
над землей,
над жизнью,
над домами
телевизионные кресты.

ХРОНИКА ОДНОГО ВЕЧЕРА

Будто кто-то ослабил
невидимый винтик —
и огромный завод —
как проколотый! —
вытек.
Из ворот,
нависающих словно плотина,
прет поток,
выливаясь на площадь картинно.
Говорит о футболе,
пивко попивая.
Заполняет автобусы.
Лезет в трамваи...
— Даме тесно?
Берите такси,
если тесно.

18 часов

Потекли управленья.
Текут министерства.
И метро
распахнуло прохладные трюмы...
Возникает задачка про вечные трубы:
«Из одной выливается...
В другую вливается...»

18 часов 30 минут

А Москва
перезванивается.
Договаривается.

В это время левкои
нужней, чем дыханье...
Надеваются мини.
Запахло духами.
Бледный свет телевизоров спорит с закатом.
Шебуршат воробьи в переулке покатом.

18 часов 50 минут

Открывая дежурным
планетные тайны,
в ТАССе
невозмутимо стучат телетайпы.
«Ураган над Карачи...»
«События в Чили...»
Десять строк из Норильска:
«Как нам сообщили,
раньше срока
здесь выдана первая тонна...»

19 часов 05 минут

— Одевайся!
Нас ждут.
— Я почти что готова.

19 часов 30 минут

На афише смеется эстрадная панночка.
У афиши застыла влюбленная парочка...
— Вася?
— Да.
— Рискнем?
— Айда!..

20 часов 15 минут

В ресторане —
день рожденья!..
Стол,
поставленный отдельно.
Стол роскошный.
Стол такой:
самого стола не видно! —
яблоки,
салаты,
вина...

Машет
тоненькой рукой
сын известного артиста —
несравненный тамада!
(Непонятно —
кто родился,
где родился
и когда.)
Танцевальный и песенный тонус народа
повышается!..

20 часов 35 минут

В клинике — настежь ворота.
Привезли старика
(прободение язвы).
Что с ним будет,
еще абсолютно не ясно.
Плеск воды.
Моет руки хирург монотонно.

20 часов 50 минут

— Одевайся!
Нас ждут.
— Я почти что готова.

21 час 10 минут

Уезжает человек
в экспедицию.
Провожанья он отверг
(по традиции).
Лучше
собственной тоски
не касаться бы...
Он сейчас возьмет такси
до Казанского.
А потом —
тайга,
мошка,
стылый ветер...
Будет странно,
что Москва
есть на свете.
А в тайге ему плутать
долго ль, коротко...

Жаль:
никто не будет ждать.
Кроме города.

21 час 25 минут

Повинуясь велению пса,
а не долга,
отставник
на прогулку выводит
бульдога.
И бульдог —
непреклонный, как высшая мера —
на нетрезвых прохожих
взирает
надменно.
Уголки его губ
до асфальта отвисли.

21 час 40 минут

— Ты готова?
Нас ждут.
— Позвони, что мы вышли!

22 часа

Мама
вуз заканчивает.
Папа
дочь укачивает.
«Раз-два-три-четыре-пять —
наша дочка хочет спать.
Уходите все от нас.
Мы хотим не видеть вас».

22 часа 45 минут

По вечерним проспектам —
пустым и огромным —
мчат
газетные матрицы к аэродромам.
На предельной —
от встречного ветра
зверея —
к самолету!
Скорее!
Скорее!!
Скорее!!!

Лишь витрины проносятся слева и справа.
На машине написано коротко:
«Правда».

23 часа 10 минут

Под абажуром —
четверо.
Накурено.
Расчерчено.
— Восемь пик!
— Угу.
— Вистанешь?
— Могу.

...Постовой у театра
похож на шамана.
— Ты заметил,
что Клава одета кошмарно?..

Не заметил.
(Час ночи.)
Не заметил.
Напомнишь...
Простонала и сгинула «скорая помощь».
Темнота.
Затихающий отзвук судьбы.
Не забыть бы на завтра...
Не забыть бы на завтра...
Не забыть бы на завтра...
Не забы...

СТОЛ НАХОДОК

Обращайтесь в Стол находок!..
На краю Москвы
ждет хозяина,
нахохлясь,
чучело совы.
Чемоданы ждут владельцев,
(будто вор —
порук).
Есть коляски — без младенцев.
Пиджаки — без брюк.
Много-мало,
худо-бедно:
в масле и в пыли
сорок три велосипеда
выгнули рули...
А на полках —
что угодно! —
целый магазин.
Вот —
на что уж не иголка —
холодильник ЗИЛ.
Глобус,
панцирная сетка,
пачка конфетти...
А еще —
четыре сердца
(новые почти).
Чертежи в чехле картонном.
Кованый сундук.

И мужчина,
под которым
надпись:
«Верный друг».
Замысел стихотворенья.
Дым от папирос.
И —
потерянное время —
ремешки вразброс.
Ждет оно,
остановившись,
часа своего...
Чья-то найдена невинность
в ЦПКиО.
Найден радужный осколок
чьих-то пылких
чувств...

Обращусь я в Стол находок!
Срочно обращусь!..
— Люди!
У меня потеря
вышла на пути,
Молодость свою
нигде я
не могу найти.

«ОНИ»

«Опять они насели?!
Хватит!
Пусть будет
голова в кустах!..
Не зря ж
они тебя не хвалят!
А если хвалят,
то — не так...
Споткнешься —
млеют от восторга.
Вредят.
Печатают своих.
Они.
Они!
Они!!»

Постой-ка!
Да кто «они»?
И сколько «их»?
Неведомей,
необъяснимей,
чем появление планет.
Наверное,
имеют имя.
И отчество.
А может — нет.
Но
навалились!
Под-ми-на-ют!..
И ты не зря клянешься в том:

«Они»
тебя еще узнают!
«Они»
поплатятся потом!
Пусть хоть кого зовут на помощь!..
Но ведь заметно по всему:
ты «им» покажешь!
Ты припомнишь!
Ты объяснишь «им»,
что — к чему.
Чтобы — ни слуху,
чтоб — ни духу!..

Теперь на миг передохни.
У «них»,
уткнувшихся в подушку,
конечно, есть свои «они».
В «они»
и ты, наверно, входишь.
Не так живешь.
Не то поёшь.
Не с тем и не над тем хохочешь.
Не с той гримасой
водку пьешь...
И хоть кого зови на помощь,—
но ведь заметно по всему:
ты их узнаешь,
ты попомнишь,
ты убедишься,
что — к чему!

Вот шевелюры,
будто флаги,
качаясь,
двинулись из мглы.
Там —
обеспеченные фланги.
Тут —
оснащенные тылы.
Заныли трубы, оглушая...

Идет повсюду —
чур меня! —

неповторимая,
большая,
литературная возня...
Дождь —
будто тысяча горошин.
В квартире пусто,
как в степи...

«Они» —
плохие.
Ты —
хороший.
Ты —
самый-пересамый...
Спи!

***

Снег увозят машины.
Увозят раннею ранью.
Тяжко машинам большим
от горбов темно-синих.
Снег машины увозят...
И где-нибудь в Ленкорани
на килограммы
снег продают
в магазинах.

Снег увозят машины
в далекое жаркое лето.
Пальмам — на страх.
Детским садам —
на забаву...
Снег увозят машины.

А может быть, кто-то
где-то
задумал построить
огромную
снежную бабу.

ОТЕЦ И СЫН

М. Магомаеву

Бывает, песни не поются
ни наяву и ни во сне.
Отец хотел с войны вернуться,
да задержался
на войне.
Прошло и двадцать лет, и больше...

Устав над памятью грустить,
однажды сын приехал в Польшу —
отца родного
навестить.
Он отыскал его.
А дальше —
склонил он голову свою.
Уже он был
чуть-чуть постарше
отца,
убитого в бою...
А на могиле,
на могиле
лежали белые цветы.
Они сейчас похожи были
на госпитальные бинты.
И тяжело плескались флаги.
Был дождь
крутым и навесным...
И к сыну подошли поляки.
И помолчали вместе с ним.

Потом один сказал:
«Простите...
Солдата
помнит шар земной.
Но вы, должно быть, захотите,
чтоб он лежал
в земле родной?»

Шуршал листвою мокрый ветер.
Дрожали капли на стекле...
И сын вполголоса ответил:
«Отец и так в родной земле».

ЛАТЫШСКИЕ СТРЕЛКИ

Бе́рзини,
Спро́гисы,
Кля́вини...
Годы людей переплавили.
Перемололи.
Прославили.
Перетряхнули.
Расслабили.
И разделили их надвое
не по богам,
не по нациям,
не по семейным симпатиям,
а по фронтам.
И по партиям.
Кровью и вьюгою кашляя,
время
спросило у каждого:
«Ты
за кого?..»

Ле́нцманы,
Ле́пини,
Кра́стыни
шли, будто в молодость,—
в красные!
И застывали —
помолвленно —
то —
в караулах у Смольного,

то —
на простреленном бруствере...
Сжав кулаки заскорузлые,
шли батраки и окопники
в краснознаменные конники.
Не за церковными гимнами,
не потому, что прикинули:
где посытней...

Пе́терсы,
Ка́лныни,
За́рини...
В душном,
взлохмаченном зареве
под почерневшими листьями
снились им улочки рижские,
звали их дюны прохладные...
Только
дорога до Латвии
долгой была,
как отчаянье.
Шла
сквозь шрапнель Волочаевки.
Лезла,
темнея от голода,
сквозь Перекопы,
сквозь Вологды
и Ангару.

Я́нсоны,
Ла́цисы,
Кри́шьяны...
Над островерхими крышами,
над Даугавой неслышною,
над мостовою булыжною,
над голосящими рынками,
над просветленною Ригою
сквозь переплеты оконные,
на сочинения школьные,
на палисадники бурые,
на электричку до Булдури
падает снег...
И из него,
как из марева,

люди выходят
громадные,—
вовсе не тени,
не призраки.
Смотрят
спокойно и пристально.
Смотрят сквозь ветер напористый.
Ждут не восторгов,
не почестей,
не славословий за подвиги.
Просят о малости:
помните!

Дозиты,
Лутеры,
Луцисы
отдали все
Революции.
Все, что могли.

ГЛАГОЛ

Это в памяти остается.
Повторяется,
как молва:
сердце бьется,
армия бьется —
одинаковые
слова!
Одинаковые глаголы —
неслучайные наверняка.
Одинаковые законы
и у сердца,
и у полка...

Говорится,
словно поется
с интонацией вихревой:
бьется армия,
сердце бьется,
бьется знамя
над головой!

ЧУДО

Так полыхнуло —
сплеча,
сполна —
над ледяным прудом!..
(Два человека —
он и она —
были виновны в том.)
В доме напротив полночный лифт
взвился до чердака.
Свет был таким,
что мельчайший шрифт
читался наверняка...
Так полыхнуло,
так занялось —
весной ли,
огнем —
не понять.
И о потомстве подумал лось,
а заяц решил
линять.
Землю пробили усики трав
и просверлили лучи.
Тотчас,
об этом чуде узнав,
заспешили с юга
грачи.
На лентах сейсмографов
стала видна
нервная полоса.

(Два человека —
он и она —
глядели
друг другу в глаза.)
Реки набухли.
Народ бежал
и жмурился от тепла.
Кто-то кричал:
«Пожар!..
Пожар!..»

А это
любовь была.

РАДАР СЕРДЦА

У сердца
есть радар.
Когда-то,
в ту весну
тебя я угадал.
Из тысячи.
Одну.
У сердца
есть радар.
Поверил я в него...

Тебя я увидал
задолго до того,
как повстречались мы.
Задолго до теперь.
До длинной
кутерьмы
находок и потерь...

Прожгло остаток сна,
почудилось:
«Гляди!
Ты видишь? —
Вот она».
И екнуло в груди.
Радар обозначал
твой смех.
Движенья рук.
И странную печаль.
И вкрадчивых подруг.

Я знал твоих гостей.
Застолья до утра.
Твой дом.
Твою постель.
Дрожь
твоего бедра.
Я знал,
чем ты живешь.
Что ешь.
Куда идешь.
Я знал,
чьи письма рвешь.
И от кого их ждешь.
Я знал,
в чем ты права.
О чем мечтаешь ты.
Знал все твои слова.
И платья.
И цветы.
И абажур в окне.
И скверик на пути,
где предстояло мне
«люблю» —
произнести...
Все знал я до того,
как встретился с тобой...
Но до сих пор —
слепой!
Не знаю
ничего.

***

Трем-четырем аккордам научусь.
И в некий знаменательный момент —
для выражения сердечных чувств —
куплю себе
щипковый инструмент...
Подарит мне басовая струна
неясную надежду на успех.
Чтоб я к ней прикасался,
а она,
она чтоб —
отвечала нараспев...
Я буду к самому себе жесток
в разгаре ночи
и в разгуле дня.
Пока не станет
струнный холодок
звенящею частицею меня...
Нависну над гитарой, как беда.
Подумаю,
что жизнь уразумел...

Но, может,
все же выскажу тогда
то,
что сказать словами
не сумел.

***

У разоренного стола
сидишь —
немая, как скала.
Ты — около.
И ты ушла...
О чем
ты думаешь?

Судьбою соединены
мы —
две планеты.
Две страны.
Два грохота.
Две тишины...
О чем
ты думаешь?

Так близко,
что в глазах рябит.
Так цепко,
что нельзя забыть.
Так долго,
что не может быть!..
О чем
ты думаешь?

Крадется сумрак по стене.
А я ворочаюсь во сне.

Хочу,
чтобы приснилось мне,
о чем
ты думаешь.

Но —
опрокинутся года.
Подернутся хрустинкой льда.
Я не узнаю никогда,
о чем ты думаешь.

МЕТРО

От печали без названия
метро тебя
спасет.
Ведь —
помимо согревания —
оно еще везет!
В непонятное,
в загадочное,
от глупых
ссор.
Завораживая.
закачивая,
вжимая
в сон...

Буду улыбаться нежно,
новости перебирать.
Буду
мраморное небо
безмятежно озирать.
И глядеть на мир торжественный,
на жизнь без облаков.
Насмотрюсь,
напутешествую
на десять пятаков!
Буду ехать долго-долго
вдоль мелькающей стены.
И решу,
что мне до дома
далеко, как до луны...

Но —
вплетаясь в нить живую,
вдруг прихлынет кровь к лицу:
я ж попал
на кольцевую!
Я еду по кольцу!..
Никогда
дорога эта
нрав не переменит свой...
Я мотаюсь,
как планета
по орбите круговой
И звучит в моем характере
эхо твоего:
«Вернись!..»

Мы с тобой
на эскалаторе.
Ты — вверх.
Я — вниз.

***

Как детство,
ночь обнажена.
Земля становится просторнее...
Моя щека обожжена
пронзительным:
«Скажи мне что-нибудь!..»

«Скажи мне что-нибудь!..
Скажи!
Скорей!
Пусть будут звезды —
до́ неба.
Заполони.
Опустоши.
И все-таки
скажи мне что-нибудь!..

Плати за то,
что целовал,
словами —
вечными, как прошлое...
Зачем
учился ты словам?
Скажи мне
что-нибудь хорошее...

За то, что ты не опроверг
все мужество мое нарочное.
За бабий век.
Недлинный век.—
Скажи мне
что-нибудь хорошее...»

Святая и неосторожная,
чего ты просишь?
Правды?
Лжи?

Но шепчет женщина:
«Скажи!
Скажи мне
что-нибудь хорошее...»

СТИХИ, НАПИСАННЫЕ ВОСЬМОГО МАРТА

Все равно что за снегом идти
в Африку,
а за новою книжкой стихов —
в мебельный
и уныло просить
со слезой в голосе
адрес господа бога
в бюро справочном,
все равно что ругать океан
с берега
за его невниманье
к твоей личности,
все равно что подснежник искать
осенью
и, вздыхая, поминки справлять
загодя,
все равно что костер разводить
в комнате,
а гнедого коня
в гараже требовать,
и упорно пытаться обнять
облако,
и картошку варить
в ледяной проруби,
все равно что на суше
учить плаванью,
а увесистый камень
считать яблоком,
все равно что от курицы
ждать лебедя —

так однажды
решить,
будто ты
полностью
разбираешься
в женском
характере!

***

Сяду за воспоминания.
Будто речка,
потеку.
Биографию банальную
разукрашу, как смогу.
В многословье умилительном
все припомню.
А затем
намекну,
что был мыслителем.
И коснусь глобальных тем.
Про эпоху,
про бессмертие,
про огни иных морей
(чтоб читатели
заметили
широту
души моей)...

Выйдет книга многотомная,
будет радость в ней и злость.
Расскажу про тех,
с которыми
мне встречаться довелось.
С кем обедать,
с кем беседовать,
с кем хлебнуть вина глоток...

И никто не будет сетовать,
если и привру чуток.
Распахну свои познания.
Призову на суд
года...

Сяду
за воспоминания
только в грустный час,
когда
время грянет
беззаботное.
И у сонного огня
станет
лирика любовная
мемуарной для меня.

Из сборника ГОЛОС ГОРОДА 1973—1976

МОТИВ

Утро проползло по крышам,
все дома позолотив...
Первое,
что я услышал
при рожденье,
был мотив.
То ли древний,
то ли новый,
он в ушах моих крепчал
и какой-то долгой нотой
суть мою
обозначал.
Он меня за сердце тронул,
он неповторимым был.
Я его услышал.
Вздрогнул.
Засмеялся
и —
забыл!..
И теперь никак не вспомню.
И от этого грущу...

С той поры,
как ветра в поле,
я всю жизнь
мотив ищу.
На зимовье
стыну
лютом,
о́хаю на вираже.

И прислушиваюсь к людям,
к птицам,
к собственной душе.
К голосам зари багряным,
к гулу с четырех сторон.
Чувствую,
что где-то рядом,
где-то очень близко
он!..
Зябкий, будто небо в звездах,
неприступный,
как редут.
Ускользающий,
как воздух.
Убегающий,
как ртуть.
Плеск оркестров.
Шорох санный.
Звон бокалов.
Звон реторт...
Вот он!
Вроде бы тот самый.
Вроде бы.
А все ж —
не тот!
Тот я сразу же узнаю.
За собою позову.

Вот живу и вспоминаю...
Может,
этим и живу.

БАЛЛАДА О ТЕЛЕФОННЫХ ЗВОНКАХ

Центропункт — диспетчерская городской медицинской службы.

Наверное, похожи номера.
А может, техники недосмотрели.
Но только
незадолго до утра
я был разбужен
телефонной трелью.

— Скажите, это центропункт?
Алло?
Алло!
(Я трубку вешаю в молчанье.
Я даже не могу ответить зло.
Я сплю.
Я ничего не отвечаю.)
Звонок, и все сначала:
— Центропункт? —
Опять ошибка?
Это невозможно!

Сна не было уже.
А был испуг
пред всем, что непонятно
и тревожно...
Звонки ломились,
будто в дверь — плечом.
Как настоящий ветер —
в сновиденья.

— Аппендицит!
— Да я-то тут при чем?!
— Потеря крови!
— У кого потеря?!

По комнате шаталась темнота,
она была пугающе громадна.
— Ранение в районе живота!
— Алло!
Необходим реаниматор.
(Валилась трубка
из дрожащих рук.)
— Открытый перелом!
Нужна машина.

Да погоди, не горячись.
А вдруг
все правильно.
И это не ошибка.
Тебе поверили.
Тебя нашли.
Узнали номер.
Выяснили имя...
Ты ж сам кричал,
что боли всей Земли
отныне станут
навсегда твоими!

Что ж, если так,
то слово за тобой.
Барахтайся в нестихотворных темах.
Она тебя зовет —
чужая боль.
Реальная.
Людская.
Без подделок...

Скажи, что повзрослел.
Что нездоров.
Давнишнюю строку
возьми обратно...

Но я бужу
знакомых докторов.

Я что-то объясняю им
невнятно.
И остаюсь
в гудящей тишине.
И чувствую натянутые нити.

Все правильно.
Все так.
Звоните мне!
Ошибки нет.
Звоните мне!
Звоните!

АЛЬЕНДЕ

Молчит убийца в генеральском чине.
Блестят штыки военного парада.
На карте
узкая полоска Чили
кровоточит,
как сабельная рана.
Уходит человек
в века и в песню...
О, как они убить его спешили!
О, как хотели —
«при попытке к бегству»!

Его убили
при попытке к жизни.

***

Все хочу я увидеть.
Хочу испытать.
Все, кроме смерти.
И услышать все шепоты мира
и все его грохоты.
Но даже и то, что небесный Госплан
отпустил мне по смете,
я честно приму.
И вместе с друзьями
потрачу до крохотки...
Все желания могут исполниться,
кроме самого яркого —
колеса машины времени
ржавеют — несмазаны...
А мне б
откусить
от того матросского яблочка!
А мне бы
почуять
рукопожатье товарища маузера!..
Это вовсе не кровь,
это время в жилах играет.
Пусть потом разберутся,
кто гений,
кто трус,
кто воин.
Ведь не тогда человек умирает,
когда умирает.
А тогда, когда говорит:
«Я собой доволен».

Я собой доволен...
И можно готовить деньги,
заказывать место на кладбище
и траурный выезд...

А в соседнем сквере
кудахчут хорошо одетые дети.
И не знают еще,
что им досталась эпоха —
на вырост!
Мы об этом тоже не знали.
Мы не верили, что состаримся.
И что однажды
на сердце у каждого
истина выжжется:
никогда не бывает Счастье
конечной станцией!..

Потому-то и кружится этот мир.
Потому он
и движется.

***

То, где мы жили,
называлось югом.
И каждый раз,
как только мы вставали,
казался мир вокруг
настолько юным,
что в нем —
наверняка! —
существовали
пока еще не названные вещи.
Беспомощный,
под безымянным небом
рождался мир.
Он вовсе не был
вечным.
Усталым не был.
И всесильным не был.
Он появлялся
молодо и пряно.
Он был доверчивым
и откровенным.

О, это удивительное право:
назвать землею — землю,
ветер — ветром!
Увидев
ослепительное нечто,
на миг сомкнуть
торжественные веки
и радостно провозгласить:

«Ты —
небо!
Да будет так
отныне и вовеки!..
Да будет мир
ежесекундно юным.
Да будет он таким
сейчас и позже».

То, где мы жили,
называлось югом.
И было нам по двадцать лет.
Не больше...
И нисходила ночь —
от звезд рябая.
И мы,
заполненные гулкой ширью,
намаявшись,
почти что засыпая,
любовь
бесстрашно называли
жизнью.

АВТОМОБИЛЬНОЕ КЛАДБИЩЕ ПОД ВАШИНГТОНОМ

Поле затяжной войны.
Смешанный с песком бензин.
Скрученные табуны
мертвых
лошадиных сил.
Бурей разметенный лес
в надвигающейся тьме.
Это символ твой,
прогресс?
Или
памятник чуме?

Той, которая парадно
завораживает дали.
Сквозь стальные зубы века
хлещет посвист:
«Р-р-разойдись!..»
Продолженье рук — баранка,
продолженье ног — педали
и упругое сиденье —
продолженье ягодиц!
Свет безумья
на челе.
Колыхание жары.
И —
на ветровом стекле —
кляксы
бывшей мошкары.
Жадный зов,
истошный зов

расстояний,
а потом —
только скрежет тормозов.
Только —
брызги на бетон!

Киса,
стюардесса компании ПАНАМ,
кто ж тебя из города
за полночь погнал?
Как это он держится
на одном крыле,
твой никелированный
синий
«шевроле»?

Это — кладбище машин.
Как огромная постель.
Змеи
вырванных пружин.
Свалка
бывших скоростей.
Двести
сомкнутых рядов.
Свой порядок.
Свой ранжир.
Это —
кладбище машин.
Кладбище,
где нет цветов.

Бывший подарок
бывшему сыну —
«Альфа-Ромео».
Ах, как создание это
на поворотах ревело!
Реяло,
радовало,
растворяло,
рушило в Лету.
...Альфа-Ромео
больше не встретит
Альфа-Джульетту.

Можно подойти,
проверить.
Тронуть ржавые ремни...
Это
выставка трофеев.
Непонятно,
чьи они...

Может,
зря мы так спешим,
зря несемся каждый день
мимо кладбища
машин.
Мимо кладбища
людей.

***

Больничный коридор,
пустынный,
будто поле.
Осипший баритон
товарища по боли.
Больничная стена.
Бессонные:
«А если...»
Сухие письмена
истории болезни.
Предчувствие расплаты
и холодок вины.
Всегда,
когда больны,
мы
в чем-то виноваты.
Больничный потолок,
квадрат,
глядящий немо,—
мое второе небо
на неизвестный срок.

Злой и веселый сразу,
держа судьбу в руке,
профессор
цедит фразу
на мертвом языке.
И все ж,
смирив гордыню,
вполне доволен я:

прекрасно по-латыни
звучит
болезнь моя!

Больничное окно
опасно, как бойница.
Как будто бы больница
осаждена давно.
Закатные пожары
стекают,
словно воск...

Больничные пижамы,
как форма
неких
войск.

***

Неожиданный и благодатный
дождь
беснуется в нашем дворе...

Между датой рожденья
и датой
смерти
кто-то поставит
тире.
Тонкий прочерк.
Осколок пунктира...
За пределом положенных дней
руки мастера
неотвратимо
выбьют минус
на жизни твоей...
Ты живешь,
негодуешь,
пророчишь.
Ты кричишь
и впадаешь в восторг.

Так неужто
малюсенький прочерк —
не простое тире,
а итог?!

***

Все начинается с любви...
Твердят:
«Вначале
было
слово».
А я провозглашаю снова:
Все начинается
с любви!

Все начинается с любви:
и озаренье,
и работа,
глаза цветов,
глаза ребенка —
все начинается с любви.

Все начинается с любви.
С любви!
Я это точно знаю.
Все,
даже ненависть —
родная
и вечная
сестра любви.

Все начинается с любви:
мечта и страх,
вино и порох.

Трагедия,
тоска
и подвиг —
все начинается с любви.

Весна шепнет тебе:
«Живи».
И ты от шепота качнешься.
И выпрямишься.
И начнешься.
Все начинается
с любви!

***

А природа опять
то предельно проста,
то одета
в цветастые перья...
Удивляет меня
не ее красота.
Удивляет
ее терпение.
И когда сквозь асфальт
лепестков пятерня
продирается после полночи,
я
не радуюсь силе земли.
Для меня
это прежде всего —
крик о помощи!

***

В. Пескову

Кромсаем лед,
меняем рек теченье,
твердим о том,
что дел незпроворот.
Но мы еще придем
просить прощенья
у этих рек,
барханов
и болот,
у самого гигантского
восхода,
у самого мельчайшего
малька...

Пока об этом
думать неохота.
Сейчас нам не до этого
пока.
Аэродромы,
пирсы
и перроны,
леса без птиц
и земли без воды...

Все меньше —
окружающей природы.
Все больше —
окружающей среды.

ПРОГРАММИСТАМ, ОБУЧАЮЩИМ ЭВМ

Проводов натруженные жилы.
Алгоритмов сомкнутая мощь.
Учится
писать стихи
машина.
Я не против.
Я могу помочь.
Я ее программы
не нарушу,
одобряя стихотворный зуд...

Только
мало — в рифму.
Надо — в душу.
Рифмы рифмами.
Не в этом суть...

Пусть же, как положено,
вначале
втиснутся
в машинные зрачки
уравненья
счастья и печали,
формулы
удачи и тоски.
Но однажды пусть
она, машина,
осадив
свой электронный бег,
зная все конструкции снежинок,

тихо спросит:
«Что ж такое снег?»
«Как это возможно —
запах детства?»
«Почему вам снится
скрип саней?»

И пускай
непостижимо тесно
в ящике железном
станет ей!
Пусть она,
как мы,
почует ветер.

Испытает пусть,
к земле склонясь,
зависть к тем,
кто жил до нас на свете.
Ревность к тем,
кто будет после нас.
(Это сделать непременно стоит,
если уж всерьез
учить ее.)

Пусть она —
хотя бы раз —
застонет,
ощутив бессилие свое.
Пусть почует жар нетерпеливый
и запомнит
как приказ: «Живи!»
Если б вся любовь
была счастливой,
не было бы
песен о любви...
Поднимаясь на дыбы ершисто,
собственный
обозначая путь,

пусть она
единожды
решится
(не подумав!)
сделать что-нибудь.

Пусть потом опомнится.
Остудит
мозг несметный.
Но — ему назло —
проклянув себя,
опять поступит
глупо,
нелогично
и светло!
Спутает, что важно,
что не важно.
Вымолвит:
«Какие пустяки!..»

Может быть, тогда
машина ваша
и напишет
настоящие
стихи.

ПАМЯТИ ВАСИЛИЯ ШУКШИНА

До крайнего порога
вели его,
спеша,—
алтайская порода
и добрая душа.

Пожалуйста, ответьте,
прервав
хвалебный вой:
вы что,—
узнав о смерти,—
прочли его
впервой?!
Пожалуйста, скажите,
уняв
взыгравший пыл:
неужто он
при жизни
хоть в чем-то хуже
был?!
Поминные застолья,
заупокойный звон...
Талантливее —
что ли —
стал
в черной рамке
он?!

Убийственно жестоки,
намеренно горьки
посмертные

восторги,
надгробные
дружки.
Столбы словесной пыли
и фимиамный дым.

А где ж вы раньше
были,—
когда он был
живым?

***

Война откатилась за годы и гуды,
и горечь, и славу
до дна перебрав.
А пули
еще прилетают оттуда —
из тех февралей.
Из-за тех переправ.
А пули летят
из немыслимой дали...
Уже потускневшие
капли
свинца
пронзают броню
легендарных медалей,
кромсая на части
живые сердца.
Они из войны прилетают недаром.
Ведь это оттуда,
из позавчера,
из бывших окопов
по старым солдатам
чужие
истлевшие
бьют
снайпера.
Я знаю, что схватка идет не на равных
и
нечем ответить
такому
врагу.

Но я не могу
уберечь ветеранов.
Я даже собой заслонить
не могу.
И я проклинаю
пустую браваду,
мне спать не дает
ощущенье вины...

Все меньше и меньше
к Большому театру
приходит
участников
прошлой войны.

***

Та зима была,
будто война,—
лютой.
Пробуравлена,
прокалена ветром.
Снег лежал,
навалясь на январь
грудой.
И кряхтели дома
под его весом.
По щербатому полу
мороз крался.
Кашлял новый учитель
Сергей Саныч.
Застывали чернила
у нас в классе,
и контрольный диктант
отменял завуч...
Я считал,
что не зря
голосит ветер,
не случайно
болит по утрам
горло,
потому что остались
на всем свете
лишь зима и война —
из времен года...
И хлестала пурга
по земле крупно,

и дрожала река
в ледяном гуле.
И продышины в окнах
цвели кругло,
будто в каждое
кто-то всадил
пулю!..
И надела соседка
платок вдовий.
И стонала она допоздна-поздно...
Та зима была,
будто война,—
долгой.

Вспоминаю
и даже сейчас
мерзну.

ТЫЛОВОЙ ГОСПИТАЛЬ

За окошком
дышит холод.
Ветер
воет
на луну...
Помещенье
нашей школы
занял госпиталь
в войну.
Здесь легко обосновались
предвоенные слова.
И палаты назывались:
Третья — «Б»,
Восьмая — «А».
И хотя для неученых
медицина —
темный лес,
в школе выяснялось четко,
кто — «жилец»,
кто — «не жилец»...
Многодетные гвардейцы —
вечные ученики —
здесь учились,
будто в детстве,
делать первые шаги.
И метался по палате
стон полуночный:
«Сестра!..»
И не только службы ради
бодрствовали доктора
с покрасневшими глазами...

Здесь —
безжалостен и строг —
шел
невиданный экзамен,
нескончаемый урок,
где на всех —
одна задача:
даже если тяжело,
выжить —
так или иначе.
Выжить —
Гитлеру назло!..
Шло учение рисково,
но одно известно мне:
кончившие
эту школу
больше знали
о войне!..
К остановке шли трамвайной,
уходили,
излечась.
Краше грамоты похвальной
было
направленье в часть.
А еще —
слова привета.
И колеса —
сердцу в такт...
Знаю я,
что школу эту
покидали и не так.
Инвалидная команда
трубы медные брала.
Долго,
страшно
и громадно
эта музыка ползла.
Ежедневная дорога,
будто —
личная вина.
...А война была
далеко.
Далеко была
война.

БАЛЛАДА О ЗЕНИТЧИЦАХ

Как разглядеть за днями
след нечеткий?
Хочу приблизить к сердцу
этот след...
На батарее
были сплошь —
девчонки.

А старшей было
восемнадцать лет.
Лихая челка
над прищуром хитрым,
бравурное презрение к войне...
В то утро
танки вышли
прямо к Химкам.
Те самые.
С крестами на броне...
И старшая,
действительно старея,
как от кошмара, заслонясь рукой,
скомандовала тонко:
— Батарея-а-а!
(Ой, мамочка!..
Ой, ро́дная!..)
Огонь! —
И —
залп!

...И тут они
заголосили,
девчоночки.

Запричитали всласть.
Как будто бы
вся бабья боль
России
в девчонках этих
вдруг отозвалась!..
Кружилось небо —
снежное,
рябое.
Был ветер
обжигающе горяч.
Былинный плач
висел над полем боя,
он был слышней разрывов —
этот плач!
Ему —
протяжному —
земля внимала,
остановясь на смертном рубеже.
— Ой, мамочка!..
— Ой, страшно мне!..
— Ой, мама!.. —
И снова:
— Батарея-а-а!..

...И уже
пред ними,
посреди земного шара,
левее безымянного бугра
горели
неправдоподобно жарко
четыре черных
танковых костра.
Раскатывалось эхо над полями,
бой
медленною кровью истекал...

Зенитчицы кричали
и стреляли,
размазывая слезы по щекам.
И падали.
И подымались снова.

Впервые защищая наяву
и честь свою
(в буквальном смысле слова!).
И Родину.
И маму.
И Москву.
Весенние пружинящие ветки.
Торжественность
венчального стола.
Неслышанное:
«Ты моя — навеки!..»
Несказанное:
«Я тебя ждала...»
И губы мужа.
И его ладони.
Смешное бормотание
во сне.

И то, чтоб закричать
в родильном
доме:
— Ой, мамочка!
Ой, мама, страшно мне! —
И ласточку.
И дождик над Арбатом.
И ощущенье
полной тишины...

Пришло к ним это после.
В сорок пятом.
Конечно, к тем,
кто сам пришел
с войны.

ХУДОЖНИК

А он —
неумелый, как мастер,
не ведает
вновь ничего.
И более всякой напасти
страшится
себя самого.
И снова —
сплошные препоны.
И в мире не создано книг.

И вновь —
пред началом работы —
он сам у себя
ученик.

***

Не кончающие жить,
продолжающие
в рифму
радоваться
и тужить,
слову доверять
и ритму,
не стыдящиеся слез,
как бы
время
ни качало,
с первых выдохов,
с начала
начали мы
жить всерьез.
Не считали,
сатанея
от лирических рулад:
«Вырасту и поумнею...
Мир
поверит
в мой талант».
Да не сбудется гаданье!
Да исполнится закон:
молодой дурак
с годами
станет
старым дураком!
Непременно.
Неизбежно.
Здесь пути другого нет.

Станет
молодая бездарь
бездарью
преклонных лет.
Неизбежно.
Непременно...
Как в начале,
неспроста,
пусть нам будет
высшей мерой
отсвет
белого листа.
Пусть его квадратик
мудрый
будет
на ветру шальном
нам и впредь
нежданной мукой
и распахнутым окном.
Вглядываясь в окна эти,
зябко перьями скрипя,
нам и впредь
во всех на свете
находить
самих себя...
Оглушая криком дом,
знаем в праздники и в будни:
нет
в поэзии
«потом».
Ничего «потом»
не будет!..

Не кончающие жить,
доверяющие ритму,
продолжающие в рифму
радоваться
и тужить,
мы —
почти наверняка,
вопреки любой печали —
верим,
что еще в начале
наша
главная строка.

ЛЫЖНИК

Когда —
нумерованный, как трамвай,—
он катит по синим рельсам лыжни,
его встречают:
«Давай, давай!»
Его провожают:
«Нажми, нажми!»
И только тренер,
содрав с головы
шапку,—
голосом ветра в степи
с выдохом,
с высвистом,
с выхрипом,
с вы...
твердит одинокое слово:
«Терпи!»

Ленивое понуканье толпы.
Поземка, встающая на дыбы.
Молчащие глыбы круглы и тупы,—
терпи!

За долгим застольем
с друзьями не спи.
Остри и печалься,
казнись и люби,
над каждой строкой
оглушенно корпи.
Терпи!

Усталости до краев накопи.
Не сдайся,
не рухни,
зубами скрипи.
Пороги возможного
переступи.
Терпи!

Терпи.
Бравада не тот товар.
У века в долгу,
в суете,
в пылу
стерпи
и ругань и похвалу.

...А вы говорите:
«Давай, давай!»

***

Тост
грузинского застолья —
это дело непростое...
Сочно,
сказочно
и длинно
начинает тамада.
Но отнюдь не подхалимно,
как считают иногда.
В тостах
истинного сорта
есть,
помимо прочих тайн,
нечто
вроде горизонта,
убегающего вдаль.
Человеку
намекают
на возможности его.
Оглядеться помогают —
и не более
того.
Человека славят гимном,
учат
крылья обретать.
Говорят ему,
каким он,
коль захочет,
может стать!..

Ты сидишь,
нахмурив брови,
хвост редиски теребя.

Стать бы хоть однажды
вровень
с этим тостом
за тебя.

РАКИ

Разрушители раков
готовятся к пиру,
не скрывая улыбок,
волнуясь слегка...
Вот рука
потянулась к янтарному пиву.
В запотевшую кружку
вцепилась рука.
Блюдо раков
дымится, как адская бездна,
завлекая желающих
в душную мглу.
И, храня ощущенье укропа и перца,
боевые клешни
тарахтят по столу.
А багровые раки —
как рыцари в латах.
Их оружье слабо в современной войне...
Тяжелы и добры
разрушители раков.
Разрушители раков
довольны вдвойне
тем, что, в общем,
для встречи немного и нужно.
Тем, что живы они.
Тем, что вместе они.
Что еще не прошло
ощущение дружбы
и что можно
заставить попятиться
дни.

Тем, что выдался
этот прекраснейший повод,
что исколоты пальцы
и губы горят,
что обиды они друг на друга
не помнят
и возвышенно о пустяках говорят.
Тем, что здесь они заняты
делом достойным.
Что еще не нахлынула
пьяная грусть...
И витает
над их долгожданным застольем
смачный,
яростный,
неподражаемый хруст!
И галдят,
и смеются они беспричинно.
И лежит перед ними на блюде
зверье...
И покорно взирает
большая рачиха
на ближайшее будущее свое.

***

Время,
когда мы на ощупь растем,
немилосердно...
Помню:
хотел развести я костер
в собственном сердце.
Я его запросто соорудил,
наспех построил.
Твердо решив,
что погреюсь один.
Без посторонних...
Я же не думал,
не знал одного,
что — по примете —
пламя не гаснет,
когда за него
двое
в ответе.
Я же не знал,
что в крутом ноябре
где-то,
когда-то
сам я сгорю
в настоящем костре
весь.
Без остатка.
Все это вовремя будет
и в срок...
Ну а покуда

я торопясь
раздувал костерок,
веруя в чудо.
Я раздувал его эдак и так
ночью печальной.
Было желанье мое
не в ладах
с пламенем чахлым.
Вроде бы я для костра не жалел
силы,
да только
этот костер невеликий
горел
очень недолго...
Вот.
А потом наступила пора —
как ни старался —
в сердце моем
от былого костра
след оставался.
След
от придуманного огня.
Круглый,
как слово...

Долго еще
по ночам у меня
в сердце кололо.

***

Белым снегом,
белым цветом
мир заполнен.
Я могу
написать тебя на этом
выпавшем с утра
снегу.
Я поведаю печально,
что вторую ночь не сплю.
Что тоскую
и скучаю.
Что тоскую
и люблю...
А потом
туманной ранью
соберу я снежный ком.
И его в Москву
отправлю
медленным товарняком.

Интересно,
что ты скажешь,
если,
требуя похвал,
к нам во двор
в бензинном кашле
шумно
въедет
самосвал.
Он затормозит с разбега
на асфальте ледяном.

И большая
глыба снега
ляжет
под твоим окном.
Всею глубью голубою
тыщи смерзшихся страниц
зазвенят перед тобою,
умоляя:
прикоснись!
Пусть тебе поможет чувство!
Догадайся
и прочти!..

Впрочем,
я не верю в чудо,
невозможное почти...
Ты на глыбу
глянешь строго
и с тропинки не свернешь.
Снег налипший
у порога
варежкою отряхнешь.
Мне об этом
думать горько,
но реальность
такова:
скоро
ледяною горкой
станут
все мои слова...

А когда пройдут морозы,
а когда пройдет зима,
побегут ручьями
слезы
из забытого
письма.

ДОМИК ПЕТРА ПЕРВОГО В СААРДЕМЕ

В этом домике укачивает,
как на корабле.
Даже сильных здесь подташнивает,
слабых —
долу клонит.
Переплет пудовой книги
на малюсеньком столе.
В этом доме жил когда-то Петр Алексеев.
Плотник...

Так случается с царями.
Свой у каждого каприз.
Юный герцог Вюртенбергский
вышивал по шелку чисто.
Обучался танцам кесарь.
Логике — испанский принц.
Плотник Петр Алексеев
строить корабли
учился.

Эта местность
по масштабу
для него была мелка.
Все казалось здесь игрушечным —
и удаль,
и раздолье.
Не хватало глазу
неба.
И земли
для сапога.
Было детским топорище
для его большой ладони...

На старинных верфях пахло
морем, тесом и смолой.
А вокруг стояла публика,
на плотника глазея.
Это было так потешно:
царь
орудует пилой!

Так забавно:
царь — и нате! —
с матроснею курит зелье.
Одобрительно кивали головами лоцмана...
А под вечер,
а под вечер,
захмелев от третьей чарки,

подтверждала
забулдыжная портовая шпана:
плотник Петр Алексеев
любит угощать
по-царски!

Над кабацкими столами
ходуном ходил туман.
С русским бешеным детиной
было ссориться опасно.

Хохоча,
во время танцев
так девиц он обнимал,
словно выдавить хотел их из корсетов,
будто пасту!..
И опять наутро вкалывал
на солнце молодом.

Злился,
ежели от мастера за дело попадало...

Это будет позже, после.
Это будет все
потом —
и конфузия под Нарвой,
и победная Полтава.
Это после встанет город,
задевая облака,
над Невою,
на останках слепенькой чухонской мызы.

Это будет позже.
Будет
непременно!
А пока
на спине державной,
царской
каменно бугрятся мышцы.
По плечам царя струится и блестит
мужицкий пот.
И глядят на это диво
саардемские разини...

Ах, как распахнется после
непотешный русский флот!
Поплывет по океанам
непотешная Россия.
Наплевав на все наветы,
утвердится на земле.
С тысячью смертями
знаясь,
с тысячью штормами
споря.

В этом домике
укачивает,
как на корабле.
И войти в него сегодня —
все равно,
что выйти в море.

ПРИХОДЯТ КИТОБОИ

По правилам устава,
без никаких замен,
их
двести дней мотало
за тридевять земель.
Штормящие широты
без них теперь
пусты.
Живите,
кашалоты!
Возрадуйтесь,
киты!..
Волну
плавбаза режет,
вступая на порог...

А здесь,
на побережье,—
большой переполох!
Все сделано для встречи.
Готово.
Учтено.
И лозунги,
и речи,
и пресса,
и кино.
Еще вчера на рынке
исчезли
все цветы.

Содом стоит великий
в салоне красоты.
Парад
причесок странных.
Обилие невест...
В кафе и ресторанах
не будет
нынче
мест!
И с тем
никто не спорит...
Войдя
в свои права,
сегодня жены
вспомнят
нежнейшие слова!
Сегодня —
время женщин.
Сегодня —
их заря.

Да будет
всем пришедшим
опорою
земля!
Знакомая до боли.
Большая от забот.

Приходят
китобои
в калининградский порт.

***

Океана дымчатая синь.
Утреннего солнца торжество...
С вышки минарета
муэдзин
накричал
на бога своего...
Молится и Запад,
и Восток.
Мир спешит
узнать свою судьбу.
Люди верят
в странные табу,
в дьявола
и завтрашний потоп.
Верят
знахарям и колдунам,
гороскопам
и святой воде,
наговорам
и нелепым снам,
лешему
и синей бороде.
Люди исступленно смотрят вверх —
в небо
без границ и берегов.
Тысячи
разнообразных вер!

Тьма
разнокалиберных богов!..
Впрочем,
есть у мира с неких пор
для объединения людей
летняя религия —
футбол,
зимняя религия —
хоккей.

БАРСЕЛОНСКИЙ РЫНОК

Час домашних хозяек
вступает в права.
Час
    торговок озябших.
Время
        их торжества.
Круговая порука.
Смешенье эпох...

Здесь любая старуха
считает как бог.
И хранит одаренно
интересы свои,
как посол
            отдаленной
суверенной семьи...
Час
    приветствий почетных
на всех языках.
Час подсчетов.
Подсчетов
до боли в висках!
Час проклятий плаксивых.
И божбы.
И вранья.
(Может, после
                «спасибо»
все же скажут мужья?)
Выбор
        мяса для супа —
основа основ.

И тяжелая сумка —
как собака у ног...
После славы и брани.
Схватка
судеб и цен.

Весь базар —
будто странный
вычислительный центр.

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ ЖЕНЩИНЫ

«Так сколько ж ей?..»
«И в самом деле,— сколько?..»
А женщина махнет рукою
и
промолвит нараспев —
светло и горько:
— Зачем считать напрасно?
Все —
мои.—
А после выпьет
за друзей пришедших.
И будет излучать
высокий свет...

Есть только дни рождения
у женщин.
Годов рождения
у женщин
нет!

***

Надо ж, почудилось.
Эка нелепость!
Глупость какая!..

Два Дед-Мороза
садятся в троллейбус.
Оба —
с мешками.
Рядышком
в нимбе из снежного пара
с удалью злою
Баба-Яга посреди тротуара
машет метлою.
На гору
с видом таинственно-мудрым
лезут трамваи...
Кто-то сказал,
что в кондитерской утром
«Сказку» давали...
Вечер,
заполненный чудесами,
призрачно длится.
Красная Шапочка
ждет под часами
звездного принца...
И, желваки обозначив на скулах,
выкушав водки,
ходят
в дубленых овечьих шкурах
Серые Волки.

НАДПИСЬ

С пересудами не знаясь,
их заранее терпя,
на стене
сияла надпись:
«Элка,
я люблю тебя!»
В ней была и боль,
и жадность.
В ней
торжественность была.
И сама стена, казалось,
от волнения
росла...

Уважаемая Элка,
в центре города Москвы
во дворе
грохочет эхо.
Виноваты в этом
вы.
Не видал я вас ни разу,
только с вами наравне
автора
великой фразы
одобряю я вполне.
Славлю
буковки живые,
принимаю целиком...

Ведь сегодня он —
впервые! —
сформулировал закон.

Самый четкий,
самый добрый,
необъятный, как весна.
Вывел формулу,
в которой
жизнь людей
заключена.
Написал ее просторно
вам
и больше никому.
Пусть
Эйнштейны и Ньютоны
позавидуют ему!..
Я хочу,
чтоб этот сполох,
я хочу,
чтоб этот свет
вдруг увидел археолог
через много
тысяч
лет!..
Двор,
кипящий, будто Этна,
в синих сумерках
увяз...

Вы ответьте парню,
Элка,
Элка,
умоляю вас!

***

Струя ручья
пронзит глухие чащи.
В траве прошелестит
струя змеи.
Из проволоки —
твердой и блестящей —
нарезаны
лесные муравьи.
Есть капельки росы.
Предметы леса.
Подробности
кленового листка,—
отставшие от гулкого прогресса,
глядящие на нас издалека...

А я все рвусь
за горизонт упругий,
за горы,
океаны
и года.
Совсем забыв о том,
что близоруким
обязан быть.
Хотя бы иногда.

МОНОЛОГ ФУТБОЛЬНОГО ВЕТЕРАНА

Мы —
старые «землемеры».
Мы —
давние мастера...
Замены прошу,
замены!
Честное слово,
пора!
Бежим за мячом футбольным
по круглой, как мяч,
земле.
В Днепропетровске,
в Стокгольме,
в Париже,
в Махачкале...
Наелся!
Довольно!
Хватит!..
В легких —
комок огня...
«Профессором»
называют
в команде нашей меня.
Я прозвищам
знаю цену
и чувствую — будь здоров —
как нынешние
«доценты»
ломают
«профессоров».

Пашу травяное поле,
пасусь
на квадратном лугу...

Я знаю все
о футболе.
Я все в футболе
могу!
Сейчас я
откроюсь снова,
сейчас я
рванусь на край
и, падая,
с навесного
выложу мяч:
«Играй!»

И грянут аплодисменты!
И вздыбится ураган!..
Замены прошу.
Замены.
Замены
избитым ногам.
Замены
полночным крикам
и мужеству до поры.

Умру я
без этой великой,
без этой проклятой
игры.

СКАЗКА О КУЗНЕЦЕ, УКРАВШЕМ ЛОШАДЬ

Был кузнец непьющим.
Ел,
что бог предложит.
То ли — от безумия,
то ли — от забот,
он украл однажды у соседа лошадь.
Кузнеца поймали.
И собрали
сход...

Дали слово
старцу.
Распростер он руки.
Покатились слезы
из-под дряблых век:
«Люди!
Я заплакал
от стыда и муки!..
Вор
у нас в деревне.
Мерзкий человек.
Мне стоять с ним
больно.
Мне дышать —
противно!
Пусть не станет вора
на святой земле!..»

Зашептались люди...
В общем,
выходило:

кузнецу придется
кончить жизнь
в петле...

И тогда поднялся старец
(очень древний).
От волненья
вздрагивал седины венец.
Он сказал:
«Подумаем, жители деревни!
Что украли?
Лошадь.
Кто украл?
Кузнец.
Он у нас —
единственный!
Нужный в нашей жизни.
Без него —
погибель!
(Бог ему судья.)
Мы,
повесив вора,
кузнеца лишимся.
Выйдет,
что накажем
мы
самих себя.
Вдумайтесь!..»

И люди снова зашептались.
Спорам и сомненьям
не было конца...
И тогда поднялся
самый главный
старец:
«Правильно!
Не надо
вешать кузнеца!..
Пусть за свой проступок
он заплатит деньги.
А поскольку
этот разговор возник,—

есть у нас
два бондаря.
Двое!
И —
бездельники!..
Лучше мы повесим
одного из них».
Умные селяне
по домам расходятся.
Курят.
Возвращаются
к мирному труду...

Кузнецом единственным
быть мне
очень хочется!
(Если —
ненароком —
лошадь
украду.)

ДОЛГИ

Пришла ко мне пора
платить долги.
А я-то думал,
что еще успею...
Не скажешь,
что подстроили враги.
Не спрячешься за юношеской спесью.

И вот я мельтешу
то здесь, то там.
Размахиваю
разными словами...
«Я расплачусь с долгами!
Я отдам...
Поверьте мне!..»
Кивают головами
леса и травы,
снегопад и зной,
село Косиха,
Сахалин
и Волга.
Живет во мне,
смеется надо мной
немыслимая необъятность
долга!

Ждет каждая секунда.
Ждут года.
Озера,
полные целебной влаги.

Мелькнувшие, как вспышка,
города.
Победные
и траурные флаги.
Медовый цвет
клокочущей ухи.
Моей Москвы
всесильные зарницы.
И те стихи,
те — главные —
стихи,
которые лишь начинают
сниться.

И снова полночь
душу холодит.
И карандаш с бессонницею спорит.
И женщина
в глаза мои глядит.
(Я столько должен ей,
что страшно вспомнить!)
— Плати долги!..
Плати долги, чудак!..
Давай
начистоту судьбу продолжим.

Плачу.
Но каждый раз
выходит так:
чем больше отдаешь,
тем больше
должен.

ОГЛЯНУВШИСЬ...

И все ж,
пройдя сквозь тайгу и пустыни,
поверив в детей,
как в себя самих,
мы знаем:
не кончится,
не остынет
и не ослабнет,
хотя бы на миг,
напористость плуга,
дыханье завода,
движение
скальпеля и пера.

Мы помним о том,
что любое Сегодня —
всего лишь
завтрашнее
Вчера.

***

Льдины, растаяв,
становятся синью в реке.
Птицы, взлетая,
становятся стаей упругой.
Дети,
рождаясь,
кричат
на одном
языке,
заклиная взрослых людей
понимать
друг друга!

ДВЕСТИ ДЕСЯТЬ ШАГОВ

(Поэма)

ЛИРИЧЕСКОЕ ОТСТУПЛЕНИЕ О ШКОЛЬНЫХ ОЦЕНКАХ

Память
        за прошлое держится цепко.
То прибывает,
то убывает...
В школе
          когда-то были оценки
две:
«успевает»
и «не успевает».

Мир из бетона.
                Мир из железа.
Аэродромный разбойничий рокот...
Не успеваю
довериться лесу.
Птицу послушать.
Ветку потрогать...
Разочаровываюсь.
                Увлекаюсь.
Липкий мотив
про себя напеваю.
Снова куда-то
                бегу,
                    задыхаясь!
Не успеваю.
Не успеваю.

Время жалею.
Недели мусолю.
С кем-то
о чем-то
бессмысленно спорю.
Вижу
все больше вечерние
зори.
Утренних зорь
я почти что не помню...
В душном вагоне —
будто в горниле.
В дом возвращаюсь.
Дверь открываю.
Книги
квартиру
заполонили.
Я прочитать их
не успеваю!..
Снова ползу
в бесконечную гору,
злюсь
и от встречного ветра
немею.
Надо б, наверно,
жить
по-другому!
Но по-другому
я не умею.

Сильным бываю.
Слабым бываю.
Школьного друга
нежданно встречаю.
«Здравствуй!
Ну как ты?»
И —
не успеваю
вслушаться
в то, что он мне
отвечает.
Керчь и Калькутта,
Волга и Висла.

То улетаю,
то отплываю.
Надо бы,
надо бы остановиться!
Не успеваю.
Не успеваю.
Знаю,
что скоро метели
подуют.
От непонятной хандры
изнываю...
Надо бы
попросту сесть и подумать!
Надо бы...
Надо бы...
Не успеваю...

Снова меняю
версты
на мили.
По телефону
Москву вызываю...
Женщину,
самую лучшую
в мире,
сделать счастливой
не успеваю!..
Отодвигаю
и планы, и сроки.
Слушаю притчи
о долготерпенье.
А написать
свои главные строки
не успеваю!
И вряд ли успею...
Как протодьякон
в праздничной церкви,
голос
единственный
надрываю...
Я бы, конечно,
исправил оценки!..
Не успеваю.
Не успеваю.

Все что угодно
может еще
судьба напророчить:
от неожиданной тишины
до грома внезапнейшего.

Дай мне
уверенности твоей,
Красная площадь!
И помоги мне
себя отыскать —
завтрашнего!..
Главная площадь,
ты поддержи,
выслушай,
вывези...
На запотевшей брусчатке
один
молча стою.
Крутые зубцы на Кремлевской стене —
будто шлемы
витязей.
И Спасская башня —
правофланговым
в этом строю...
Скоро на башне,
в часах городских и домашних
размножась,
пересчитав скрупулезно
вереницу минут и секунд,
стрелки курантов
сойдутся,
как лезвия ножниц,
и безвозвратно прожитый мной
час
отстригут.
Прожитый час
жизни моей.
Час без названья.
Бывшее время,
в котором осталось
мое «помоги!».

В это мгновенье,
как молотом по наковальне,
хлестко и гулко
вдруг зазвучали
шаги!..
Грохот сердца.
Квадратных плечей разворот.
Каждый час
пред глазами друзей и врагов
начинаются
прямо от Спасских ворот
эти —
памятные —
двести десять шагов.
(Это я потом
шаги подсчитал.
А тогда в ночи
стоял
оглушен.
А тогда в ночи
я ответа
ждал.
И остаток века
над миром
шел...

Это я потом
шаги подсчитал.
Приходил сюда
наяву и во сне.
Будто что-то
заранее
загадал,
что-то самое
необходимое мне...
Я глядел в глубину
огромной стены,
будто в темное море
без берегов.
Веря в то,
что соединиться должны
время жизни моей
и время
шагов.)

Грохот сердца.
И высохших губ немота.
Двести десять шагов
до знакомых дверей,
до того —
опаленного славой —
поста,
молчаливого входа
в его Мавзолей.

Под холодною дымкой,
плывущей с реки,
и торжественной дрожью
примкнутых штыков
по планете,
вбивая в гранит
каблуки,—
двести десять
весомых
державных шагов!

ИМЕНА

Когда Москва
бросается в сны —
вчерашний день воскрешать,
на траурных плитах
Кремлевской стены
начинают
буквы мерцать.
Начинает светиться,
будто заря,
алфавит
от «А» до «Я».
Азбука
яростного бытия.
Азбука Октября.

Кто смерти
хотел?
Никто не хотел.
Кто пулю
искал?

Никто не искал.
А ветер
над общей судьбою
гудел.
На длинной стене
имена высекал.
На груди стены
имена
полыхают,
как ордена!

Каждое имя
в ночи горит
своим,
особым огнем...
Дзержинский.
Гагарин.
Куйбышев.
Рид.
Чкалов.
Жуков.
Артем...
Их много.
Всех их
не перечесть.
Их много.
Куда ни взгляни.

Но если бы,
если бы только здесь!
Если бы
только они!
А то —
повсюду!..
И голос дрожит.
И я закрываю глаза.
Помнить об этом
труднее, чем жить.
Не помнить об этом —
нельзя!..

Последнюю зависть к живым затая,
лежат,
как во мгле полыньи,

твои,
Революция,
сыновья —
любимые дети твои.
В поющих песках
и в молчащих снегах,
в медлительном шелесте трав.
У сонных колодцев,
в немых сквозняках
пронизанных солнцем
дубрав.
Там,
где тоскуют перепела,
там,
где почти на весу
легкая
утренняя пчела
пьет из цветка
росу.
Где клены
околицу сторожат
и кукушка
пророчит свое...
В безбрежной планете
солдаты лежат,
изнутри
согревая
ее...
Они —
фундамент.
Начало начал.

Вслушиваясь в тишину,
держат они
на своих плечах
эту стену
и эту страну.
Единственным знаменем
осенены,—
гордость и боль моя...
Пылает
на плитах Кремлевской стены
алфавит
от «А» до «Я»...

И, задохнувшись,
я говорю:
— Отныне —
и каждый день —
по этому
каменному
букварю
я бы учил
детей!
Нет, не по буквам,
не по складам,
а по этим жизням
учил!
Я бы им
главное передал.
Вечное
поручил.

Мы мало живем.
Но живем
не зря!..
Веет ветер
с Москвы-реки.
Пред лицом
гранитного букваря
караул
чеканит
шаги.

ИСТОРИЧЕСКОЕ ОТСТУПЛЕНИЕ О КРЫЛЬЯХ

Мужичонка-лиходей —
рожа варежкой —
дня двадцатого апреля
года давнего
закричал вовсю
в Кремле,
на Ивановской,
дескать,
«дело у него
Государево»!
Кто таков?

Почто вопит?
Во что верует?
Отчего в глаза стрельцам
глядит без робости?
Вор — не вор,
однако кто его ведает...
А за крик
держи ответ
по всей строгости!..
Мужичка того
недремлющая стража взяла.
На расспросе
объявил этот странный тать,
что клянется смастерить
два великих крыла
и на оных,
аки птица,
будет в небе летать.

Подземелье.
Стол дубовый.
И стена
на три крюка.
По стене плывут, качаясь,
тени страшные.
Сам боярин Троекуров
у смутьяна-мужика,
бородою тряся,
грозно спрашивали:

— Что творишь, холоп?
— Не худое творю.
— Значит, хочешь взлететь?
— Даже очень хочу.
— Аки птица, говоришь?
— Аки птица, говорю.
— Ну, а как не взлетишь?
— Непременно взлечу!

Был расспрашиван бахвал
строгим способом,
шли от засветло расспросы
и до затемно.

Дыбой гнули мужика,
а он упорствовал:
«Обязательно взлечу!
Обязательно!»
Вдруг и вправду полетит
мозгля крамольная?!
Вдруг понравится царю
потеха знатная?!
Призадумались боярин
и промолвили:
— Ладно!..
Что тебе, холоп,
к работе
надобно?

Дали все, что просил
для крылатых дел:
два куска холста,
драгоценной слюды,
прутьев ивовых,
на неделю еды.
(И подьячего,
чтоб смотрел-глядел.)
Необычное
мужичок мастерил,
вострым ножиком
он холсты кромсал,
из белужьих жабр
хитрый клей варил,
прутья ивовые
в три ряда вязал.
От рассветной зари
до темных небес
он работал
и не печалился.
Он старался — черт,
он смеялся — бес:
«Получается!
Ой, получается!»

Слух пошел по Москве:
«Лихие дела!..
Мужичонка...
Ды чтоб мне с места не встать!..

Завтра в полдень, слышь?..
Два великих крыла...
На Ивановской...
Аки птица, летать...»

— Что творишь, холоп?
— Не худое творю.
— Значит, хочешь взлететь?
— Даже очень хочу.
— Аки птица, говоришь?
— Аки птица, говорю.
— Ну, а как не взлетишь?
— Непременно взлечу!

Мужичонка-лиходей —
рожа варежкою,—
появившись из ворот
скособоченных,
дня тридцатого апреля
на Ивановскую
вышел-вынес
два крыла перепончатых.
Были крылья угловатыми
и мощными,
распахнулись —
всех зажмуриться
заставили!
Были тоненькими очень —
да не морщили.
Были словно ледяными —
да не таяли.
Отливали эти крылья
сверкающие
то ли — кровушкою,
то ли — пожарами.

Сам боярин Троекуров
со товарищами
поглазеть на это чудо
пожаловали...
Крыльев радужных таких
земля не видела.
И надел их мужик,
слегка важничая,

Вся Ивановская площадь
шеи
вытянула,
приготовилася ахнуть
вся Ивановская!..
Вот он крыльями взмахнул,
сделал первый шаг.
Вот он чаще замахал,
от усердья взмок.
Вот на цыпочки встал,—
да не взлеталось никак!
Вот он щеки надул,—
а взлететь не мог!..
Он и плакал,
и молился,
и два раза отдыхал,
закатив глаза,
подпрыгивал по-заячьи.
Он поохивал,
присвистывал,
он крыльями махал
и ногами семенил,
как в присядочке.
По земле стучали крылья,
крест мотался на груди.
Обдавала пыль
вельможного боярина.
Мужику уже кричали:
«Ну, чего же ты?
Лети!
Обещался, так взлетай,
окаянина!..»

А когда он завопил:
«Да где ж ты, господи?!» —
и купца задел крылом,
пробегаючи,
вся Ивановская площадь
взвыла
в хохоте,
так, что брызнули с крестов
стаи галочьи!..

А мужик упал на землю,
как подрезали.
И не слышал он
ни хохота,
ни карканья.

Сам
боярин Троекуров
не побрезговали:
подошли к мужичку
и в личность
харкнули.
И сказали так боярин:
«Будя!
Досыта
посмеялись.
А теперь давай похмуримся.
Батогами его!
Но чтоб —
не до смерти.
Чтоб денечка два пожил
да помучился».

Ой, взлетели батоги
посреди весны.
Вился каждый батожок
в небе
пташкою.
И оттудова —
да поперек спины!
Поперек спины —
да все с оттяжкою!
Чтобы думал —
знал!
Чтобы впрок —
для всех!
Чтоб вокруг тебя
стало красненько!
Да с размахом —
а-ах!
Чтоб до сердца —
э-эх!

И еще раз —
о-ох!
И —
полразика!

— В землю смотришь, холоп?
— В землю смотрю.
— Полетать хотел?
— И теперь хочу.
— Аки птица, говорил?
— Аки птица, говорю!
— Ну, а дальше как?
— Непременно взлечу!

Мужичонка-лиходей —
рожа варежкой,—
одичалых собак
пугая стонами,
в ночь промозглую
лежал на Ивановской,
будто черный крест —
руки в стороны.
Посредине государства,
затаенного во мгле,
посреди берез
и зарослей смородинных,
на заплаканной,
залатанной,
загадочной Земле
хлеборобов,
храбрецов
и юродивых.
Посреди иконных ликов
и немыслимых личин,
бормотанья
и тоски неосознанной,
посреди пиров и пыток,
пьяных песен и лучин
человек лежал ничком
в крови
собственной.
Он лежал один,
и не было
ни звезд, ни облаков.

Он лежал,
широко глаза открывши...
И спина его горела
не от царских батогов,—
прорастали крылья в ней.
Крылья.
Крылышки.

ШАГИ

Скоро полночь.
Грохочут шаги в тишине...
Отражаясь от каменных стен и веков,
эхо памяти
медленно плещет во мне...
Двести десять шагов,
двести десять шагов...
Через все, что мы вынесли,
превозмогли,—
двести десять шагов
непростого пути.

Вся история
нашей живучей
Земли —
предисловие
к этим
двумстам десяти!..
Двести десять шагов,
двести десять шагов.
Мимо долгой,
бессонной
Кремлевской стены.
Сквозь безмолвье
ушедших в легенду
полков
и большую усталость
последней войны.

Память, память,
за собою позови

в те далекие,
промчавшиеся дни.
Ты друзей моих ушедших
оживи,
а друзьям живущим
молодость верни.
Память, память,
ты же можешь!
Ты должна
на мгновенье
эти стрелки повернуть.
Я хочу не просто вспомнить
имена.
Я хочу своим друзьям
в глаза взглянуть.
Посмотреть в глаза
и глаз не отвести.
Уставать,
шагать
и снова уставать...
Дай мне воли
до конца тебя
нести.
Дай мне силы
ничего
не забывать.

ТРУД

Пока в пространстве
кружится планета,
на ней,
пропахшей солнцем,
никогда
не будет дня,
чтоб не было
рассвета,
не будет дня,
чтоб не было
труда!..
Так было
в нашей жизни быстротечной:

пришел
в победном реве
медных труб
взамен войны —
Великой и Отечественной —
Великий
и Отечественный
труд!

Вся жизнь
как будто начиналась снова
в бессонной чехарде
ночей и дней.
И это было легче не намного,
чем на войне.
А иногда —
трудней.
Великий труд,
когда забот по горло.
Огромный труд
всему наперекор.
Работа шла
не просто для прокорма.
А в общем-то
какой там был
прокорм!
Кусок сырого
глинистого хлеба.
Вода
из безымянного ручья.
И печи обгорелые —
до неба
торчащие
над призраком жилья.
Такая память
нас везде догонит.
Не веришь,
так пойди перепроверь:
два дома неразрушенных —
на город!
Один мужик —
на восемь деревень!

Расскажешь ли,
как, отпахав,
отсеяв,
споткнулись мы
о новую беду
и как слезами
поливали землю
в том —
выжженном —
сорок шестом
году!
Как мышцы затвердевшие
немели
и отдыха
не виделось вдали...
Мы выдержали.
Сдюжили.
Сумели.
В который раз
себя
превозмогли.
Свою страну,
свою судьбу врачуя,
мы
не копили силы про запас.
И не спасло нас
никакое чудо.
А что спасло?
Да только он и спас —
Великий и Отечественный.
Только!
Помноженный на тысячи.
Один.

Пусть медленно,
пусть невозможно долго,
но праздник наш
поднялся из руин!
Поднялся праздник
и расправил
плечи.
Разросся,
подпирая облака...

Что ж,
завтра будет проще?
Будет легче?
Наоборот:
сложней
наверняка!..
Уже сейчас —
совсем не для забавы —
заводим мы
незряшный разговор:
какая магистраль
нас ждет
за БАМом?
Где он лежит —
грядущий Самотлор?

...Распахнуты сердца.
Открыты лица.
Тайга стоит
уже в заре по грудь.
Стартует утро.
Царствует и длится
Великий труд.
Отечественный труд!
На стройках,
на полях
и на дорогах,
в столичном гуле,
в деревнях глухих,
на самых мудрых
синхрофазотронах
и в самых немудреных
мастерских.
Не надо
снисходительной гримасы
по поводу
«не той величины».
Ведь есть не только
БАМы и КамАЗы —
есть неизбывный
общий труд
страны!
Где без обид
несут свои заботы,

вершат
свои нелегкие дела
обычные совхозы
и заводы,
которым нет ни славы,
ни числа.
Не слишком-то надеясь на везенье,
живет страна,
мечтая и терпя.
Слесарит,
инженерит,
пашет землю.
И верит в жизнь.
И создает
себя!

Труд
правит
миром!
Он пьянит,
как брага.
Он объявляет:
все иль ничего!
А без него
любое знамя —
тряпка!
Любое слово без него —
мертво!
Великий
от великого усилья,
вознесший над страной
крыло свое.
Отечественный!
Ибо в нем —
Россия
и сестры
равноправные
ее!..

Пока в пространстве
кружится планета,
на ней,
пропахшей солнцем,
никогда

не будет дня,
чтоб не было
рассвета,
не будет дня,
чтоб не было
труда!

НЕЛИРИЧЕСКОЕ ОТСТУПЛЕНИЕ О ДОРОГАХ

Все когда-нибудь
делают шаг
за порог.
Жизнь у всех —
на дорогах бренных...
А мечтаю я
о пятилетке дорог.
Не абстрактных.
Вполне конкретных.

Вы прислушайтесь:
души людские
томя,
в черноземах
и в глинистой жиже
стонут в голос,
воют,
ревут ревмя
на конкретных дорогах
машины.
Даже если какая беда пришла,
то доехать
в средине марта
от села одного
до другого села —
ни рессор не хватит,
ни мата!..
Понимаю,
что очень огромна страна,
допускаю,
что мы — не боги.
Знаю:

в слове «до-ро-га»
звенит цена,—
дорогие нынче
дороги!

Ладно, дорого...
Что ж,
нагрузили — вези.
Песни пой
себе в утешенье...
Ну а хлеб,
лежащий
в целинной грязи!
Он —
дешевле?!
А далекие рейсы,
будто на приз
(«Доберется!..
Авось не утонет»)?!
Разве долгий подвиг —
шоферский риск —
ничего
не стоит?!
А колдобины
на ежедневном пути
(чуть расслабишься —
треснет шея)?!
А сама невозможность
проехать,
пройти?!
Разве это —
дешевле?!

Не хочу, торопясь,
предвещать закон,
сгоряча
городить напраслину.
Но в Державе такой,
в Государстве таком
бездорожье —
уже безнравственно.
Это — факт!

И дело не в чьей-то
молве.
Я
намеренно не стихаю.
(Не ищите поэзии
в данной главе!
Не считайте ее
стихами!..)
Не стихи
пишу —
хриплым криком
кричу.
Не себе
прошу —
для Отчизны
хочу.
Для нее —
океанами стиснутой,
драгоценной,
одной,
единственной!
Для которой мы трудимся
столько лет,
для которой
поем и печалимся...
Недоступного нет,
невозможного нет,
если только миром
навалимся!
Если только — с сердцем,
с умом,
с душой...
И Дорога наша
сквозь время,
та,
которая пишется
с буквы большой,
станет
к нашим потомкам
добрее!

Всей наивностью
этих спешащих строк,
всею ширью Земли,

всею далью
я мечтаю
о пятилетке дорог,—
самой трудной мечтой
мечтаю...
За такое
можно отдать и жизнь,
если это приблизит
сроки.

А сегодня, по-моему,
коммунизм
есть
Советская власть
плюс дороги!

ШАГИ

Небо темное
без берегов.
На стене
имена горят.

Двести десять
парадных
шагов!
Словно это и впрямь —
парад.
Необъявленный,
странный,
ночной...
Вижу:
выстроились войска,
озаренные
круглой луной,
продирающейся
сквозь облака...
Я друзей отца
узнаю,—
вон они вдалеке стоят.
Впереди —
в суровом строю —
сводный полк
Неизвестных солдат!..

Все
пришли в эту ночь
сюда
отовсюду,
где шла война:
с ноздреватого
невского льда,
из-под Бреста
и Бородина.
С Даугавы,
с Дона,
с Днепра,
кто — на лошади,
кто — пешком...
И безмолвным громом
«ура-а!..»
перекатывается
над полком.

Мне тревожно,
холодно мне.
Ветер скорби
хлещет в ушах.
В потрясающей
тишине
государственный
слышен
шаг!
И слова команды
слышны.
В небе
грустные марши
парят...
Появляются
из стены
принимающие
парад.
Командармы
далеких дней,
чашу
выпившие до дна.
Застывают
возле камней,

там, где выбиты
их имена...
И молчат они.
И глядят.
Будто верят,
что скоро
в ночи
к ним из молодости
прилетят
бесшабашные трубачи.
Вспоминают
бойцов своих.
Снова чуют
цокот
подков...
Невесомые
руки их —
у невидимых
козырьков.

ВОЙНА

Было Училище.
Форма — на вырост.
Стрельбы с утра.
Строевая — зазря.
Полугодичный
ускоренный выпуск.
И на петлице
два кубаря.

Шел эшелон
по протяжной
России,
шел на войну
сквозь мелькание берез.
«Мы разобьем их!»,
«Мы их осилим!»,
«Мы им докажем!» —
гудел паровоз.
Станции —
как новгородское вече.

Мир,
где клокочет людская беда.
Шел эшелон.
А навстречу,
навстречу —
лишь
санитарные поезда.

В глотку не лезла
горячая каша.
Полночь
была, как курок,
взведена...
«Мы разобьем их!»,
«Мы им докажем!»,
«Мы их осилим!» —
шептал лейтенант.
В тамбуре,
маясь на стрелках гремящих,
весь продуваемый
сквозняком,
он по дороге взрослел —
этот мальчик —
тонкая шея,
уши торчком...
Только во сне,
оккупировав полку
в осатанелом
табачном дыму,
он забывал обо всем
ненадолго.
И улыбался.
Снилось ему
что-то распахнутое
и голубое.
Небо,
а может,
морская волна...

«Танки!»
И сразу истошное:
«К бою-у!..»

Так они встретились:
Он
и Война.
...Воздух наполнился громом,
гуденьем.
Мир был изломан,
был искажен.
Это
казалось ошибкой,
виденьем,
странным,
чудовищным миражом.
Только видение
не проходило:
следом за танками
у моста
пыльные парни
в серых мундирах
шли
и стреляли от живота.
Дыбились шпалы!
Насыпь качалась!
Кроме пожара,
не видно ни зги!
Будто бы эта планета
кончалась
там,
где сейчас наступали
враги.
Будто ее становилось все меньше!..

Ежась
от близких разрывов гранат,—
черный,
растерянный,
онемевший —
в жестком кювете
лежал лейтенант.
Мальчик
лежал посредине России,
всех ее пашен,
дорог
и осин...

Что же ты, взводный?!
«Докажем!..»
«Осилим!..»
Вот он —
фашист.
Докажи.
И осиль.
Вот он —
фашист!
Оголтело и мощно
воет
его знаменитая
сталь.

Знаю,
что это почти невозможно.
Знаю, что страшно.
И все-таки
встань!
Встань,
лейтенант!..
Слышишь,
просят об этом,
вновь возникая
из небытия,
дом твой,
завьюженный солнечным светом,
Город.
Отечество.
Мама твоя...
Встань, лейтенант!
Заклинают просторы,
птицы и звери,
снега и цветы.
Нежная
просит
девчонка,
с которой
так и не смог познакомиться
ты.

Просит
далекая средняя школа,
ставшая госпиталем
с сентября.

Встань!
Чемпионы двора по футболу
просят тебя —
своего вратаря.
Просит
высокая звездная россыпь,
горы,
излучина каждой реки.
Маршал
приказывает
и просит:
«Встань, лейтенант!
Постарайся!
Смоги...»
Глядя значительно и сурово,
вместе с землею и морем
скорбя,
просит об этом
крейсер «Аврора».
Тельман
об этом просит
тебя.
Просят деревни,
пропахшие гарью.
Солнце
как колокол
в небе гудит!
Просит из будущего
Гагарин.
Ты
не поднимешься —
он
не взлетит.
Просят
твои нерожденные дети.
Просит история!..

И тогда
встал
лейтенант.
И шагнул по планете,
выкрикнув не по уставу:
«Айда!»

Встал
и пошел на врага,
как вслепую.
(Сразу же сделалась влажной спина.)
Встал лейтенант!..
И наткнулся
на пулю.
Большую и твердую,
как стена.
Вздрогнул он,
будто от зимнего ветра.
Падал он медленно,
как нараспев.
Падал он долго...
Упал он
мгновенно.
Он даже выстрелить
не успел!
И для него наступила
сплошная
и бесконечная тишина...

Чем этот бой завершился —
не знаю.
Знаю,
чем кончилась
эта война!

Ждет он меня
за чертой неизбежной.
Он мне мерещится
ночью и днем —
худенький мальчик,
всего-то успевший
встать
под огнем
и шагнуть
под огнем.

...А над домом тучи
кружат-ворожат.
Под землей цветущей
павшие
лежат.

Дождь
идет над полем,
родную землю
поит...
Мы про них
не вспомним —
и про нас
не вспомнят.
Не вспомнят
ни разу.
Никто
и никогда.
Бежит
по оврагу
мутная вода...
Вот и дождь
кончился.
Радуга
как полымя.

А ведь очень
хочется,
чтоб и про нас
помнили!

УТРЕННЕЕ ОТСТУПЛЕНИЕ О МОСКВЕ

Нас у Москвы —
очень много!

Как по привычной канве,
неудержимо
и строго
утро идет
по Москве.
За ночь
мосты остыли,
съежились
тополя.
Дымчата и пустынна
набережная
Кремля.

Башни
порозовели,
сразу же стала видна
тихих
тянь-шаньских елей
ранняя седина.

Рядом,
задумавшись тяжко,—
и далеки,
и близки,—
высятся
многоэтажки,
лепятся
особняки.
В городе —
сотни дорог,
вечность
в себе
таящих.
Город —
всегда диалог
прошлого
с настоящим.
Есть в нем и детство,
и зрелость.
Есть и лицо,
и нутро...

Двинулся
первый троллейбус,
и задышало метро...
Вот,
добежав,
дотикав,
пробуя голос свой,
полмиллиона будильников
грянули
над Москвой!
Благовест наш
небогатый,
утренний наш
набат...

Вот
проснулась
Таганка,
потягивается
Арбат.
Кузнецкий
рекламы тушит.
Зарядье
блестит росой.
Фыркает Пресня
под душем.
Останкино
шпарит
трусцой!

К определенному сроку
по мановенью
руки
плюхаются
на сковородку
солнечные
желтки.
Пьет чай
Ордынка и Сетунь.
И снова,
идя на рожон,
мужья
забором газетным
отгородились
от жен.
Встанут не раньше,
не позже,
жажду свою
утолив...
Будто гигантский
поршень,
в доме
работает лифт.
Встретит всех
у порога
запах
умытой листвы.

Нас у Москвы —
очень много,
много нас
у Москвы!
Мы
со столицей на равных,
мы для нее — свои.
В креслах
башенных кранов
и на постах
ГАИ.
В гордых
концертных залах,
в шахтах
и облаках.
На производстве —
в самых
невероятных
цехах.
Мы
этот город
ставим!
Славу его
творим.
Памятью
обрастаем.
С космосом
говорим.
В каждую мелочь
вникаем.
Все измеряем
трудом...
Может быть,
не о каждом
люди
вспомнят потом.
Может,
не всем воздастся...
Сгорбившись
от потерь,
мы создаем
Государство
неравнодушных
людей.

Долгою будет
дорога.
Крупною будет
цена.
Нас у Москвы —
очень много!
А Москва у нас —
одна.

МИР

Мы —
жители Земли —
богатыри.
Бессменно
от зари и до зари,
зимой и летом,
в полднях и в ночах
мы тащим тяжесть
на своих плечах.
Несем мы груз
промчавшихся годов,
пустых надежд
и долгих холодов,
отметины
от чьих-то губ
и рук,
нелепых ссор,
бессмысленных разлук,
случайных дружб
и неслучайных встреч.
Все это так,
да не об этом
речь!
Привычный груз
не весит ничего.
Но,
не считая этого всего,
любой из нас
несет пятнадцать тонн!..
Наверно,
вы не знаете о том?
Наверно,
вам приятно жить в тепле?

А между тем
на маленькой
Земле
накоплено
так много
разных бомб,
что, сколько их,
не знает даже бог!
Пока что эти бомбы
мирно спят.
И может,
было б незачем опять
о бомбах
вспоминать и говорить.
Но если только
взять
и разделить
взрывчатку,
запрессованную в них,
на всех людей —
здоровых и больных,
слепых и зрячих,
старцев и юнцов,
на гениев,
трудяг
и подлецов,
на всех — без исключения —
людей
в их первый день
и в их последний день,
живущих
в прокопченных городах,
копающихся
в собственных садах,
на всех людей! —
и посчитать потом,
на каждом будет
по пятнадцать тонн!
Живем мы.
И несет любой из нас
пятнадцать тонн взрывчатки.
Про запас...

Светло смеется женщина в гостях.
Грустит в холодом доме
холостяк.
Рыбак
по речке спиннингом стегнул.
Матрос
за стойкой кабака
уснул.
Пилот мурлычет
в небе голубом...
Пятнадцать тонн на каждом!
На любом!..

Плисецкая
танцует вечный
вальс...
Богатыри!
Я уважаю
вас...
Охотник
пробирается тайгой.
Шериф
бездумно смотрит на огонь.
Студент готовится
спихнуть зачет.
Хозяйка
пудинг яблочный печет.
Рокочет на эстраде
баритон...
На каждом из живых —
пятнадцать тонн!..

Прыгун дрожит
не потому, что трус:
«Как вознести над планкой
этот груз?»
Старик
несет из булочной батон
в авоське.
И свои пятнадцать тонн
он тащит за плечами,
как рюкзак,
И дым усталости
в его глазах...

Без отдыха
работает роддом.
Смешное,
слабенькое существо
едва рождается,
а для него
уже припасено
пятнадцать тонн.
Пятнадцать тонн
на слабеньких плечах!
Вот почему
все дети
так кричат.

Сквозь смех и боль,
сквозь суету и сон
мы эту ношу
медленно
несем.
Ей подставляем
плечи и горбы,
влачим ее по жизни,
как рабы!
Ее не сбросить,
в землю не зарыть,
не утопить,
врагу не подарить.
А ноша эта —
черт ее возьми! —
придумана и создана
людьми.
Людьми самими
произведена.
В секретные бумаги
внесена.
Нацелена
и взвешена уже.

Ну как теперь?
Живет у вас в душе
надежда
этот шар земной
спасти?..

Шлагбаумом,
застывшим на пути,—
протянутая
детская рука.
Взрывчатки — вдоволь.
Хлеба —
ни куска.
Взрывчатки — вдоволь.
По пятнадцать тонн!

Земля
утробный исторгает стон!
ей хочется
забыться поскорей.
Ей страшно
за своих
богатырей!..
Пока —
пятнадцать тонн.
А завтра —
что?
А через десять лет?
А через сто?
Пусть даже без войны,
без взрывов пусть...
Богатыри,
да разве это —
путь?!

...И снова ночь
висит над головой.
Бездонная,
как склад пороховой.

ШАГИ

Для сердца
любая окраина —
близко.
Границей
очерчена наша Земля.

Но в каждом селенье
стоят
обелиски,
похожие чем-то
на башни
Кремля...
Стоят обелиски
над памятью вечной,
над вдовьей тоской
да над темной водой
с такой же звездою
пятиконечной,
с такой же
спокойной и светлой
звездой.
С такой же,
которая так же
алеет,
которую так же
боятся враги...
Солдаты
сменяются
у Мавзолея,
раздольно и мощно
чеканят шаги!

Я слышу:
звучат
неумолчные гимны.
Я вижу:
под гроздьями облаков,
летящих над миром,
до каждой
могилы
от Спасских ворот —
двести десять шагов!
До каждой!
Пусть маленькой,
пусть безымянной.
До каждой!
Которую помнит
народ.

По чащам лесным,
по траве непримятой
проторены тропки
от Спасских
ворот...
Сквозь зимние вьюги
и вешние гулы
под пристальным взглядом
живущих людей
идут
караулы,
встают
караулы
у памятников
посреди площадей.
У скорбных надгробий
встают, бронзовея.
И бронза
становится цветом лица.

Есть память,
которой не будет забвенья.
И слава,
которой не будет конца.

ПУЛЯ

Пока эта пуля летела в него...
— Ты о чем?!
Он умер
в больнице.
И все это было
не вдруг.
Почти что за месяц
мы знали,
что он — обречен...
Ты помнишь,
как плакал в пустом кабинете
хирург?!
«Какой человек умирает!
Какой человек!..»
Поэт хирургии
полсуток стоял у стола.

Хотел опровергнуть прогнозы.
И —
не опроверг.
Там не было
пули.

— Нет,
все-таки пуля была! —
На любом надгробье —
два
главных года:
год прихода в этот мир
и год ухода.

От порога
до другого порога
вьется-кружит по земле
твоя дорога.
Вьется-кружит по земле
твоя усталость.
И никто не скажет,
много ль осталось...
Но однажды,
вопреки твоей воле,
обрываются
надежды и хвори.
Обрываются
мечты и печали.
«Прибыл — убыл» —
в это верят
без печати.

Я разглядываю камень
в испуге:
между датами —
черта,
как след от пули.
След от пули!
След
багряного цвета.
Значит, все-таки
была
пуля эта!

Значит, все-таки
смогла
долго мчаться!
Значит, все-таки
ждала
дня и часа!
Все ждала она,
ждала,
все летела!
И —
домчалась.
Дождалась.
Досвистела...
Два числа на камне
время стирает.
След от пули
между ними
пылает!
Пока эти пули летят
(а они летят!),
пока эти пули летят
в тебя
и в меня,—
наполнившись ветром,
осенние сосны гудят,
желтеют в витринах
газеты
вчерашнего дня.
А пули летят!
И нельзя отсидеться в броне,
уехать,
забраться в забытые богом края.

Но где и когда она
встречу
назначила мне —
веселая пуля,
проклятая пуля моя?!
Ударит
в какой стороне
и с какой стороны?..
Постой!
Да неужто
не может промазать она?!

И вновь
суматошные дни
суетою полны.
Живу я и верю,
что жизнь —
невозможно длинна.
Вот что-то не сделал: «Успею».
(А пуля летит!)
«Доделаю после».
(А пуля смеется, летя!)
В сырое окно
неподкупное время
глядит.
И небо
в потерянных звездах,
как в каплях
дождя.

Ну что же,
на то мы и люди,
чтоб все понимать.
На то мы и люди,
чтоб верить
в бессмертные сны.
Над детским дыханьем
склонилась
усталая мать.
Горят имена
у подножья
Кремлевской стены.
На то мы и люди,
чтоб помнить
других людей.
На то мы и люди,
чтоб слышать
их голоса.
В оттаявшем небе —
рассветная полоса...
Да будет памятным
каждый
прошедший день!
А каждый грядущий день
да будет воспет!

Пока эти пули летят,
мы
обязаны жить.
Пока эти пули летят,
мы должны
успеть
вырастить хлеб,
землю спасти,
песню сложить.
...Пока эти пули летят
в тебя и в меня.

ШАГИ

Двести десять шагов.
Шаг
за шагом.
Надо мной облака
в небе ржавом.
Гул шагов.
Каждый шаг —
будто веха.
Это —
сердце стучит.
Сердце века.

Я на площади —
как на ладони.
Смотрит время в упор:
что я сто́ю?
Что я
в жизни могу?
Что я знаю?..
Надо мною
рассвет,
будто знамя.
Смотрит время в упор —
проверяет.
Этот день
на меня
примеряет.

Гул шагов над Москвой.
Грохот эха.
Сердце века
стучит.
Сердце века!
Продолжается бой —
тот —
последний!..
Двести десять
шагов
по Вселенной!

Время
стрелки часов
переставит.
Знаю я:
нас
однажды
не станет.
Мы уйдем.
Мы уже
не вернемся.
Этой горькой землей
захлебнемся.
Этой утренней,
этой
печальной,
неизвестной еще,
непочатой.
А она
лишь на миг
всколыхнется.
И, как море,
над нами
сомкнется.
Нас однажды не будет.
Не станет.
Снова
выпадет снег.
И растает.
Дождь прольется.
И речка
набухнет.

Мы
уйдем насовсем.
Нас
не будет.
Превратимся
в туман.
В горстку праха...

Но
останется жить
наша
правда!
Мы
свое отгорим.
Отболеем...

Но
от имени
нас
будет
Ленин!
И
от имени
нас
будут эти
двести десять шагов
по планете!

1975—1978

Из сборника
ЭТО ВРЕМЯ
1976—1982

***

Родиться,
любить,
умереть —
программа
почти мотыльковая.
А ежели жизнь
пустяковая,
то даже не страшно
стареть.

Порядок
предсказан судьбой.
Да вы это сами увидите,
когда —
обязательно! —
выйдете
с последним глаголом
на бой.

Родиться,
любить,
умереть...

И самые гордые головы
склоняются
перед глаголами,
которых нельзя
одолеть.

А этот последний глагол,
покрытый
извечною тайною,—
он все-таки станет
когда-нибудь
последним
и главным врагом!

***

Ю. Бондареву

Если б только
люди жили вечно,
это было бы
бесчеловечно...
Как узнать,
чего ты в жизни сто́ишь?
Как почуять,
что такое риск?
В море броситься?
Так не утонешь!
На костер взойти?
Так не сгоришь!
Поле распахать?
Потом успею.
Порох выдумать?
А для чего?!
Наслаждались бы
ленивой спесью
пленники
бессмертья своего.
Ничего они бы
не свершили!
Никогда б
не вылезли
из тьмы.

Может, самый главный
стимул жизни
в горькой истине,
что смертны
мы.

РОДНИК

Обернуться
на журчанье родника,
наклониться
над нежданною водой.
Родничок всего-то —
с детскую ладонь.
И как детская ладонь,
вода
сладка.
Безымянный,
неприметный родничок.
Он и сам-то вряд ли знает,
что течет,
и совсем не понимает,
для чего...

Ты, наверное,
забудешь
про него.
Ты, конечно,
проживешь без родника.

А для леса он —
как жилка у виска.

ПТИЦЫ ПРИЛЕТЕЛИ

Все сегодня очень рады!
Эту радость
скрыть нельзя.
Вывешены транспаранты:
«Птицы —
лучшие друзья!»
Будет
целую неделю
продолжаться тарарам.
«Прилетели,
прилетели
птицы
из далеких стран!»
«Наши птицы дома,
дома..»
Все для них уже готово,—
и солнце подобревшее
над голыми садами,
и новые скворечники
с разинутыми ртами.

Птиц
в газетах привечают,
их оркестрами
встречают.
Много
птичьих новостей
в передачах для детей:
«У Горячего Ключа
в поле
видели
грача.

Шел он,
глаз лаская...»
Радость-то какая!..
«А вчера
скворец надменный
чистил
перышки свои!»

Сразу
как-то незаметны
снегири
и воробьи.
Ну, еще бы!
Ведь они
вроде и не птицы.
В эти праздничные дни
нечем им
гордиться:
не улетали никуда.
Перетерпели холода.
Жили-поживали.
С нами
зимовали.

О МАСТЕРАХ

Мир стареет
в былых надеждах.
Но сегодня,
как и вчера —
на плечах
эту землю держат
и несут на себе
мастера!
Мастера.
Профессионалы.
Те, что в жизни постичь смогли
щедрость камня,
душу металла,
свежесть формулы,
нрав земли.
Мастера.
Мастаки.
Умельцы.
Понимающие до глубин
механизм
станка или сердца,
ход смычка
или гул турбин...
Руки вещие простирая
к перекресткам
звездных миров,
время
движется мастерами
и надеется
на мастеров!

К ним взывает
нощно и денно...

Только —
дьявол ее возьми! —
приблизительность
овладела
торопящимися людьми.
Что-то учат
о чем-то знают,
в общем — сеют,
в среднем — стригут.
Приблизительно
объясняют.
Относительно
берегут...
Приблизительное уменье,
как сварганенный наспех
дом,—
если даже не мстит
немедля,
то обрушивается
потом.
Откликается после
жестко,
все порывы
сводит на нет.

Мир
погибнет не от обжорства,
не от козней
чужих планет,
не от засух,
не от морозов,
не от ядерных
сверхатак,—
он погибнет,
поверив в лозунг
добродушный:
«Сойдет и так!»
Расползающееся в атмосфере
из квартир,
контор
и дворов

громовое:
«А нам до фени!» —
наступает
на мастеров.

А они стоят,
будто крепости,
в правоте
своего труда.
И не могут иначе,
И требуются
срочно!
спешно!
всюду!
всегда!

МАРК ШАГАЛ

Он стар
и похож на свое одиночество.
Ему рассуждать о погоде
не хочется.
Он сразу — с вопроса:
— А вы не из Витебска?..—
Пиджак старомодный
на лацканах вытерся.
— Нет, я не из Витебска.

...Долгая пауза.
А после — слова
монотонно и пасмурно:
— Тружусь и хвораю...
В Венеции — выставка...
Так вы не из Витебска?
— Нет, не из Витебска.

Он в сторону смотрит.
Не слышит,
не слышит.
Какой-то нездешней далекостью
дышит.
Пытаясь до детства
дотронуться бережно...
И нету ни Канн,
ни Лазурного Берега,
ни нынешней славы...
Светло и растерянно
он тянется к Витебску,
словно растение.

Тот Витебск его —
пропыленный и жаркий —
приколот к земле
каланчою пожарной.
Там свадьбы и смерти,
моленья и ярмарки.
Там зреют
особенно крупные яблоки,
и сонный извозчик по площади катит...

— А вы не из Витебска? —
Он замолкает...
И вдруг произносит,
как самое-самое,
названия улиц:
«Смоленская»,
«Замковая».
Как Волгою,
хвастает Видьбой-рекою
и машет
по-детски прозрачной рукою...
— Так вы не из Витебска.

Надо прощаться.
Прощаться.
Скорее домой
возвращаться...
Деревья стоят
вдоль дороги навытяжку.
Темнеет...

И жалко,
что я не из Витебска.

***

Непонятны
голоса галактик,
различимые едва-едва.
Непонятно,
кто и как наладит
производство антивещества.
Смотрит в небо жерло телескопа,
от земных волнений
отстранясь.
Звезды
мы поймем еще не скоро,—
слишком далеко
они
от нас!..

А на кухне
в крутобокой миске
тесто ждет,
чтоб хлынуть через верх.
Женщина хлопочет.

Самый близкий,
самый непонятный
человек.

***

Вновь нахлынул
северный ветер.
Вновь весна
заслонилась метелью...

Знаешь,
понял я,
что на свете
мы
не существуем отдельно.
Мы уже —
продолженье друг друга.
Неотъемлемы.
Нерасторжимы.
Это — трудно
и вовсе не трудно.
Может,
мы лишь поэтому
живы...

Сколько раз —
я поверить не смею —
не случайно
и не на вынос
боль твоя
становилась моею,
кровь моя —
твоей становилась!..
Только чаще —
гораздо чаще! —

поднимаясь
после падений,
нес тебе я
свои несчастья,
неудачи нес
и потери.
Ты
науку донорства
знала,
ты мне выговориться
не мешала.
Кровью собственной
наполняла.
Успокаивала.
Утешала...
Плыл закат —
то светлей, то багровей...

И с годами
у нас с тобою
стала общею —
группа крови,
одинаковой —
группа боли.

***

Ко́вентри,
Герника,
Орадур.
Это ветер памяти подул...
Кто забыл
про эти города,
пусть не удивляется,
когда
небо полыхнет над головой,
вскрикнет и обуглится земля,
будут слезы — зря,
и стоны — зря,—
мертвым
позавидует
живой!
«Да за что?!
Да я-то тут при чем?!»

...Потерявший память —
обречен!

ПЕНСИОНЕР

Он во дворе,
машинами пропахшем,
пасет внучат, пока не надоест.
Ему кричат таксисты:
«Эй, папаша!
Скажи, будь другом,
где шестой подъезд?»
Он о футболе
говорит со мною.
Он кажется худее
со спины.

...За этою невзрачною
спиною —
две
революции
и три
войны.

НА ВОЕННОМ ПАРАДЕ

Вот уже вступила техника на площадь.
И уже
словно ток прошел по стайке
иностранных атташе,—
нынче
фоторепортерами
работают они!

А по площади,
по площади
течет река
брони!
Твердь земная
прогибается,
и стекла дребезжат.
Сверхсерьезные ракеты
на прицепах
возлежат.

Наша общая забота.
Строгость оборонных дел.
Хоть никто из нас на этом деле
не разбогател.
Не купил лесов и замков.
Миллионов не припас...
Но когда б
такого не было,
то не было бы
нас!

Мы бы не были
Державой.
Мы бы
канули в ночи...

Сердце,
что ж ты так забилось?
Погоди,
не грохочи!
Что я вспомнил?
Что подумал?
За тобой
куда иду?..
Нам бы
четверть этой силищи
в том
взорванном году!
Никогда не повторится
сорок первый.
Никогда!..

Вот течет она по площади —
защита и беда...
А из будущего века,
из сплошного далека
смотрят дети,
смотрят дети,
не рожденные пока.
Смотрят с грустною надеждой
сквозь неведомую тьму...

Может быть, они
родиться
смогут
только потому,
что когда-то,
в наше время,
в грозах
нынешнего дня
грохотала по брусчатке
эта
жесткая броня!

УСТАЛОСТЬ

На Землю
пришла усталость,
нельзя ее
избежать!..

Матери
шара земного
устали
солдат рожать.
Устали
гадать на картах,
в напрасной надежде
жить...
Устали
швейные фабрики
военную форму
шить.
Устал
самолет реактивный
лететь
навстречу войне.
Лесная дорога
устала
танки
тащить на спине.
Усталость
сковала планету.
Настала
такая пора...

Устал океан
раскачивать
ракетные крейсера.
Ему
ощущать надоело
железный привкус
беды
и прятать
подводные лодки
в бездонных толщах
воды.
От грома
устало небо.
Устала земля,
когда
на ней —
сплошные мишени,
мишени,
а не города!..

И даже металл
бездушный,
холодный,
тупой металл
за долгие тысячелетья
оружием быть
устал!

ИНДИЙСКИЙ АПРЕЛЬ

А. Вазирову

Тяжелые капли
на глину упали.
В трубе водосточной
забила струя.
Вдоль узенькой улочки
высятся пальмы
гигантскими кисточками для бритья.

Наверно,
земля эта слишком устала —
ей тысячелетьями
мышцы свело.
Наверное,
время ее не настало.
А может, настало уже.
И прошло...

Такое единство
беды и покоя,
такое презрение
к бегу часов,
что надо придумывать
нечто другое
в таблице
затасканных мер и весов.
Иначе?
Иначе все будет нечестно.

Смешались недели,
века
и года!
Здесь то, что прошло,
никуда не исчезло.
Здесь то, что придет,
не уйдет никуда...

А мимо плывут —
тяжело и огромно,—
как будто возникнув из общего сна,
то слон,
монотонно
толкающий
бревна,
то трайлер
размером в четыре слона.

Я все это чувствую, слышу и вижу.
Над миром
прибой океанский гудит.
Немыми глазищами
каменный Вишну
за взлетом ракеты
спокойно следит.
А звезды
мерцают пустынно и просто.
Летят,
оставляя невидимый след...

И мне улыбается
странный
подросток.
Подросток,
которому тысячи лет.

ПОЕЗДКА

Сильно древний
монастырь,
или церковь,
или замок —
это как магнит
для самых
непоседливых настыр...

Отметают возраженья,
с ходу
пресекают спор:
«Как?!
Серьезно?!
Неужели
не бывали
до сих пор?!
Это дело поправимо!..»

Встали
около шести.
Речка — мимо,
роща — мимо,
море — мимо.
Мы —
в пути!..
Заунывный рев мотора.
Сумасшедший звон жары.
Задыхаясь —
в гору,
в гору

и — зажмурившись —
с горы!
Полдень
липкий, как конфета.
В сердце — боль,
в глазах — темно...
Сто восьмое
чудо
света —
наконец-то! —
вот оно...
Камни
желтые от пыли,
в землю
вросшие на треть...

«В общем,
можно не смотреть.
Главное,
что мы здесь
были!»

***

Н. В. Богословскому

Гостиница на Рю-де-Сенн
была проста,
была удобна.
Мы жили здесь
почти как дома.
Как дома.
Только не совсем.

Отличье
состояло в том
(помимо остальных деталей),
что этот
добродушный дом
располагался
в том квартале,
где каждый вечер
допоздна,
помехи
в сновиденьях
сея,
шло
непрерывное веселье —
безудержное,
как война!..
Сюда —
еще до темноты —
в объятья
переулков мглистых
величественные, как киты,

автобусы
везли туристов...

Здесь
был кураж и климат свой.
Напротив знаменитой церкви
перед кафе
на мостовой
шли
самозваные концерты...
Здесь выступал надменный мим,
одетый
грустно и немодно.
Изничтожал он бренный мир
открыто,
смело,
но безмолвно...
Здесь,
как всегда навеселе,
грек
демонстрировал удава,
и ненакрашенная дама
играла
на простой пиле...
Здесь был факир —
такой, как надо!
Усмешкой дьявольской
сочась,
кричал он:
«Господа!
Сейчас
вас опалит
дыханье ада».
Отпрыгивала темнота!
Огонь
торжествовал шикарно.
И пламя
било
изо рта,
как из домашнего вулкана.
Факир стонал
в избытке чувств,
мерцал глазами с поволокой.

И от него
несло чуть-чуть
не адом,
а бензоколонкой...

А рядом,
около,
вокруг —
и без конца,
и без начала —
все двигалось!
текло!
звучало!
Все перемешивалось вдруг!..
И странною была земля,
где улицы —
теснее комнат...
Сверкал Париж —
веселый город!
Париж,
который «о-ля-ля!».
Он пил и пел,
он жрал и ржал,
был
надрывающимся, ярким.
Он был
Парижем по заявкам.
Парижем —
не для парижан.
Он жил,
как будто все пропало!..

И месяц над рекой висел.
И лишь под утро
засыпала
гостиница на Рю-де-Сенн.

НЛО

Чудеса теперь
обыденными стали.
Не фантастика,
не выдумка,
не бред,—
утверждают очевидцы,
что видали
Неопознанный Летающий Объект...

Он в рассветном небе
странный след оставил
в виде длинного прозрачного хвоста.
Повисел чуть-чуть над полем.
И —
растаял.
И, наверно, было это
неспроста...
Зависая над земною жизнью бренной,—
как в лесу
над муравейником склонясь,—
неопознанные
странники вселенной
скрупулезно изучают нас...
Кто мы им?
Хочу узнать, пока не поздно.
Кто мы им?
Хочу узнать наверняка.
Чья-то тема
в диссертации межзвездной?
Чей-то опыт
по «системам из белка»?

Кто мы им?
Еще не зрячие котята?
Или, может быть, собратья по судьбе?
Скажут пусть,
ну, намекнут хотя бы:
кто мы им?
И кто же мы
самим себе?..
Он висит над мокрой пашней —
дух ниспосланный,
излучая
ослепительнейший свет...

Ах, Земля-Земля,
родимый мой,
непознанный,
неопознанный,
живой еще
объект!

ФАНТАСТИЧЕСКАЯ БАЛЛАДА

Если чего-нибудь хочешь,
судьба воздаст
(полностью или частично —
другое дело!).

Жил в небольшом городке
неудачник-фантаст,
которым с рожденья
одно желанье владело.
Он очень сильно хотел
(и как можно скорей!)
в прошлое перенестись
(в какое, не важно!)
и там оказаться
(хоть на год!)
Царем Царей.
Причем не мифическим,
а реально существовавшим.
Стать императором,
ханом —
не все ли равно!
Только бы
слиться с чужой знаменитой судьбою.
Лишь бы почуять,
что все тебе в жизни
дано,
лишь бы увидеть,
что мир
переполнен тобою!

Стать властелином
превыше и всех, и всего.
Быть полубогом,
рушащим скалы и троны!
Чтоб от простого движенья
перста твоего
ветры стихали
и вздрагивали народы!
Жить,
чтоб склонялась
к твоим величавым стопам
вся бессловесная
и вся говорящая
живность!..

В общем, короче:
фантаст
не ел и не спал.
Жаждал он чуда.
И однажды
чудо
свершилось.

...Вот он — на палубе
парусного корабля.
Он — явно Кто-то!
Он спрашивает надменно:
— Капрал,
отвечайте,
что это там за земля?
— Ваше Величество!
Это —
остров Святой Елены.

***

Как лучше: город в море?
Море в городе?..
Здесь даже снег
не может с морем справиться.
Он падает на темный лед
и плавится.
И странно это
на февральском холоде...
А мы глядим —
войны далекой крестники —
на снежно-белый куб дворца «Финляндия».
И в нас уже всерьез
вошли понятия:
«Мир после Хельсинки...»
«Европа после Хельсинки...»
А Хельсинки вдоль моря простирается,
ведет свои горизонтали складные.
Не суетится.
Не спешит понравиться.
Он просто есть.
И то, что есть он,—
главное.
Работает,
грустит,
мурлычет песенки,—
надеждой полон,
как весенним паводком.

Да будет небо
добрым и распахнутым.
Да будет мир
в Европе после Хельсинки.

ПАМЯТНИК ЯНУ СИБЕЛИУСУ

Органные трубы уставились в небо.
Сейчас она грянет,
взрослея и зрея,—
та музыка,
сотканная из прозренья.
Из боли и нежности.
Света и снега.
Сейчас обовьет она
плечи и души.
Утешит.
И плакать заставит внезапно...

Органные трубы
похожи на дюзы
ракеты,
вернувшейся к людям
из завтра.

Хельсинки

НА ФЕСТИВАЛЕ ПОЭЗИИ

Младену Оляча

Годы
катятся по кругу,
повторяя прежний путь...

Я еще приеду
в Стругу.
Может быть.
Когда-нибудь...
Вновь почувствую,
как нежно
упадет ко мне в ладонь
миг
разъединенья неба
с непроснувшейся водой.
Миг —
воистину прекрасный.
Свет,
разлившийся вдали.
Обретение пространства.
Узнавание земли.
Проявленье
гор взметенных,
отдаление границ.
Вечность
заново рожденных
темных крыш
и певчих птиц...
Утро на глазах поспеет,
воду высветит до дна.

А потом плеснет на берег
аккуратная волна,
и назад уйдет
упруго,
и попросит
все забыть...

Я еще приеду
в Стругу.
Это очень может быть!..
Там
по улочкам недлинным
бродит ночью
тишина.
Над прозрачным
Черным Дримом
светит
белая луна.
И река уносит в лето
капли
звездной шелухи...

Там
веселые поэты
пишут грустные стихи.

НОВЫЙ РАЙОН

Новый район —
как новый город...
Медленно —
этаж за этажом —
вот он
слева от шоссе
восходит
сказочным,
огромным миражом!
Вот он обступает —
глаз не хватит!..
И хотя едва родился он,
в нем уж отзвенело
двадцать свадеб,
Отрыдало
восемь похорон...
Он уже привык под воскрèсенье
и почти до утренней поры
слышать,
как бушуют новоселья,
сотрясая
стены и полы!..

Он привык,
что возле перехода
вот уже
три месяца подряд
мастера из Горводопровода
роют землю.
Видно,
ищут клад...

Здесь еще так много надо сделать!
Но зато,
опередив прогресс,
прямо к окнам
дома номер девять —
не приснившись —
подступает лес.
Хвоей и озоном
хлещет мощно,
душу
заполняет до краев...
Ну, а где еще
услышать
можно
самых настоящих
соловьев?..

Район
уже сроднил с собою
тысячи
приезжих горожан...
В лифтах —
разговоры про обои.
Скипидарный дух —
по этажам.
У подъездов —
мебельные горы.
В комнатах —
дыханье сквозняка.

Новый район —
особый город.
Без театров и больниц пока.
Это он потом
других обгонит!
Это после он
свое
возьмет!..

Новый район —
забавный город,
город,
где идет
сплошной ремонт.

Здесь летит куда-то
прорва денег.
Здесь царят
(наверное, не зря!)
газовщик,
стекольщик
и сантехник.
Три красавца.
Три богатыря.

ДОМ ЗА УГЛОМ

Этот дом за углом —
довоенного времени
первенец.
У него под крылом
столько судеб
рождалось и пестовалось!

Здесь
квартирой владел
ученик Немировича-Данченко —
холостяк,
лицедей,
говорливый
и в меру удачливый...
Были окна во двор.
А из окон —
застольное зарево!..
Дом
грустит до сих пор,
вспоминая
лихого хозяина...
Вы
от грусти такой
ни людей,
ни дома
не избавите.

Этот дом городской —
как немое хранилище
памяти.

Он в Историю врос.
Он хранит в глубине,
как приданое,
горечь
высохших слез,
клятвы прежние,
запахи давние.

В доме жил мальчуган.
Жил,
сражаясь с мышами и цыпками.
Всё кинжалы
строгал.
А потом
заболел медициною.
И ушел на чуму —
напрямик,
через мостики шаткие.
Обелиском ему
стали
белые горы Тянь-Шаньские.

Дом стоит за углом,—
небольшое,
обычное здание.
Он
заполнен теплом
всех,
кто в нем поселялся когда-нибудь.

Здесь,
имея права,
все не может наплакаться
девочка,
молодая вдова —
слишком грозных наук —
Академика.

Жил
всего ничего.
Был закрытым
до вздоха последнего.
Даже имя его
лишь недавняя смерть
рассекретила...

За оконным стеклом
собираются
отсветы зябкие...
Этот дом за углом
помнит многое,
видывал всякое.
Память
не подновишь.
Бесполезно
ее ремонтировать.
Дом
над былью
навис
всеми лестницами,
всеми квартирами.
На жильцов
по-особому
окнами смотрит неброскими
этот дом,
облицованный
мемориальными досками.

***

Подступала поэма.
Она изводила меня.
То манила доступностью легкой,
а то не давалась.
Подступала поэма.
Звучать начинала, дразня.
А потом
за границами голоса
вдруг оставалась...
Если я уезжал,
то она меня честно ждала,
терпеливо ждала
на ступенях у самого дома.
Подступала поэма.
Невнятной и точной была.
Сумасшедшей и невозмутимой.
Жестокой и доброй...
А однажды приснилось мне:
я нахожусь на посту.
И ночная дорога,
как пеной,
туманом закрыта.
Вдруг почувствовал я,
как приходит
в мою немоту
ощущение ритма,
звенящая яростность
ритма!

Этим медленным ритмом
я был, будто льдами,
затерт.
Он во мне тяжело нарастал,
колыхаясь и зрея...
— Кто идет? —
закричал я.
— Стой!
Кто идет?

И услышал спокойный ответ:
— Время.

***

Не навреди, эскулап,
истомленному хворью,
не запятнай равнодушьем
стерильный халат.
Совесть твоя
да наполнится
страстью живою!
Да не останется фразою
твой Гиппократ!
Пусть эта клятва продолжится
в дне заоконном,
пусть возле самого сердца
забьется в груди.
Необходимостью станет.
И станет законом:
«Не навреди, человек, человеку.
Не навреди!»
Остановись
и прислушайся к странному грому,
этот большой и забывчивый
век
огляди.
Женщине,
хлебному колосу,
шару Земному —
даже во славу,
даже во имя —
не навреди!
Не навреди, человек,
ни березе,
ни морю,

влажной тропинке
и птице,
летящей во тьму.
Вместе со всею своею
немыслимой
мощью
не навреди ненароком
себе самому...

Не обольщайся
цифирью немедленных выгод,
реки корежить
и горы срывать погоди.
Вместо того,
чтоб, не думая,
что-то воздвигнуть,
лучше остынь и подумай.
Не навреди!..
Я понимаю
размах озорного азарта,
силу твою понимаю,
но, как ни крути,
если ты веришь,
что жизнь
не окончится завтра,
собственным внукам и правнукам
не навреди!
Не навреди и сегодняшним
детям и листьям.
И, оставаясь достойным
пути своего,
не навреди никому —
ни далеким,
ни близким.

Близким — особенно.
Это ведь
проще всего.

ВЕТЕРАНЫ В ШКОЛЕ

Встречает ветеранов музыка.
Всем пенсиям наперекор,
они ведут
«Уроки мужества»
в обычных классах средних школ...

Вновь — танки!
Снова грохот дизельный.
Блиндаж в обугленном леске.
И друг —
еще живой,
единственный! —
лишь капля крови
на виске...

А в классе
время перепутано.
А в классе
тихо и светло.
И смотрит ветеран,
как будто бы
жалеет,
что оно прошло —
то
побежденное отчаянье,
тот
пулеметный перестук.
И сон в снегу.
И грязи чавканье.

И —
никаких тебе простуд!..
Там небо
от разрывов морщилось,
смертельная
кружилась мгла...

Но там была еще и молодость.
Прекрасной
молодость была!

О ХЛЕБЕ

Ему,
шумящему кругом,
стать может
на ветру упругом
и дождь —
то другом,
то врагом,
и солнце,
то врагом,
то другом.
Он — хлеб.
Забота всей страны.
Еженедельно.
Ежечасно.
Пред ним — огромным —
все равны.
Ему — живому —
все подвластно.
За ним — года.
За ним — века.
Он — хлеб.
Бессонница народа.
О нем —
решения ЦК.
О нем —
раздумья хлебороба...

И сон не в сон,
и синь не в синь,
и на подъемах стонут ЗИЛы.

И кажется, что нету
сил!
Но все-таки
приходят силы!..
Зато
просторней жизнь сама
и ярче
свет ее высокий,
когда течет он в закрома —
хлеб выстраданный.
Хлеб весомый!

...Будет под этим задумчивым небом
спелая осень
шагать по земле.
Вечное солнце
горячего хлеба
да воссияет
на каждом столе!

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЧАСТНИК

В суете равнодушных,
на глазах безучастных,
уставая от мыслей,
забот и зевот,
рядом с нами
живет государственный частник.
И —
пора бы признаться —
неплохо живет.
Он в щеках округлился,
он в бедрах раздался.
И как будто
давая уроки судьбе,
он повсюду
(конечно, за счет государства!)
проповедует принцип:
«Ты — мне, я — тебе».
Он — на службе.
Но только,
плюя на законы,
может он,
подчиняясь себе самому,
не достроить завод,
не отправить вагоны,
если это
не выгодно
лично ему!
Он стремится урвать.
Он доходы считает.
Потому,
презирая и меру, и такт,

он за так
разговаривать с вами
не станет,
не подпишет «за так»,
не поможет «за так»!
Он сопит и ловчит,
грезит и маракует,
строит новые планы,
глотая слюну.
Он
своими обязанностями
торгует!
Широко и талантливо
грабит
страну!
В институтах,
на стройках,
в совхозах и трестах,
запасая себе и на нынче,
и впрок,
он блюдет
неприступность своих интересов,
с государства взимая
немалый налог!
О, прочнейшая вязь
отношений особых,
потаенных путей,
где не сыщешь следов!
Круговая порука
невзрачных подсобок,
величавых приемных
и черных ходов!..

Стань, страна,
для хапуг
неродной и недоброй!
Стань железной,
как твой знаменитый Урал!
Поспеши!
Поспеши обязательно,
чтобы
государственный частник
тебя
не сожрал.

ВЕДИТЕ ДНЕВНИКИ

Есть толк
в корявых строчках,
законам вопреки...

Ведите дневники
на самых главных стройках!
Пусть эта блажь в судьбе
вам будет наказаньем.
Но
о самих себе
должны сказать
вы сами!..

В горах и у реки,
в болотах и пустыне
ведите
дневники,
не думая о стиле.
От городов вдали,
равняя
слово
к слову,
ведите,
как вели
дорогу к Самотлору...

Нельзя повременить.
Усталость не кляните.
Ведите
эту нить,
не обрывайте
нити!..

На просеке лесной,
где каждый пень —
как бивень,
сражается с сосной
безусый рыжий Пимен.
Он должен торопиться.
Он плачет от мошки...
Не дрейфьте,
летописцы,—
ведите дневники.
В блокнотике простом.
Без выдумки и позы...

Когда-нибудь потом,
потом,
намного позже
слова, как хлеб,
взойдут
спокойно и бессмертно.
Они
приобретут
всесилье
Документа.
И будет вечной связь...

Перешагнув пороги,—
усталый
и негромкий,
не смолкнет
голос ваш.

БАЙКАЛЬСКАЯ БАЛЛАДА

Их напрасно весь день искали.
Вдалеке
от привычных дорог
катерок посадило на камни.
Уходил на дно
катерок.
Экипаж катерочка —
четверо,
да еще пассажирка одна...
Видно, так судьбою начертано,
что вода
чересчур холодна.
Знали все
(зачем утешаться
и надеяться на чудеса?) —
в этом климате можно держаться
на поверхности
полчаса,
а потом...
Да ну его к черту!
Все равно не спасется никто...
Капитан
взглянул на девчонку:
— Парни,
ей-то это
за что?!
Мы
пожили не так уж мало,
а она
всего ничего...

Но ведь есть на катере
мачта.
Это ж —
лодка на одного!..
И не надо, сестренка, плакать.
Мы немножко
обманем смерть.
А она:
— Не умею плавать.—
Он:
— Тебе и не надо уметь!
Мы привяжем тебя,
спеленаем —
не утонешь во веки веков.
Только ты постарайся, родная,
доплыви за нас,
мужиков.
Может, холод взять не успеет...
В общем,
кончим этот базар!
Передашь наши письма на берег.
Приготовься.
Я все сказал.

...Первый написал коротко:
«Извини за почерк —
холодно.
Извини за кляксы —
мокро.
Так и потонуть
можно.
Если не придет к нам
спасенье,
выйди замуж.
Твой Сеня».

А второй
на лоб сдвинул шапку.
Передал письмо.
Ножкой шаркнул.
А в письме:
«Натаха,
рыдать погоди!

Слезы
неполезны для красавицы...
Мы еще поплаваем!
Все впереди!
Все впереди,
кроме задницы».

Третий
к рубке вздыбленной
плечом привалился,
шевелил губами —
широк, да невезуч.
То ли — матерился,
то ли — молился,
то ли — что-то важное
учил наизусть.
«Бывшая жена моя,
кончай свою дележку —
простыни-подушки,
чашки-сапоги...
Сбереги Алешку!
Алешку.
Алешку.
Сбереги мне
сына.
Алешку сбереги...
Знаю, что меня ты
любила
понарошку.
Но теперь —
хоть мертвому! —
перечить не моги:
сбереги Алешку.
Алешку.
Алешку.
Я тебя прощаю.
Алешку сбереги!»

А четвертый
буркнул нехотя:
— Некому писать!..
Да и — некогда.

...Письма спрятаны в целлофане.
(Лица мокрые,
будто в крови:)
Помолчали.
Поцеловали.
И сказали глухо:
— Живи.—
Подступившие слезы вытерши,
привязали,
сказали:
— Выдержи.—
Оттолкнули,
сказали:
— Выплыви.—
И смотрели вслед,
пока видели...

И плыла она по Байкалу.
И кричала,
сходя с ума!
То ль —
от гибели убегала,
то ли —
к гибели
шла сама.
Паутинка ее дыханья
обрывалась у самого
рта.
И накатывалась,
громыхая,
фиолетовая темнота.
И давили
чужие письма.
И волна как ожог была...
Почтальонша,
самоубийца —
все плыла она,
все плыла.
Все качалась
под ветром
отчаянным,
ослепительным,
низовым...

И была она
Чрезвычайным
Полномочным Послом
к живым!
Долгим эхом,
посмертным жестом,
вдовьим стоном
на много дней.

...А потом
вертолетный прожектор,
чуть качаясь,
повис
над ней.

***

Охота!
Настала охота!..
Раздолье
неравной игры.
Забава.
Мужская работа
еще с допещерной поры.
В душе,
оглушенной азартом,
почти что звериный инстинкт!..
Как лихо
над озером завтра
веселая дробь засвистит!
Какая потеха начнется!
Какая удача придет!..
И лес
от удара качнется.
И лось
на колени падет.
И будут
кровавые перья
беспомощно плыть по реке...
И станет
сплошным нетерпеньем
двустволка
в счастливой руке!..

Эгей, сапоги-скороходы!
Догнать!
обнаружить!
добыть!..
Как все-таки людям охота
однажды
кого-то убить.

***

В. Коротичу

Хочу,
чтоб в пожизненной теореме
доказано было
судьбой и строкою:
я жил в эту пору.
Жил в это время.
В это.
А не в какое другое.
Всходили
знамена его и знаменья.
Пылали
проклятья его и скрижали...
Наверно,
мы все-таки
что-то сумели.
Наверно,
мы все-таки
что-то сказали...
Проходит по ельнику
зыбь ветровая...
А память,
людей оставляя в покое,
рубцуясь
и вроде бы заживая,—
болит к непогоде,
болит к непогоде.

МОДА

Из объятий моды
не уйдешь, не вырвешься.
Мир заштамповался,
он сошел с ума!
Это —
наказание,
это —
вроде вируса:
модные лекарства,
брюки
и дома.
Стали вдруг похожими
центры и окраины,
сумрачные будни,
грохоты торжеств...
Женщина экранная
волосы поправила,—
все земные женщины
повторили жест...

Ты танцуешь бодро
то, что мир танцует,
и покорно носишь
то, что носит он.
Мода отвергает,
мода указует,
шепчет и подсказывает
с четырех сторон.
Обладает мода
силою убойной.
Украшает время.

Ослабляет боль.
Ты по телевизору
смотришь матч футбольный,
и сидит полмира
рядышком с тобой.
И какая разница,
грек ты иль испанец,
финн или малаец,
серб или индус!
Есть еще различия
в отпечатках пальцев,
нет почти различий
в отпечатках душ.
Все твои желания
модой предусмотрены,
превратилась мода
в Книгу Бытия...

Хорошо, что есть еще
женщина немодная.
Милая.
Усталая.
Навсегда моя.

ПОДСЛУШАННЫЙ РАЗГОВОР

— Снова дралась во дворе?

— Ага!
Мама,
но я не плакала.
Вырасту —
выучусь на моряка.
Я уже в ванне
плавала!

— Боже,
не девочка, а беда!
Сил моих больше нету.

— Мама,
а вырасту я когда?

— Вырастешь!
Ешь котлету.

— Мама,
купим живого коня?

— Коня?!
Да что ж это делается?

— Мама,
а в летчики примут меня?

— Примут.
Куда они денутся?!

Ты же из каждого,
сатана,
душу
сумеешь вытрясти!

— Мама,
а правда, что будет
война
и я не успею
вырасти?..

***

Мир
мечется без сна
в смертельных
передрягах.
И вся надежда
на
космических варягов.
Я слушал,
что они
должны предстать пред нами
в сверкании брони
и в ореоле знаний.
В особый час
прийти,
в последний миг
примчаться
и шар земной
спасти
от страшного несчастья.
Все сложности Земли
решить
легко и быстро...

Ах, если бы смогли!
Ах, если бы так было!..
Но лики звезд
мертвы,
там не найдешь спасенья.
Варягов нет —
увы!..

А Землю,
эту Землю
с ее мельканьем дней,
с ее разливом вешним
и всем,
что есть на ней,
то — вечным,
то — невечным,
с березкой на пути,
полями
и лесами,—
обязаны спасти
и защитить
мы сами...

Над вечностью склонясь,
большая и цветная,
Земля
глядит на нас,
любя
и проклиная.
Укор —
в глазах озер
и грусть —
в безбрежной шири.

А если не спасем,
зачем тогда
мы жили?

***

Я писал и пишу
по заказу.
По заказу
дождей и снегов.
И дороги,
бегущей к закату,
и висящих на ней
облаков.
Я пишу по заказу
осенних
черных гнезд
и нахохленных птиц.
И распахнутых настежь
газетных
обжигающих руки
страниц.
По заказу
и часа, и мига.
Боли в сердце.
Дрожанья струны.
По заказу
орущего мира
и смертельной его
тишины.
И нежданно ожившей
строки
на пределе
последнего круга.
И бездонной
щемящей тоски

позвонившего за полночь
друга.
Гула памяти.
Скрипа дверей...
Я писал и пишу
по заказу
горьковатой улыбки твоей,
не разгаданной мною
ни разу...
Лишь бы день
над землею не гас.

Лишь бы колос
под небом качался.
Только б он не кончался —
заказ.
Лишь бы этот заказ
не кончался.

РЕТРО

Достопочтенное ретро,
благо ты
или зло?
Вздохом
какого ветра
к нам тебя
занесло?
Что за изгибы моды?
Время
сошло с ума:
бабушкины комоды
в блочные
лезут
дома!
Вещи
нездешней формы,
люстры,
шкатулки,
бра.
Медные
прателефоны,
чайники —
тоже «пра».
Сотни диковин разных,
полупонятный быт.
Вновь
граммофонный раструб
нам про любовь
хрипит...

Это, конечно,
потеха,
это — игра,
но за ней
слышу я
долгое эхо
неких
спокойных дней.
Несуетливых,
нескорых,
выдержанных,
как вино...

Ищут люди
опору
в том,
что было давно.
Там,
где проблемы мельче
(если бы так всегда!).
Там, где машин —
поменьше,
где подлинней —
года.
Там, где они
не мелькают,
там, где светло
и тепло...
Прошлое
успокаивает
тем,
что оно прошло.
Тем,
что оно смиренно...

За частоколом вех
достопочтенным ретро
станет
и этот век.
Этот —
шальной,
подробный,
загнанный,
будто конь,

атомный,
электронный
или еще какой!

...Кто-нибудь,
между прочим,
скажет о наших годах:
«Все тогда было
проще...
Господи,
нам бы так!..»

***

Укоры
друзей и семьи
забудьте,
в расчет не берите!
И все неудачи свои
вы сразу
на время валите.
Пусть вас не тревожит ничто.
Зарывшись в уютную вату,
кричите,
что время —
не то!
Твердите:
оно виновато!..
Минуты,
недели,
года
пускай отвечают,
покуда
бегут
неизвестно куда.
Летят
непонятно откуда.
И если вам в полдень
темно,
и если на празднике
горько,
валите на время!
Оно
все выдержит,—
вон его сколько!

Пускай отвечает сполна,—
за что? —
это, в общем, не важно.
Хотя бы за то, что
жена
соседская
лучше, чем ваша.
За то, что судьбы
не связать.
За то, что вам
тускло и тошно.
За то, что...
За то, что...

За то, что
вам нечего
людям
сказать.

ПЕСЕННЫЙ КОНКУРС

В. Сухорадо

Это — конкурс,
конкурс,
конкурс,—
умиленье и восторг.
Невелик солист,
а голос
у него —
почти гудок!
Отгудел
и сел на место...
Новый гений рвется в бой!
Он сражается с оркестром,
с публикою,
сам с собой.
Он поет
и бьет в ладошки...
У певицы — свой резон.
Ведь не зря на ней одежка
с декольте
на шесть персон...
Покорители эстрады,
долговязые птенцы,
неизвестные таланты,
незнакомые певцы.

Это — конкурс,
конкурс,
конкурс...

По оркестру
пот течет.
Простодушие и корысть.
Озаренье и расчет.
Суета.
Дыханье зноя.
И заламыванье рук...

И всегдашнее,
сквозное
ожидание:
а вдруг!..

БАЛЛАДА О ТАЛАНТЕ, БОГЕ И ЧЕРТЕ

Все говорят:
«Его талант — от бога!»
А ежели — от черта?
Что тогда?..

Выстраиваясь медленно в эпоху,
ни шатко и ни валко
шли года.
И жил талант.
Больной.
Нелепый.
Хмурый.
Всего Гомера знавший назубок...
Его считал
своею креатурой
тогда еще существовавший
бог.
Бог находил, что слог его прекрасен,
что на земле таких —
наперечет!..

Но с богом был, конечно, не согласен
тогда еще не отмененный
черт.
Таланту черт шептал:
«Опомнись,
бездарь!
Кому теперь стихи твои нужны?!
Ведь ты, как все,
погибнешь в адской бездне.

Расслабься!
Не отягощай вины».
И шел талант в кабак.
И —
расслаблялся.
Он пил всерьез!
Он вдохновенно
пил!
Так пил,
что черт глядел и умилялся:
талант
себя талантливо
губил!..

Бог
тоже не дремал!
В каморке утлой,
где — стол,
перо
и пузырек чернил,
бог возникал
раскаяньем наутро,
загадочными строчками
дразнил...
Вставал талант,
почесываясь сонно.
Утерянную личность
обретал.
И банка
огуречного рассола
была ему нужнее,
чем нектар...
Небритый.
С пересохшими губами.
Упрямо ждал он
часа своего...

И строки
на бумаге
проступали,
как письмена,—
отдельно от него.

И было столько гнева и напора
в самом возникновенье
этих строк!..
Талант, как на медведя,
шел
на бога!
И черта
скручивал
в бараний рог!..
Талант работал.
Зло.
Ожесточенно.
Перо макая
в собственную боль.
Теперь он богом был!
И был он чертом!
А это значит:
был
самим собой.
И восходило солнце
над строкою!..

Крестился черт.
И чертыхался бог.
«Да как же смог он
написать
такое?!»
...А он
еще и не такое
мог.

СТАСИСУ КРАСАУСКАСУ

Этого стихотворенья
ты не прочтешь
никогда...
В город вошли,
зверея,
белые холода.
Сколько зима продлится,
хлынувши через край?
Тихо
в твоей больнице...
— Стаська,
не умирай!..

Пусть в коридоре голом,
слова мне не сказав,
ставший родным
онколог
вновь отведет глаза.
В тонкой броне халата
медленно я войду
в маленькую
палату,
в тягостную
беду...
Сделаю все
как нужно,
слезы
сумею скрыть.

Буду острить натужно,
о пустяках говорить,
врать,
от стыда сгорая!..

Так и не разберу:
может быть, мы
играем
оба
в одну игру?!
Может,
болтая о разном,—
очень еще живой —
ты между тем
прекрасно
знаешь
диагноз свой.
Может, смеешься нарочно
в этот
и в прошлый раз,
голову нам
мороча,
слишком жалея
нас?!

В окнах,
больших и хмурых,
высветится
ответ.
Как на твоих гравюрах —
белый и черный
цвет.
И до безумия просто
канет
в снежный февраль
страшная эта просьба:
— Стаська,
не умирай!..

***

Так вышло.
Луна непонятною краской
обочины выкрасила...
Нас выжгло!
Нас —
будто из поезда полночью —
выбросило.
По пояс —
холодного снега в кювете.
В сугробах — полмира!..
А поезд
проносится мимо...
проносится мимо,
проносится мимо.
Постой!
Но ведь только минута прошла,
как мы ехали в нем и смеялись.
С его теснотой
и нежданною грустью
смирялись.
Глупили!
В чужие печали и беды
бесстрашно влезали.
Мы были
самими собой.
А теперь мы — не сами.
Теперь,
вспоминая себя,
оглушенно и тяжко молчим мы.

Тебе
я кажусь незнакомым,
далеким,
едва различимым...
Пустынная полночь.
Ладони в ожогах метельного дыма.
А поезд
проносится мимо,
проносится мимо,
проносится мимо...
Летит он — снарядом!
И тащит куда-то не наши обиды,
не наши болезни и счастья.
Ты — рядом.
А как достучаться?
А как дотянуться?
А как до тебя докричаться?..

Под снегом великим,
над временем тысячеверстным
безмолвные
крики
висят,
зацепившись за звезды.
Мне их не избавить
от каждого прошлого дня
и от каждого мига...

А память
проносится мимо,
проносится мимо,
проносится мимо...

ВОЕННЫЕ МЕМУАРЫ

Перечитываю мемуары,
наступившее утро кляня...
Адмиралы и генералы
за собою
ведут меня.
И под жесткою их командой
в простирающемся огне
я иду
по такой громадной
и такой протяжной
войне.
От июня —
опять к июню,
От Днепра —
и снова к Днепру
я ползу,
летаю,
воюю,
все, что отдал,
назад беру.
Только где б я ни шел и ни плавал,—
в Заполярье,
в Крыму,
у Двины,—
я всегда нахожусь
на главном —
самом Главном Фронте войны!
Надо мною —
дымные хмары,
я ни в чем судьбу не виню...

Перечитываю мемуары.
Писем жду.
Друзей хороню.
По проселкам мотаюсь в джипе.
В самолете связном горю.
Признаю
чужие ошибки.
И о собственных
говорю.
Контратаки
и контрудары,
артналеты
и встречный бой.
Перечитываю мемуары.
Год за годом.
Судьбу за судьбой.
Марши,
фланговые охваты.
Жизнь,
помноженная на войну.

Если авторы суховаты,
я прощаю им эту вину.
Было больше у них
не писательского,
а солдатского мастерства.

Оттого и Отчизна
жива.
И нужны ли еще
доказательства?

КОЛОКОЛА

В честь всемирной Ассамблеи детей в Софии устансвлен памятник. На белых пилонах висят колокола, привезенные сюда почти из всех столиц мира.

Праздник?
Пожар?
Над землей беспокойной —
звон колокольный,
звон колокольный!
Пробуя силу,
слух закаляя,
осатанев от восторга и гула,
дети
играют колоколами
Токио,
Праги,
Москвы
и Рангуна.
Дети смеются!..
И неустанно
колокол солнца
гудит,
отвечая.

Девочка с бантом
на цыпочки встала,
чтоб дотянуться
до громкого счастья.

Рыжий пацан
бьет по меди азартно,
не разбирая, где Дели,
где Мехико.
Просится в завтра.
Просится в завтра.
Хочет, чтоб дверь отворили
немедленно!
Ах, как колотится и клокочет
сердца мальчишеского
колокольчик!..

Взрослые,
вы — за своими работами —
этой решимости
не обманите.
Не приседайте
перед ребенками,
лучше их —
звонких —
ввысь поднимите!

ПРОЩАНИЕ С МОРЕМ

Что ж,
собираться начнем помаленьку.
В город уедем от непогод...
Надо бы в море
бросить монетку,
чтобы вернуться сюда
через год.
Здесь был спокойно и солнечно прожит
месяц,
где так далеко до зимы.
Здесь были счастливы мы,
а быть может,
нам показалось,
что счастливы мы.
Надо вернуться опять в этот месяц...
В теплое море
падает мелочь.
Круглые капельки серебра.
Капли надежды...
Едем.
Пора!..

...Где-нибудь
в тихой палате больничной
за пять минут до конца своего
вспомню я снова
этот обычай,

слабой рукой
ухвачусь за него.
И, завершая собственный опыт,
на промелькнувшее
оглянусь.
Брошу монетку
в жизненный омут.
Может, вернусь?

***

Алене

Мы совпали с тобой,
совпали
в день,
запомнившийся навсегда,
Как слова
совпадают с губами.
С пересохшим горлом —
вода.
Мы совпали,
как птицы с небом.
Как земля
с долгожданным снегом
совпадает
в начале зимы,
так с тобою
совпали мы.
Мы совпали,
еще не зная
ничего
о зле и добре.

И навечно
совпало с нами
это время в календаре.

***

Этих снежинок
смесь.
Этого снега
прах.
Как запоздалая месть
летнему
буйству
трав.
Этих снежинок
явь,
призрачное
крыло.
Белого небытия
множественное
число...
Этого снега
нрав.
Этого снега
боль:
в небе
себя разъяв,
стать на земле
собой.
Этого снега
срок.
Этого снега
круг.
Странная мгла дорог,
понятая не вдруг.

Выученная
наизусть,
начатая с азов,
этого снега
грусть.
Этого снега
зов.
Медленной чередой
падающие из тьмы
в жаждущую ладонь
прикосновенья
зимы.

***

А. Пахмутовой

Вроде, просто:
найти и расставить слова.
Жаль, что это все реже.
И все больней...
Вновь бумага лежит —
ни жива ни мертва —
будто знает,
что ты прикоснешься к ней.

Но ведь где-то есть он,
в конце концов,
тот —
единственный,
необъяснимый тот —
гениальный порядок
привычных нот,
гениальный порядок
обычных слов!

***

С понедельника —
начну!..
Столько дней я зря потратил!
Хватит!
Есть еще характер.
Признаю свою вину.
Что
разбрасываться всуе?
Попусту
терять года?..
Жизнь свою
организую
сразу.
Раз и навсегда!
По железному порядку.
Без хандры
и глупых драм.
Буду делать физзарядку.
Буду бегать по утрам.
Дочь растить.
Беречь жену.
Суете не поддаваться.
На звонки
не отзываться
с понедельника начну...

С понедельника —
начну!..
(Пусть не с этого —
с другого!)

Деловито и толково
прошлое
перетряхну.
Распрощаюсь
с этим прошлым,
за него
с себя спрошу.
Все случайное —
отброшу,
начатое —
завершу!
Стану злым,
неутомимым,
четким —
летом и зимой...
(Этот понедельник —
мимо.
Ладно!
Следующий —
мой!..)
Буду
часом дорожить,
забывая про усталость.

...Ну, а сколько мне осталось
понедельников
прожить?

ОЖИДАНИЕ
(Монолог женщины)

М. Т.

Вот ведь как!
Явилась первой.
Надо было опоздать.
Где-нибудь в сторонке встать...
Что поделать,—
сдали нервы...
Шла —
как будто на экзамен,
с пятницы считала дни...
как же:
«Встреча под часами»!
Под часами.
Вот они.
А его на месте нет...
(Как некстати нервы сдали!)
Ну еще бы! —
На свиданье
не была я
столько лет!
Даже страшно подсчитать...
Что ж я:
рада иль не рада?
Там увидим...
Только надо,
надо было опоздать!..
Дура!
Сделала прическу,

влезла в новое пальто,
торопилась,
как девчонка.
Прибежала...
Дальше что?

Современная женщина,
современная женщина!
Суетою замотана,
но, как прежде,— божественна.
Пусть немного усталая,
но, как прежде,— прекрасная.
До конца непонятная,
только сердцу подвластная.
Современная женщина,
современная женщина,—
то грустна и задумчива,
то светла и торжественна.
Доказать ее слабости,
побороть ее в дерзости
зря мужчины стараются,
понапрасну надеются!
Хоть не хвастает силою,
но на ней — тем не менее —
и заботы служебные,
и заботы семейные.
Все на свете познавшая,
все невзгоды прошедшая,—
остается загадкою
современная женщина!

Ромео моего
пока что
не заметно...
Что ж,
подождем его.
Я очень
современна!..
Порой берет тоска:
ведь нужно быть, к примеру,
кокетливой
(слегка!)
и неприступной
(в меру!).

Все
успеваешь ты:
казаться беззаботной
и покупать
цветы
себе,
идя с работы.
Самой себе
стирать,
себе готовить ужин,
квартиру убирать
с усердием ненужным.
Подруге позвонить
замужней и счастливой,—
и очень мудрой
слыть,
быть
очень терпеливой.
Выслушивать слова
и повторять, не споря:
«Конечно,
ты права!
Мужья —
сплошное горе».
И трубку положить
спокойно и устало.
И, зубы стиснув,
жить
во что бы то ни стало!
И маяться одной,
забытой,
как растенье.
И ждать
очередной —
проклятый! —
день рожденья...
И в зеркало смотреть.
И все морщины
видеть.
И вновь себя
жалеть.
А чаще —
ненавидеть!..

Нести
свою печаль.
Играть с судьбою
в прятки.
И плакать
по ночам.
А утром
быть в порядке.
Являться в институт
и злиться без причины...
Ну,
вот они идут
по улице —
мужчины!
Красавцы на подбор
с достоинством
спесивым.
Самодовольный пол,
считающийся
сильным.
Как равнодушны
вы!
И как же вы
противны,
изнеженные
львы!
Потасканные
тигры!
Глядящие
людьми,
стареющие телом...
Да где он,
черт возьми?!
И в самом деле,
где он?..

«Скорая помощь» —
по городу, словно по по́лю
голос вселенской беды,
будто флаг, вознеся.
(Господи,
может быть, что-то случилось
с тобою?!)

Улица вся обернулась.
И замерла вся.
Воплем тугим
переполнены сердце и память.
Он оглушает:
Успеть бы!
Успеть бы!
Успеть!..
Вновь с телефонного диска
срывается палец.
«Скорая помощь»
пронзает застывший проспект...
Мир озирается.
Просит любовь о спасенье.
И —
до сих пор неподвластны толпе докторов,—
рушатся
самые прочные дружбы
и семьи.
А у певицы —
горлом не песня,
а кровь!
Голос несчастья над городом мечется снова...
Странно, что в эти минуты,
всему вопреки,
веришь
в извечную помощь
тихого слова.
В скорую помощь
протянутой доброй руки.

Ну, приди же,
любимый!
Приди!
Одинокой мне быть
запрети.
Приходи, прошу,
приходи.
За собой меня
поведи...
Стрелки глупые торопя,
не придумывая ничего,

я уже простила
тебя —
повелителя своего.
Все обычно
в моей мечте.
Я желаю —
совсем не вдруг —
быть распятою
на кресте
осторожных и сильных
рук.
Чтобы стало нам горячо,
а потом —
еще горячей!..
И уткнуться
в твое плечо.
И проснуться —
на этом плече.

Вот видишь,
тебя и любимым
назвать я успела!
Не надо бы —
сразу...
Ведь лучше —
когда постепенно.
Ведь лучше — потом,
лучше — после...
Любимый, послушай,
ведь лучше...
Но где я найду
это самое
«лучше»?!
О, если бы знал ты, любимый,
как страшно и дико
давать о себе объявленье в газету:
«Блондинка,
вполне симпатичная,
добрая,
среднего роста...
Ее интересы:
домашний уют и природа.
Имеет профессию.
Ищет надежного друга...»

О, если бы знал ты,
как все это пошло!
И — трудно...
Порой, в темноте,
рассуждаю я очень спокойно:
пройдет одиночество это,
наступит — другое.

Настанет пора,
и закружатся
листья из меди.
В окошко мое постучит
одиночество
смерти.
Нет, я не пугаюсь.
Я знаю,
что время жестоко.
Я все понимаю.
И все принимаю.
Но только
тому одиночеству
я не желаю
сдаваться!

Хочу быть
любимой!
Живою хочу
оставаться.
Смеюсь над другими
и радуюсь дням и рассветам.
И — делаю глупости!
И — не жалею об этом.
Дышу и надеюсь...
О, господи,
как это больно!..
Ты видишь, любимый:
я вот она —
вся пред тобою.
Слова мне скажи!..
Ну, пожалуйста.
Нет больше мочи!..
Чтоб — только не молча,
не молча.
Чтоб только —
не молча!..

Слова говори мне,
слова говори мне —
любые!
Какие захочешь,
чтоб только — не молча,
любимый!
Слова говори мне.
Без этого радость —
не в радость...
Скажи,
что со мной хорошо.
И что я тебе нравлюсь.
Скажи,
что ты любишь меня.
Притворись на мгновенье!..
Соври,
что меня не забудешь.
Соври,
я поверю.

А может, просто
плюнуть и уйти?
И пусть
его
терзают угрызенья!..
(Ну-ну,
шути, родимая, шути!
Нашла ты славный повод
для веселья.)
Останусь,
чтобы волю испытать!..
Еще немного подождем.
Помедлим...
Ведь женщины
давно привыкли ждать.
Чего-чего,
а это мы умеем...

Птицы спрятаться
догадаются
и от снега укроются...
Одинокими
не рождаются.

Ими после
становятся.
Ветры зимние
вдаль уносятся
и назад возвращаются.
Почему,
зачем,
одиночество,
ты со мной
не прощаешься?
Пусть мне холодно
и невесело,—
все стерплю,
что положено...
Одиночество —
ты профессия
до безумия сложная!
Ночь пустынная.
Слезы затемно.
Тишина безответная...
Одиночество —
наказание.
А за что —
я не ведаю...
Ночь окончится.
Боль останется.
День
с начала закрутится...
Одинокими
не рождаются.
Одиночеству
учатся.

Ну, приди же,
любимый!
Приди!
Одинокой мне быть
запрети!
За собой меня
поведи.
Приходи, прошу,
приходи!
Задохнувшись,
к себе прижми

и на счастье,
и на беду...
Если хочешь,
замуж возьми.
А не хочешь —
и так пойду.
Слово-то какое:
«замуж»—
сладкий дым...
Лишь бы он пришел,
а там уж
поглядим.
Пусть не густо
в смысле денег
у него,—
приголубим,
приоденем,—
ничего!
Лишь бы дом мой,
дом постылый,
не был пуст.
Пусть придет —
большой и сильный,—
курит пусть!
Спорит,
ежели охота.
Пусть храпит!..
Так спокойно,
если кто-то
рядом
спит...
Хорошо бы
пил не очень.
И любил,
хоть немножечко!..
А, впрочем,
лишь бы
был...
Без него сейчас мне точно
нет житья!..
Да зачем я так?!
Да что же,
что же
я?!

Черт с тобой!
Не приходи!
Вспоминать —
и то противно...
Сгинь!
Исчезни!
Пропади!

Я-то
нюни распустила...
Не желаю подбирать
со стола
чужие крохи.
Если вновь захочешь врать,
ври
уже другой дурехе!..
Ишь,
нашелся эталон!
Я в гробу таких
видала!
Тоже мне
Ален Делон
поселкового масштаба.
Бабник!
Только и всего.
Трус!
Теперь я точно знаю...
Он решил,
что на него
я
свободу
променяю?!
Думал:
баба влюблена!..

Что?
Не вышло?
Ешьте сами!
Вашей милости цена —
три копейки
на базаре.
Я везде таких
найду!

Десять штук
на каждый вечер...

Не звони —
не подойду!
Не отвечу,
не отвечу!

Как без тебя?
Как?..
Был ты
синицей в руках.
Что без тебя
я?
Словно земля
ничья.
Стонет моя
боль,
Я бы пошла
за тобой!

Шла бы,
закрыв глаза,
тихая,
как слеза...
Мне без тебя
как?

Птицей стать
в облаках?
Реять
в ночной темноте?
Крылья уже
не те...
Злую печаль
лью,
Злюсь на судьбу
свою.
Вижу
ее свет...
Есть ты там
или нет?
Мечется
мой
крик!
Он от других
скрыт.

Боль
отдается в висках:
Как без тебя?
Как?

Стану
верной женою.
Не пройди стороною,—
буду
верной женою.
Над судьбой
и над домом
стану
солнышком добрым,
над судьбой
и над домом.
Хочешь —
буду сестрою.
От несчастий прикрою,
хочешь —
буду сестрою.
Скажешь —
буду рабыней.
Если только любимой,
то могу —
и рабыней.

Кто может чуду приказать:
«Свершись!» —
от собственного крика
холодея?..
Мне кажется:
я жду
уже всю жизнь.
Мне кажется:
я жду
почти с рожденья.
Я буду ждать
до самого конца!
Я буду ждать
за смертью
и за далью!

Во мне стучат
сестер моих
сердца.
Сестер по жизни
и по ожиданью.

В этот час
миллионы моих незнакомых сестер,
ничего не сказав,
никому и ни в чем не покаясь,
ожидают мгновенья
взойти
на высокий костер,
на костер настоящей любви,
и — сгореть,
улыбаясь.
В этот час мои сестры
на гребне такой высоты,
простирая в бессмертье
зовущие
нежные руки,
ждут любимых своих
под часами
всесильной мечты.
Под часами судьбы.
Под часами
надежды и муки...
В этом взрывчатом мире
забытой уже
тишины,
где над всеми
бессонное время
летит безучастно,
не придется вам пусть никогда
ждать любимых
с войны!
Не придется вам пусть никогда
ждать любимых
напрасно!
Рядом с бронзой царей,
разжиревших
на лжи и крови,
рядом с бронзой героев,
рискнувших собой в одночасье,

должен выситься памятник
Женщине,
ждущей любви!
Светлый памятник Женщине,
ждущей
обычного счастья...
Вновь приходит зима
в круговерти метелей и стуж.
Вновь для звезд и снежинок
распахнуто небо ночное...
Все равно я дождусь!
Обязательно
счастья дождусь!
И хочу, чтобы вы
в это верили
вместе со мною.

...Ну, приди же,
любимый!
Приди!

1981

Из сборника
ДРУЗЬЯМ
1982—1985

ДРУЗЬЯМ

Олжас,
Мумин,
Виталий!..
В снегах,
в дождях,
в пыли
полуденные дали
меж нами пролегли.
До вас добраться трудно,
но это
не беда:
плечо
поэта-друга
я чувствую
всегда.
Коснешься —
сразу легче,
всем верстам вопреки.
Наверно,
наши плечи
и вправду широки.

Давайте соберемся
все вместе
как-нибудь.
Поспорим.
Посмеемся.
И выпьем
по чуть-чуть,
по той
врачебной дозе...

Как бог, неутомим,
пусть
торжествует в тосте
изысканный Мумин.
Пусть
льется неумолчно
за языком Руси
пронзительная мова,
орлиное фарси,
клокочущий казахский...

С рождения и впредь
нам быть,
а не казаться.
Сгореть,
а не истлеть.
И пусть
до злого срока,
что вычислить нельзя,
всех нас
ведет дорога,
которая —
стезя,
которая —
протяжна.
Здесь каждый новый день
несет с собою
тяжесть
открытий
и потерь.
Дорога в лихолетье,
в смертельные
бои...
Вы только не болейте,
товарищи мои!
Я вижу вас за далью
воочью
и во сне.

Стихи друзей читаю.
Как будто письма...
Мне.

ДОЧКА ПИШЕТ СОЧИНЕНЬЕ

Чтоб спряженья и склоненья
лучше закрепить,
дочка
пишет сочиненье:
«Кем хочу я быть?»
Кем? —
не знаю я,
но только
верю всей душой:
скоро, скоро
будет дочка
взрослой
и большой.
То спокойной,
то азартной,
хрупкой, как слюда...
Для кого-то
самой-самой
станет навсегда.
Будет ей
от этой мысли
звонко и светло.
Обнаружит вдруг,
что в мире
есть добро
и зло.
Станет обращаться к людям
за советом
дочь.

(Жаль,
меня уже не будет.
Не смогу
помочь.)
Даже если не захочет,
станет все равно
грустной
и усталой очень —
так уж суждено.
Будет
то надменно гордой,
то совсем земной.
С каждым днем
и с каждым годом
той же
и — иной.
Жизнь узнает,
птиц услышит.
Будет мир
любить...

Дочка
сочиненье пишет:
«Кем хочу я быть?»
Сочиненье пишет дочка,
щурится слегка...
Ты беги,
беги по строчкам,
тонкая рука!
Солнце
заползло на стену...

Ты пишись,
пишись,
сочинение на тему
под названьем:
Жизнь.

***

Когда война кончилась,
черный снег
таял на черных полях,
набухали на вязах почки,
а кюветы были водою полны.
Но по-прежнему умирали солдаты
в армейских госпиталях.
От войны умирали.
Хоть и не было больше войны...
Умирали солдаты.
А в окна весенняя морось летела.
И скворцы, приосанясь,
подругам в любви клялись.

Умирали мальчишки,
завершив свое самое первое, самое главное дело:
добыв Победу!
Словно только для этого
и родились.

ЖЕНЩИНА ИЗ ДЕВЯТОГО МАЯ

В небе
сталкивались марши
гулко и торжественно...
«Наши победили!
Наши-и!..»
Как кричала
женщина!
Будто бы одна на льдине,
а не в добром городе!
«Победили!
Победили!
Победили,
господи!..»
Здесь,
на празднике великом,
в этот день особенный,
плача,
исходила криком,
словно кровью
собственной.
В крике над землей летела —
маленькая,
сгорбленная...

Горе
выкричать хотела,
за войну
накопленное.

ВОСПОМИНАНИЕ ОБ ИЮНЕ 45 ГОДА

Жаркий день.
Трамвайные звонки.
По Москве
сержант шагает браво.
Все на нем сияет:
орден Славы,
пряжка на ремне
и сапоги.
Он идет к Садовому по Бронной,
сдерживая торжество
с трудом.
Неубитый,
радостный,
здоровый —
он шагает!..

И при всем при том
так глядит
на девушек столичных
сквозь свою
двадцатую весну,
будто он вчера —
единолично! —
взял Берлин
и выиграл
войну.

БАЛЛАДА О МОЛЧАНИИ

Был ноябрь
по-январски угрюм и зловещ.
Над горами метель завывала.
Егерей
из дивизии «Эдельвейс»
наши
сдвинули с перевала.

Командир поредевшую роту собрал
и сказал тяжело и спокойно:
— Час назад
меня вызвал к себе генерал.
Вот, товарищи,
дело какое.
Там — фашисты.
Позиция немцев ясна.
Укрепились надежно и мощно.
С трех сторон — пулеметы,
с четвертой — стена.
Влезть на стену
почти невозможно...
Остается надежда
на это «почти».
Мы должны,—
понимаете, братцы? —
нынче ночью
на чертову гору
вползти.
На зубах —
но до верха добраться!

А солдаты глядели на дальний карниз,
и один,—
словно так, между прочим,—
вдруг спросил:
— Командир,
может, вы — альпинист? —
Тот плечами пожал:
— Да не очень...
Я родился и вырос в Рязани,
а там
горы встанут,
наверно, не скоро...
В детстве
лазал я лишь по соседским садам.
Вот и вся
«альпинистская школа».
А еще,—
он сказал, как поставил печать,—
там у них —
патрули!
Это значит:
если кто-то сорвется,
он должен молчать.
До конца.
И никак не иначе!

...Как восходящие капли дождя,
как молчаливый вызов,
лезли,
наитием находя
трещинку,
выемку,
выступ.
Лезли,
почти сроднясь со стеной,—
камень
светлел под пальцами.
Пар
поднимался над каждой спиной
и становился
панцирем.
Молча
тянули наверх свои
каски,

гранаты,
судьбы.
Только дыхание слышалось
и
стон
сквозь сжатые зубы.

Дышат друзья.
Терпят друзья.
В гору
ползет молчание.
Охнуть — нельзя.
Крикнуть нельзя.
Даже —
слова прощания.
Даже —
когда в озноб темноты,
в черную прорву
ночи,
все понимая,
рушишься ты,
напрочь
срывая
ногти!
Душу твою ослепит на миг
жалость,
что прожил мало.
Крик твой истошный,
неслышный крик
мама услышит.
Мама...

Лезли
те,
кому повезло.
Мышцы
в комок сводило,—
лезли!
(Такого
быть не могло!
Быть не могло.
Но — было.)
Лезли,
забыв навсегда слова,

глаза напрягая
до рези...
Сколько прошло!
Час или два?
Жизнь или две? —
Лезли!..
Будто на самую
крышу войны.

И вот,
почти как виденье,
из пропасти
на краю стены
молча
выросли
тени.
И так же молча —
сквозь круговерть
и колыханье мрака —
шагнули.
Была
безмолвной, как смерть,
страшная их атака!..
Через минуту
растаял чад
и грохот
короткого боя.

Давайте и мы
иногда
молчать,
об их молчании
помня.

СЧЕТ

Сначала
ровно тысячу дней,
потом еще четыреста дней,
а после еще восемнадцать дней
(так подсчитано) —
шла война.
Невозможно было привыкнуть к ней,
невозможно было не думать о ней.
Благословляла,
крестила,
казнила
и миловала она.

И тот,
чья юность осталась в ней,
кто сегодня не может забыть о ней,
говорит о ней
и молчит о ней
в окружении внуков,
лекарств
и седин,
мечтает прожить еще тысячу дней,
потом еще четыреста дней,
потом еще восемнадцать дней.
А после —
хотя бы еще один.

***

Дочери,
дети среди оглушенной Земли...
Я не о том,
что внезапно они подросли.
Вот они — рядышком с нами.
Смеются легко.
Вот они —
близко.
И все ж таки так далеко!
Настежь распахнуты
и откровенно добры.
Непознаваемы,
словно другие миры.
От разговоров иль книги
на миг отстранясь,
смотрят пустынно,
как будто им страшно за нас!
Будто они уже
вечность услышать смогли.

Дочери,
дети среди оглушенной Земли.

МНОГО НАС

Много нас — людей — на белом свете.
Маются
серьезные умы:
в этой жизни,
в этой круговерти
сумасшедше
расплодились мы!
Бьют демографические взрывы,
сохнут реки,
и чернеет наст.
Города вспухают,
как нарывы.
Очень много,
слишком много нас!
Много нас.
(Ученый бомбу хвалит.)
Много нас.
(Эсминец рвет волну.)
Много!..

Только все-таки
не хватит
нас —
людей —
на новую войну.

В МУЗЕЕ ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ

До теперешней
нашей Земли,
до ее дождей
и метелей
бронтозавры
не доползли,
птеродактили
не долетели.
Это —
личная их беда,
за нее
никто не в ответе.
Заблудились.
Пошли не туда.
Смерть нашли
в тупиковой ветви.

Древо жизни
листвой шелестит,
ветвь — направо
и ветвь — налево.
«Человек разумный»
сидит
на вершине
этого древа.
Он — мыслитель.
Он хмурит лоб.
Человека
идея гложет:

хочет что-то придумать,
чтоб
самого себя
уничтожить.
Он подпер подбородок рукой —
вождь прогресса,
краса и гордость...
Он — придумает!
Он — такой!
Вы, пожалуйста,
не беспокойтесь!

А над ним
проносится век.
Повороты.
Круговороты...
Да неужто
и человек —
тупиковая ветвь
природы?!

КУЛЬТУРНЫЙ СЛОЙ

> Культурный слой (археологич.) — слой, образующийся из органических и строительных останков на месте всех человеческих поселений... Толщина культурного слоя колеблется от нескольких сантиметров до 20 м. и более.
>
> *Из энциклопедии*

А каким он будет —
«культурный слой»,
какой наполненности и толщины
после этой —
грозящей людям —
войны,
самой последней
и самой злой?..
Ну, и что же они
расскажут потом,—
а главное:
кому?
и когда? —
эти
спекшиеся стекло и бетон,
ставшие кладбищами
города?
На каком языке
прозвучат слова?
Кто их сможет услышать
и перевести?
Кто откликнется,
если

даже трава
на убитой земле
перестанет расти?..
О какой культуре простонут,—
скажи! —
о каком величье,
каком вчера
эти камни
собора Святого Петра,
эти —
в пыль превратившиеся —
Кижи?..

Неужели придет он —
бессмысленный день?
Неужели станет планетой Землей
этот
горестный
антикультурный слой?
После стольких веков.
И таких
людей!

НО...

«Никогда богов не зли!
Не стремись
за край земли.
Охлади слепую прыть
и пойми,
что все равно
это море переплыть
человеку
не дано!»
Но...

«В небо не гляди зазря!
Небо — птицам,
нам — земля.
Даже не моги мечтать,—
глупо это
и смешно!
Помни:
в небесах летать
человеку
не дано!»
Но...

Предрекают:
«Верь — не верь,
человек по сути —
зверь!
Дни живого сочтены.
Что ни делай,
все равно
мир
избавить от войны
человеку
не дано!»
Но...

ВЕЧЕР У ТЕЛЕВИЗОРА В НЬЮ-ЙОРКЕ

Что ж,
начнем испытание выдержки...
Убеждаешься каждый раз:
если диктор
глядит ненавидяще,
значит, он вещает
про нас.
Глохнешь
от оголтелого ража,—
все безумное
разрешено.
Ненавидят нас так,
что страшно.
Ненавидят так,
что смешно.
Ошалев,
как белуга на нересте,
за волной вздымая волну,
убивают себя
этой ненавистью!
Топят,
губят
свою страну!
И уже
ничего не странно.
И не слышен
голос живой.
Пятна ненависти —
на экранах.

Пятна крови —
на мостовой.
Кровь горит,
по газетам размазанная,—
даже чувствуешь в пальцах
жжение!..

Средства
массовой информации.
Средства
массового уничтожения.

КЛАДБИЩЕ ПОД ПАРИЖЕМ

Малая церковка.
Свечи оплывшие.
Камень дождями изрыт добела.
Здесь похоронены бывшие,
бывшие.
Кладбище
Сан-Женевьев-де-буа.
Здесь похоронены
сны и молитвы.
Слезы и доблесть.
«Прощай!» и «ура!».
Штабс-капитаны
и гардемарины.
Хваты-полковники
и юнкера.
Белая гвардия.
Белая стая.
Белое воинство.
Белая кость...
Влажные плиты
травой зарастают.
Русские буквы.
Французский погост...
Я прикасаюсь ладонью
к истории.
Я прохожу
по гражданской войне...
Как же хотелось им
в Первопрестольную

въехать
однажды
на белом коне!..
Не было славы.
Не стало и Родины.
Сердца не стало.
А память
была...
Ваши Сиятельства,
Их Благородия,—
вместе —
на Сан-Женевьев-де-буа.
Плотно лежат они,
вдоволь познавши
муки свои
и дороги свои.
Все-таки — русские.
Вроде бы — наши.
Только
не наши скорей,
а — ничьи...
Как они после —
забытые,
бывшие,—
все проклиная и нынче, и впредь,
рвались взглянуть на нее —
победившую,
пусть —
непонятную,
пусть —
непростившую,
землю родимую!
И —
умереть...

Полдень.
Березовый отсвет покоя.
В небе —
российские купола.
И облака,
будто белые кони,
мчатся
над Сан-Женевьев-де-буа.

ЛЕТОПИСЬ

1

Строк медлительные нити.
Строго.
Будто на граните.
Сухо.
Коротко.
Жестоко.
Факты.
Поиски истока.
Скрытое за расстояньем
дело,
ставшее деяньем.
Протокольно.
Первозданно...
Вдруг,
негаданно-нежданно
вслед за обращеньем к богу —
вздох
на целую эпоху!
А за этим вздохом—
эхо
поворота,
взгляда,
смеха.
Луг
со скошенной травою.
Облако над головою...
Словно
из другого века
дотянувшаяся ветка.

2

Ой, пришла беда
в Землю отчую!
Похваляясь,
шли враги на Русь.
И таким большим
было их число,
что его пока
не придумали.
Были реки от крови
красным-красны,
было небо от дыма
черным-черно,
громче грома был
храп чужих коней,
блеск чужих мечей —
ярче молнии.
От беды такой
стены трескались.
От беды такой
гнулись звонницы.
И колокола
наземь рушились,
будто головы
с богатырских плеч.
Шли дожди в тот год
из каленых стрел.
Из горючих слез
все ручьи текли.
Не рождались в тот год
птицы певчие,
а рождались
одни только во́роны...
Поднялась Земля
супротив беды,
супротив врага-погубителя.
Вперекор врагу
поднялся народ,
грянул смертный бой
нескончаемый!
Даже мертвые
оживали вновь,

выходили они
из сырых могил,
чтоб живым помочь
в битве яростной,
чтобы вновь принять
смерть за Родину!
А кто слабым был —
сильным стал тогда.
А кто сильным был —
стал еще сильней.
И кричали враги пораженные:
«Может, русские
заколдованы?!
Их сожжешь огнем,—
а они живут!
Их пронзишь стрелой,—
а они живут!
Их убьешь сто раз,—
а они живут!
А они живут
и сражаются!..»

Были реки от крови
красным-красны.
Было небо от дыма
черным-черно...
И была Земля,
неподвластная
никакому врагу
на века веков!

НАРОД

В. Г. Костомарову

Если выпало
терпеть,
превозможет
всё и вся.
Начинает
песню петь,
не откликнуться
нельзя!
Глазом солнечным
сверкнет,
обоймет
огнем рябин.
Если
душу распахнет,
вздрогнешь
от ее глубин.
Занят
собственной судьбой,
отчие
хранит края.
Но ему
чужая боль
ранит сердце,
как своя.
От угроз
не задрожит.
Без причины,
сгоряча

он
не обнажит
меча.
(Бойся,
если обнажит!)
Будто правда,
прям и прост.
Неогляден,
как века.
Если встанет
в полный рост,
то —
по пояс облака!
Без ухмылки
входит в круг
сопредельных государств.
Если ты и вправду
друг,
за тебя он
жизнь
отдаст!..
Дело знает.
Мир творит.
Золотую
ткет строку.

А если
слово говорит,
то это —
«Слово о полку».

НОРИЛЬСКУ

Взгляни, как медленно,
как надменно,
степенство северное храня,
идет
торжественная замена
пространства ночи
пространством дня.
И наступает
пространство света!
Оно приходит,
чтобы смогли
в свое родное
скупое лето
вернуться птицы
с Большой Земли...
Спасибо, город,
за то, что в жизни
меня с тобою
судьба свела!..
Огромность дела,
безбрежность шири,
надежность
нежности и тепла.
Пространство ветра,
пространство снега,
слиянье
силы и высоты.
Здесь мерзлота
просквозила недра.

Здесь только в людях
нет мерзлоты...
Я этот город
узнал и понял.
Я ненадолго
прощаюсь с ним...

Пространство сердца
он мне заполнил.
Пространство памяти
заполонил.

ОТВЕЧАТЬ!

Горе-обувь
бригада тачает,
гонит фабрика
горе-пальто.
Кто
за это всё отвечает?
Вроде — многие.
В общем —никто...
Вот —
зазря котлован отрыли,
вот —
не там завод возвели.
Гибнут в бездне,
ломая крылья,
государственные рубли!..

Я стихи эти
начал невесело.
Но —
приспело,
как ни крути.
Почему-то
среди ответственных
отвечающих
не найти.
Ситуация ошарашивает.
И уже
невозможно молчать!
Надо нам научиться
спрашивать.

А тем более —
отвечать!
Научиться —
и нощно, и денно,
будто в самом последнем бою,—
отвечать
за конкретное дело,
отвечать
за работу свою!
Отвечать,
на любое мгновенье
ставя
собственную печать,
за порученное,
доверенное
и обещанное
отвечать!
Отвечать,
всерьез поднатужась
(знаю:
это не всем с руки!),—
за свою персональную
дурость,
за привычку
втирать очки!
Отвечать
по закону и правде,
пред которыми
все равны,
ради нашей Державы,
ради
краснозвездной
моей страны!
В ней —
надежда
и совесть,
и честь
без напыщенной шелухи.

Я кончаю.
И ставлю подпись,
отвечая
за эти стихи.

***

В чем виноваты горожане?
В чем?
В прегрешении каком?
Неужто
их не так рожали?
Не тем
поили молоком?..

В дыму журнальных словопрений,—
я слышал,—
кем-то решено,
что лишь
живущему в деревне
суть жизни
ощутить дано...
А горожане,
горожане —
от этих домыслов вдали —
вновь
собирают урожаи
с асфальтовой
скупой земли.
Сегодня,
завтра,
послезавтра —
у горожан идет всегда
их нескончаемая
жатва,
их ежедневная
страда.
Вдыхая прокаленный воздух,
усталостью озарены,

идут
владетели заводов,
те,
без которых нет страны.
От времени
не отставая,
шагают к проходной с утра
станочники
и сталевары —
потомственные мастера.
Несут
свое предназначенье,
не хвастая,
не горячась.
Готовые
и в ополченье
шагнуть,
когда настанет час!..

«Чей урожай главней для жизни?»
Вопрос — бездарен,
спор — нелеп.
В родном Отечестве
большими
должны быть
и металл,
и хлеб!
Всех нас
одна Земля вскормила
для встреч,
свершений
и разлук.
Мы все
плечо подставим миру,
когда он
пошатнется вдруг.
Неразделимы
наши корни.

Гляди:
грозя и веселя,
торчит над степью
колокольня
космического корабля.

МОНОЛОГ ШОФЕРА

Еще нам до ночлега —
будь здоров!
Стекло в дождинках,
словно в каплях пота...
Один чудак
сказал про шоферов:
«Им — что?!
У них
сидячая работа!»
Да, ладно.
Ну, подумаешь — сказал!
Есть люди —
обо всем по слухам судят.
Но я бы в рейс его
с собою взял.
В обычный рейс.
Хотя б
на десять суток...
И пусть он —
балаболка и профан —
почувствует нутром дыханье зноя.
И заболят глаза
от встречных фар.
И екнет сердце.
И спина заноет.
Пусть побуксует,
ежели не трус,
в осенней глине,
чавкающей жирно...

Тогда ему покажется,
что груз
он тащит лично.
Сам!
А не машина...
Пусть он в горах
почует гололед,
когда дорога
вверх ползет упрямо.
Прочтет табличку
(там, где поворот):
«Володя Чумаков.
Поехал прямо».
А рядом — год,
и месяц,
и число.
И тишина.
И ночь в накрапах звездных...
Собрату моему
не повезло.
Он за рулем уснул.
Проснулся — поздно...
Я еду
и смотрю свое кино —
бегущую навстречу мне
дорогу.
И что б там ни случалось,
все равно
в конечный пункт
мы прибываем к сроку.
Чуть отдохнешь,
и снова в путь пора.
Мы водим большегрузы
не для спорта.

А в остальном
все — так,
мы — шофера.
Нам — что!
У нас
сидячая работа.

ПЕРЕД ГРОЗОЙ

В природе этой действо так рождалось:
сначала
небо
в стороны раздалось.
Оно раздвинулось
неотвратимо
и место для грозы
освободило.
Померкло солнце.
Птицы не взлетали.
Захлопали калитки,
двери,
ставни.
Все было зыбким.
Все тревожным было.

А туча
на глазах
себя лепила
из ничего!
Из призрачного света.
Из узловатого
слепого ветра.
Из сумеречной тени над болотцем,
из темноты,
укрывшейся в колодце,
из мглы,
из пыли черной и летучей —
все в дело шло!
Все
становилось тучей,

которая
торжественно жирела,
клубилась,
разбухала,
тяжелела.
Бурчала что-то,
душу распаляя...
Повисла
над домами и полями.
Уперлась в землю.
Горизонт
прогнула...

И первой молнией
весь мир
перечеркнула!

***

Т. Салахову

То белым по синему —
чайкой по небу,
то синим по белому —
тенью по снегу,
на горных отрогах,
на кочках болота
профессионально
рисует природа.
У осени —
ясной и рано пришедшей —
берет она
обыкновенные листья
и так их раскрашивает
сумасшедше,
что стонут от зависти
колористы!..
Рисует природа.
Она не устала.
На кручах
земного
летящего шара
ей нравится
соединять беспрестанно
манеры и стили,
сюжеты и жанры.
То вдруг распахнет
горизонты громадно,

а то
все масштабы
переиначит
и кисточкой,
сотканной из тумана,
тропинку вдоль речки
едва обозначит...
Природа рисует
легко и упруго.
Ей хочется жить!
Ей менять
интересно
увядшую живопись
летнего луга
на четкую графику
зимнего леса.

ДОЖДЬ

Дождь
закапал неохотно,
словно
не желал идти.
Будто вспоминал,
как ходят
настоящие дожди.
И дорога,
что с опушки
неторопко в лес ползла,
вся —
в немыслимых веснушках
капель дождевых
была.
Дождь
качнулся, вырастая.
И — немного погодя —
все на свете
сразу стало
частью
этого дождя.
Был он щедрым,
был он крупным,
лился,
падал свысока,
в землю уходя
по трубам
светлого березняка.

Был
доволен сам собою,
сам собою
поражен!

А потом
увидел поле
и —
пошел в него,
пошел!..
Кончился,
как огорошил.
Убежал —
и не найдешь...

Майский,
молодой,
хороший,
пахнущий арбузом
дождь.

СТАРАЯ ЗАПИСНАЯ КНИЖКА

Где же она пропадала?
(Поиски — труд напрасный!)
Вновь я ее листаю,
с прошлым —
глаза в глаза...
В этой потертой книжке,
будто в могиле братской —
мертвые
телефоны,
мертвые
адреса...
Уже ничего не поправишь.
Уже ничего не скажешь.
И не напишешь писем.
И не дождешься звонков...

Вот на пустой странице —
Шукшин Василий Макарыч.
А перед этим —
рядышком —
Симонов
и Смеляков...
Как поименный список
армии перед боем
(хватит работы санбатам,
разведчикам
и штабам!).
Ояр!
Куда же ты, Ояр?!

Не отвечает Ояр.
Сумрачно и таинственно
палец подносит к губам.

Строки в потертой книжке
все еще смотрят призывно.
Все еще дышат,
требуют,
вздрагивают и говорят.
Я имя читаю
и слышу
глуховатый голос Назыма:
«Брат,
мы давно не виделись...
Как поживаешь,
брат?..»

Трудно листать страницы.
Видеть фамилии
тяжко...
Зимний полуденный Вильнюс.
За незастывшей рекой
улица Малонёи.
«Стаська! — кричу я.
— Стаська!»
Он улыбается грустно.
Машет нездешней рукой.

Старая, старая книжка.
Буквы поблекли.
Однако
имя любое —
словно
прикосновенье к огню.
Строчка:
«Звонить Паруйру!!»
Два восклицательных знака.
Может, звонил.
Не помню.
Больше не позвоню.

Старая книжка свидетельствует,
жалует
и обвиняет.

Как черный квадратик в «Вечерке» —
каждый ее листок...
Где ты, Кузьмич?
Откликнись!..
И комнату заполняет
неповторимо протяжный,
скорбный луконинский вздох.

Я позабыл о времени,
старую книжку листаю.
Вся она —
будто исповедь
осиротевшей семьи...
Рана моя
открывшаяся.
Память моя
святая.
Други мои — товарищи.
Вечные судьи
мои.

ДЕНЬ

И опять он рождается
в зябком окне.
Барабанит в стекло,
будто просит помочь.
В нем —
коротком,
еще не потерянном дне —
непрерывная боль,
сумасшедшая мощь!..
«Суета!» — говоришь?
«Принесет — унесет?»
Говоришь, что поэту
гораздо важней
о бессмертии думать
и с этих высот
обращаться к векам
через головы дней?..
Я не ведаю,
чем тебя встретят
века...

Для спешащего дня
я кричу и шепчу.
И останется после
хотя бы строка —
я не знаю.
Я знаю.
Я знать не хочу.

УБЕГАЮЩИЕ ОТ ИНФАРКТА

Рано утром
на асфальте запотелом,
по-над речками,
где стылая вода,
занимаемся мы
очень важным делом —
от инфаркта убегаем
кто куда.
Убегаем! —
Сомневающихся маним.
Убегаем! —
Брось лениться!
Выходи!..
Мы бежим.
И одного не понимаем:
вдруг инфаркт не за спиной,
а впереди?!
Вдруг,
во имя непроверенного факта
соблюдая
и диету, и режим,
мы-то думаем,
что шпарим от инфаркта,
а тем временем,
бежим к нему,
бежим!..
Может, ждет он нас
с улыбкой неживою,
чтоб дотронуться до каждого
рукой.
И сказать потом,
качая головою:

«Добежал-таки?
Ах, шустренький какой!»
Только мы иначе
жить уже не можем.
Мы бежим!
И слаще нету
ничего!..

Обгоняет нас планета,
словно тоже
убегает
от инфаркта своего.

ВОЗРАСТ

Г. Юшкявичюсу

А мы еще
мотивы молодежные
поём!
А мы еще с тобой — ого! —
такие же, как прежде.
О том, что годы катятся,
по детям узнаем.
Не по своим, а по чужим,
которых
видим реже.

Еще по пляжу движемся,
выпячивая грудь.
И чей-то голос, чей-то взгляд
пронзает, как рапира!
Но вечером все чаще
накатывает грусть,
что день
опять закончился,
а в бок
опять вступило.

Нет, мы еще — в порядке!
Нет, мы еще — вполне!
Никто из нас не думает
ни о каком покое...

Но говорим друг с другом
(когда наедине)
о женщинах —
все меньше.
Все больше —
о погоде.

Еще мы за застольями
сидим без маеты.
Не уставая, вроде бы,
и даже не пьянея...
Но мельче с каждым годом
газетные шрифты.
А лестницы привычные —
всё круче
и длиннее.

О ДУРАКАХ

В городах над рекой,
в городах без реки
рядышком с нами
совершенно спокойно
живут дураки,
сколько —
не знаю.
Только знаю,
что дело совсем не в числе
(лишние стрессы).
Даже больше скажу:
дураки на земле
очень полезны.
Развиваться бы,
двигаться без дураков
жизнь
перестала!
(Так в каком-то лесу
истребили волков —
зайцев не стало.)
Что ж,
дурак есть дурак.
Не проймешь ты его —
честное слово!
Он
до гроба — дурак.
Иногда —
своего.
Чаще —
чужого.

Пуля — дура, конечно.
Но дура из тех,
что —
убивает...

А без крови победа,
без пота успех —
так не бывает!
Это —
вечное правило жизни.
И я
мыслю конкретно:
дураки существуют,
чтоб воля твоя
зрела
и крепла!
Чтоб шагал ты
уверенно и тяжело,
жил
без предела!
Чтоб назло дуракам,
прохиндеям назло —
двигалось
дело!
Чтоб твои —
безутешные прежде —
зрачки
силой мерцали!..

Нам нужны дураки!
Чтобы
недураки
были
бойцами!

УЛЫБАЮЩИЙСЯ

В каждом глазу у него —
медоточие.
Он улыбается липко,
настойчиво.
Дышит прерывисто,
очень старается
и обязательно хочет понравиться!
Дарит улыбку
особой восторженности
лицам,
которые выше по должности.
Ласковость нрава
все время доказывает.

В дверь не шагает он,
а проскальзывает.
Шаркает ножкой.
Чуть выгибается.
И — улыбается.
Весь улыбается!
Сладенький.
Самый улыбчивый в мире.

Раньше
таких рисовали
на мыле.

ИЗ БИОЛОГИИ

«Человек состоит из клеток...» —
навязло в зубах.
Значит,
он состоит из клеток,
как зоопарк.
И пока твое солнце дымится
(ты уж поверь!) —
в каждой клетке твоей
томится
какой-нибудь зверь.
Зверь,
который в тесном жилище
быть обречен.
Зверь,
который требует пищи,—
разной, причем.
Человек
от клеток зависит...

Обидней всего,
если в клетках,
которыми мыслят,
нет
никого.

ИРОНИЧЕСКИЙ РОМАНС

Знакомый поэт,
находясь во хмелю,
сказал мне
с гримасой довольною:
«А знаешь,
ведь я тебя
даже люблю!..
По-своему, правда...
По-своему...»
Забавные фразы
срываются с губ,
срываются часто не вовремя...
По-своему любит
тайгу
лесоруб.
По-своему любит.
По-своему.
Он эту любовь
почерпнул не из книг,
ее ощущать
каково ему?!
По-своему
любит барана
мясник.
По-своему любит.
По-своему.
Наверно, и эта любовь —
не обман,
поскольку натурой
усвоена...

Ведь в общем-то
и человека
комар
по-своему любит.
По-своему.
Любовь свою к нам
он докажет не раз,
докажет, коль будет позволено...
С другой стороны,
и сметану
карась
по-своему любит.
По-своему...

Свое отмеряют
часы и года
поэту,
дантисту
и воину.
Мы ближнего любим...

Но все ж иногда
по-своему любим.
По-своему.

***

Это женское уменье,
словно тыщу лет назад,
странно
и одновременно
ждать,
молить
и ускользать.
Быть собой,
не повторяясь.
Верить клятвам,
не шутя.

Приближаться,
отдаляясь.
Оставаться,
уходя.

ВСТРЕЧА

— Здравствуй!
Кого я вижу?!
Больно глазам!
Прямо как в сказке:
вдруг
посреди зимы —
летнее чудо!
Вот и не верь чудесам.

— Здравствуй!..
Действительно,
вот и встретились мы.

— Дай мне опомниться!
До сих пор не пойму:
вышел из дома,
а ты навстречу идешь!..
А помнишь,
какое солнце
было в Крыму?

— Помню...
Теперь мне
больше нравится дождь.

— Я же тебе написать обещал.
Но, знаешь, не смог.
Сперва заболел.
А потом навалились дела.

Ты понимаешь:
работа.
Падаю с ног!

— Я понимаю.
Я писем и не ждала...

— А помнишь,
как я сердолики тебе искал?
И рано утром
ромашки бросал в окно...
А помнишь,
как мы смеялись у Синих скал?

— Помню...
Сейчас это все
и вправду смешно.

А помнишь,
как мы на базаре купили айву?
Как шли по дороге,
а рядом бежал ручей...
Послушай,
а как ты живешь?

— Да так и живу...

— А помнишь?..

— Помню.
Не знаю только —
зачем.

***

Знаешь,
я хочу, чтоб каждое слово
этого
утреннего стихотворенья
вдруг потянулось к рукам твоим,
словно
соскучившаяся ветка сирени.

Знаешь,
я хочу, чтоб каждая строчка,
неожиданно
вырвавшись из размера
и всю строку
разрывая
в клочья,
отозваться
в сердце твоем сумела.

Знаешь,
я хочу, чтоб каждая буква
глядела бы на тебя
влюбленно.
И была бы заполнена солнцем,
будто

капля росы
на ладони клена.

Знаешь,
я хочу, чтоб февральская вьюга
покорно
у ног твоих распласталась.

И хочу,
чтобы мы любили друг друга
столько,
сколько нам жить
осталось.

***

Благодарен,
что мне повезло.
Говорю,
на потом не откладывая:
ты —
мое второе крыло.
Может —
самое главное...

Но когда разбираюсь в былом,
боль пронзает
как молния:
стал ли я
для тебя крылом?
Стал ли?
Смог ли я?

***

Спелый ветер
дохнул напористо
и ушел за моря...

Будто
жесткая полка поезда —
память
моя.
А вагон
на стыках качается
в мареве зорь.
Я к дороге привык.
И отчаиваться
мне
не резон.
Эту ношу
транзитного жителя
выдержу я...

Жаль,
все чаще
и все неожиданней
сходят друзья!
Я кричу им:
«Куда ж вы?!
Опомнитесь!..»
Ни слова в ответ.
Исчезают
за окнами поезда.

Были
и нет...
Вместо них,
с правотою бесстрашною
говоря о другом,
незнакомые
юные граждане
обживают вагон.
Мчится поезд
лугами белесыми
и сквозь гул городов.
Все гремят и гремят под колесами
стыки
годов...

И однажды
негаданно
затемно
сдавит в груди.
Вдруг пойму я,
что мне обязательно
надо сойти!
Здесь.
На первой попавшейся станции.
Время пришло...

Но в летящих вагонах
останется
и наше
тепло.

ПЕСНИ
1970—1985

РОДИНА МОЯ

Я, ты, он, она,
вместе —
целая страна.
Вместе —
дружная семья.
В слове «мы» —
сто тысяч «я»!
Большеглазых,
озорных,
черных,
рыжих
и льняных,
грустных и веселых
в городах и селах!

Над тобою солнце светит,
Родина моя.
Ты прекрасней всех на свете,
Родина моя!
Я люблю, страна, твои просторы,
я люблю твои поля и горы,
сонные озера и бурлящие моря.

Над полями выгнет спину
радуга-дуга.
Нам откроет сто тропинок
синяя тайга.
Вновь настанет время спелых ягод.

А потом опять на землю лягут
белые огромные роскошные снега.
Как будто праздник!

Будут на тебя
звезды удивленно смотреть.
Будут над тобой
добрые рассветы гореть
вполнеба.
В синей вышине
птицы будут радостно петь.
И будет песня звенеть над тобой в облаках
на крылатых твоих языках!

Я, ты, он, она,
вместе —
целая страна.
Вместе —
дружная семья.
В слове «мы» —
сто тысяч «я»!

Над тобою солнце светит,
льется с высоты.
Все на свете, все на свете
сможем — я и ты!
Я прильну, земля, к твоим березам,
я взгляну в глаза веселым грозам.
И, смеясь от счастья, упаду в твои цветы!

Обняла весна цветная
ширь твоих степей.
У тебя, страна, я знаю,
солнечно в судьбе.
Нет тебе конца и нет начала,
и текут светло и величаво
реки необъятные, как песня о тебе.
Как будто праздник!

Будут на тебя
звезды удивленно смотреть.
Будут над тобой
добрые рассветы гореть
вполнеба.

В синей вышине
птицы будут радостно петь.
И будет песня звенеть над тобой в облаках
на крылатых твоих языках!

Я, ты, он, она,
вместе —
целая страна.
Вместе —
дружная семья.
В слове «мы» —
сто тысяч «я»!

ДЕТИ ВОЙНЫ

А мы не станем памяти перечить
и вспомним дни далекие,
когда
упала нам на тоненькие плечи
огромная
недетская беда.

Была земля и жесткой, и метельной.
Была судьба
у всех людей одна.
Для нас и детства не было отдельно,
а были вместе —
детство и война.

А нас большая Родина хранила,
а нам Отчизна
матерью была.
И нас она от смерти заслонила,
и нас она
для жизни сберегла.

Тревожные сквозные дни и ночи
запомнятся навек
тебе и мне.
И пусть мы были маленькими очень,
мы тоже победили
в той войне.

ДОВОЮЙ, РОДНОЙ!

На плече твоем до зари лежать.
О любви шептать ночью вешнею.
Сыновей рожать,
дочерей рожать —
исполнять свое
дело вечное.

Довоюй, родной!
Дотерпи, родной!
Не давай вздохнуть злому ворогу!
Мы за вас — горой,
вы за нас — стеной,
все у нас с тобой нынче поровну.

Как мы держимся — у людей спроси.
Подсчитают пусть люди добрые,
сколько баб теперь
на большой Руси
до замужества
стали вдовами!

Я бы выпила, да запал не тот.
Я сплясала бы, да не хочется.
Это жизнь идет.
И война идет.

Неизвестно, что
раньше кончится.

Довоюй, родной!
Дотерпи, родной!
Не давай вздохнуть злому ворогу!
Мы за вас — горой,
вы за нас — стеной,
все у нас с тобой нынче поровну.

ЗА ЧАС ДО ПОБЕДЫ

Уже привыкают к теплу
молодые побеги.
Настырной весенней водою
траншеи полны.
Но запах Победы,
дыхание близкой Победы
нам головы кружит сильней,
чем дыханье весны.

Дрожит на ладони
веселого солнца осколок,
полночные звезды
пылают над нашей судьбой.
Я точно не знаю когда,
только чувствую: скоро
пойдут наши танки
в последний решительный бой!

И будут машины
реветь на дорогах раскисших,
и будут снаряды
стучать по горячей броне.
И кто-то из нас
в окончательном списке погибших
вдруг станет
последним убитым
на этой войне.

Мы к нашей Победе
шагали по долам и весям,
и завтра ее мы добудем
в последнем бою.
И мы докричим,
дохрипим, допоем эту песню —
усталую песню,
победную песню свою.

О СОЛДАТЕ

Был солдат
на небывалой войне,
на дорогах обожженной планеты.
Он сначала видел
только во сне
День Победы.

Отступал он
и в атаку ходил,
превозмог он все раненья и беды.
Был готов он жизнь отдать
за один
День Победы.

И ни разу
ни слезинки из глаз,
он усталости и страха не ведал.
А заплакал он
единственный раз.
В День Победы.

ПОСЛЕВОЕННАЯ ПЕСНЯ

Задохнулись канонады.
В мире — тишина.
На большой земле однажды
кончилась война.

Будем жить, встречать рассветы,
верить и любить.
Только не забыть бы это!
Лишь бы не забыть!

Как всходило солнце в гари
и кружилась мгла.
А в реке — меж берегами —
кровь-вода текла.

Были черными березы,
долгими — года.
Были выплаканы слезы
вдовьи навсегда.

Вот опять пронзает лето
солнечная нить.
Только не забыть бы это!
Лишь бы не забыть!

Эта память,— верьте, люди,—
всей земле нужна.
Если мы войну забудем,
вновь придет война.

МАРШ-ВОСПОМИНАНИЕ

Глянул в небо грозовое
молодой трубач.
Расстаемся мы с тобою,
ты не плачь.
Есть за тучею огромной
неба синева.
Ах, как нужны нам
в этот век суровый
нежные слова!

Вот он настал —
миг прощанья.
Любить и ждать
обещай мне.
Ты улыбнись мне на счастье,
твои глаза
запомню я.
Пройду я холод и ветер,
превозмогу все на свете!
Я буду жить.
Я — бессмертен,
пока ты ждешь,
любовь моя!

Не печалься, заклинаю.
Я тебя люблю.
Все я выдержу, родная,
все стерплю.

Будет нужно, я бесстрашно
встречу жаркий бой.
Со мной мой дом,
земля родная наша
и твоя любовь!

Вот он настал —
миг прощанья.
Любить и ждать
обещай мне.
Ты улыбнись мне на счастье,
твои глаза
запомню я.
Пройду я холод и ветер,
превозмогу все на свете!
Я буду жить.
Я — бессмертен,
пока ты ждешь,
любовь моя!

ЛЕБЕДИ

Такие минуты
мы в сердце храним,
они нам судьбу осветили.
Я помню, как в небе над детством моим
лебеди
торжественно
плыли.

Они мне казались
рассветной зарей.
Я думал, мне все это снится.
Светло проплывали над вешней землей
гордые
огромные
птицы.

В дороге приму я
и радость, и боль,
приму их спокойно и честно.
Я верю: летят над моею судьбой
лебеди
далекого
детства.

НАЧАЛО

Как будто в океан
могучие ветра нас вынесли.
И детство за спиной,
и помним мы о нем,
единственном.
И оказалось вдруг:
мы выросли,
уже мы выросли.
Доказывать пора,
доказывать, на что
годимся мы.

И пусть
учащается наш пульс,
начинается наш путь,
начинается песня!
Нам жить,
этот воздух степной пить,
и по звездным морям плыть,
и бессмертными быть!

Пройдем мы по земле
с огромными ее закатами,
научимся любить,
и плакать,
и молчать у знамени.
И утро настает,
и в лица нам
глядит загадочно.

Чего-то ждет от нас,
но этого пока
не знаем мы.

И пусть
учащается наш пульс,
начинается наш путь,
начинается песня!
Нам жить,
этот воздух степной пить,
и по звездным морям плыть,
и бессмертными быть!

БАМ

Солнце в небе светит мудро.
Молодеет древний край.
От Байкала
до Амура
мы проложим магистраль!

Встретим зябкие рассветы,
встретим долгую пургу.
В биографию планеты
впишем мы свою строку.

Будет нам порою трудно,
но земле любимой в дар
лягут рельсы, будто струны
наших песенных гитар.

Солнце в небе светит мудро.
Молодеет древний край.
От Байкала
до Амура
мы проложим магистраль!

Слышишь: время гудит —
БАМ.
На просторах крутых —
БАМ.

И большая тайга
покоряется нам.
Слышишь: время гудит —
БАМ.
На просторах крутых —
БАМ.
Это колокол
наших сердец молодых.

ИДУТ ПО БАМу ПОЕЗДА

Сквозь расстоянья и года —
размеренно и строго —
идут по БАМу поезда,
работает дорога.

И до серебряных седин
мы беззаботно жить не сможем.
Еще не то мы создадим,
построим
и проложим!

Над нами — звездная тропа.
Стучит на стыках поезд.
И наша общая судьба
продолжится, как повесть.

От этой клятвы никогда
ничто нас не избавит.
Идут по БАМу поезда,
идут сквозь нашу память.

И до серебряных седин
мы беззаботно жить не сможем.
Еще не то мы создадим,
построим
и проложим!

ДОРОГА

Спасибо тебе, дорога,
что песню ты мне дала.
Ты нашей была тревогой,
ты жизнью для нас была.
Большое тебе спасибо,
что в этом потоке дней
ты все ж не промчалась мимо
мечты и судьбы моей.

Дорога моя стальная,
дорога моя крутая,
дорога моя земная,
родная
моя дорога!

Над нами рассветы зрели,
а мы на виду Земли
сквозь это большое время
тебя по тайге вели.
Ты всех проверяла честно
и холодом, и огнем.
Прошла ты сквозь наше сердце,
навеки осталась в нем.

Дорога моя стальная,
дорога моя крутая,
дорóга моя земная,
родная
моя дорога!

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В МОСКВУ, ОЛИМПИАДА

У нас в душе
отличная погода,
хотя нам всем волненья предстоят.
Уже дрожат
спортивные рекорды,
предчувствуя,
что им не устоять.

И над кипеньем Олимпийского парада
веселый мячик солнца прыгнет в синеву.
Добро пожаловать в Москву,
Олимпиада,
добро пожаловать в красавицу Москву!

Мы знаем,
праздник вовремя начнется,
но мы хотим, чтоб он скорей настал.
И на Москву
планета обернется,
когда Олимпиада
примет старт.

Москва моя
недаром хорошеет,
она с любовью ждет гостей своих.

И пусть пылают
на земле сраженья
спортивные!
А больше — никаких!

И над кипеньем Олимпийского парада
веселый мячик солнца прыгнет в синеву.
Добро пожаловать в Москву,
Олимпиада,
добро пожаловать в красавицу Москву!

ЦЕНА БЫСТРЫХ СЕКУНД

Забурлит очень скоро в бассейне вода.
Прозвучали команды сухие.
Это — наша любовь,
это — наша беда,
это — наша с тобою стихия.

Есть во мне мечта незряшная,
и хочу я, время торопя,
превозмочь
себя вчерашнего,
обогнать
вчерашнего себя!

Сумасшедшие стрелки по кругу бегут,
и нельзя ощутить на ладони
эти чертовы
сотые доли секунд,
драгоценные сотые доли.

Начинается год, и кончается год.
Удивленное солнце восходит.
Я иду на рекорд,
я плыву на рекорд.
Впрочем, дело совсем не в рекорде.

Есть во мне мечта незряшная,
и хочу я, время торопя,
превозмочь
себя вчерашнего,
обогнать
вчерашнего себя!

ОЛИМПИАДА-80

Реет в вышине
и зовет за собой Олимпийский огонь золотой.
Будет Земля счастливой
и молодой!

Нужно сделать все,
чтоб вовек Олимпийский огонь не погас.
Солнце стартует в небе,
как в первый раз!

Еще до старта далеко,
далеко,
далеко,
но проснулась Москва,
посредине праздника,
посреди Земли.
Ах, как шагают широко,
широко,
широко
по восторженным улицам
королевы плаванья,
бокса короли.

Сегодня никуда от спорта не уйдешь,
от спорта нет спасения!
А стадион гремит, как будто подошла
волна землетрясения!

Гул стадиона сто раз повторит
дальняя даль.
Солнце в небесах горделиво горит,
будто медаль!

Москва просторна, а над нею,
над нею,
над ней
в небе флаги плывут,
словно разноцветная
стая облаков.
Сегодня лучше и добрее,
добрее,
добрей
станет все человечество.
В спорте есть соперники,
в спорте нет врагов.

Сегодня никуда от спорта не уйти,
от спорта не избавиться!
Сегодня на земле прибавится тепла
и радости прибавится!

Гул стадиона сто раз повторит
дальняя даль.
Солнце в небесах горделиво горит,
будто медаль!

О СЕРДЦЕ

Снова сердце бьется шибче молодого
на пределе современных скоростей.
Только жалко,
что для этого мотора
не нашли пока что
запасных частей.

Может быть, достичь мы все-таки сумеем,
знаменитый доктор скажет, как споет:
«А давайте — для начала —
сердце сменим!
Ваше, старое,
от жизни отстает».

Может, так оно когда-нибудь и станет.
Может, так оно и будет.
А пока
люди ходят по планете.
И мечтают.
И стареют.
И глядят на облака.

Задыхаются от горя и от счастья.
О бессмертье меж собой не говорят.
А хорошие сердца
болеют чаще.
За себя и за других
они болят.

ПЕСНЯ МАТЕРИ

Проходит время,
и солнце светит.
Ах, как нежданно
взрослеют дети!
Но я привыкну.
Я постараюсь.
Большие дети —
большая радость.

Взрослеют дети,
стареют матери,
и веет запахом
осенних трав.
Не скажешь сыну:
«Останься маленьким!»
Сын не послушает —
и будет прав.

Но я привыкну,
я буду сильной,
я только счастья
желаю сыну.
Зачем так близко
грохочут грозы?
Большие дети —
большие слезы.

Проходит время,
и солнце светит.
Ах, как нежданно
взрослеют дети!

Я буду рядом,
не помешаю.
Большие дети —
судьба большая.

Взрослеют дети,
стареют матери,
и веет запахом
осенних трав.
Не скажешь сыну:
«Останься маленьким!»
Сын не послушает —
и будет прав.

ЛЮБОВЬ НАСТАЛА

Как много лет во мне любовь спала!
Мне это слово
ни о чем не говорило.
Любовь таилась в глубине,
она ждала —
и вот проснулась
и глаза свои открыла.

Теперь не я пою —
любовь поет.
И эта песня в мире эхом отдается.
Любовь настала так,
как утро настает,
она одна во мне
и плачет и смеется.

И вся планета
распахнулась для меня.
И эта радость, будто солнце не остынет.
Не сможешь ты уйти
от этого огня,
не спрячешься, не скроешься,
любовь тебя настигнет.

Как много лет во мне любовь спала!
Мне это слово
ни о чем не говорило.
Любовь таилась в глубине,
она ждала —
и вот проснулась
и глаза свои открыла.

КРУЖЕВНИЦА

Возле озера с живой водицею
зацвела уже огонь-трава.
Зря смеешься ты
над кружевницею.
Ой, хитры ее
кружева!

Подойду к тебе походкой зыбкою,
очень нежные найду слова.
Тихим голосом,
простой улыбкою
кружева сплету,
кружева.

Пригласишь меня ты на свидание,
поведу плечом едва-едва.
Так что зря не жди,
я очень занята —
кружева плету,
кружева.

Для чего плету, пока не спрашивай.
Убедишься ты, что я права,
в час, когда взлетят
над свадьбой нашею
белой скатерти
кружева.

СВАДЕБНЫЙ ВАЛЬС

Ах, как невеста
смотрит отрешенно!
Ах, как взволнован
гордый жених!
Главное слово —
вам, молодожены,
свадебный танец —
для вас двоих.

Прямо к небу взметнулся,
по земле расплескался
светлый танец надежды —
торжественный вальс.
И далекое эхо,
эхо этого вальса
пусть останется в сердце
навечно у вас.

Вы не забудьте,
вальсу подпевая,
жить начиная
нынче всерьез,
что, к сожаленью,
в жизни не бывает
счастья без горя,
любви без слез.

Пусть эхо вальса
вас хранит бессонно,
вы этот вечер
вспомните вновь.

Пусть, как большое
ласковое солнце,
с вами по жизни
идет любовь.

Прямо к небу взметнулся,
по земле расплескался
светлый танец надежды —
торжественный вальс.
И далекое эхо,
эхо этого вальса
пусть останется в сердце
навечно у вас.

ПОЗВОНИ МНЕ

Позвони мне, позвони.
Позвони мне, ради бога!
Через время протяни
голос тихий и глубокий.

Звезды тают над Москвой.
Может, я забыла гордость?
Как хочу я слышать голос,
как хочу я слышать голос,
долгожданный голос твой!

Позвони мне,
позвони...

Без тебя проходят дни.
Что со мною, я не знаю.
Умоляю, позвони,
позвони мне, заклинаю!

Дотянись издалека.
Пусть под этой звездной бездной
вдруг раздастся гром небесный,
вдруг раздастся гром небесный
телефонного звонка!

Позвони мне,
позвони...

Если я в твоей судьбе
ничего теперь не значу,
я забуду о тебе,
я смогу, я не заплачу.

Эту боль перетерпя,
я дышать не перестану.
Все равно счастливой стану,
все равно счастливой стану,
даже если без тебя!

Позвони мне,
позвони...

СЛАДКА ЯГОДА

Сладка ягода
в лес поманит,
щедрой спелостью удивит.
Сладка ягода
одурманит.
Горька ягода
отрезвит.

Ой, крута судьба,
словно горка,
доняла она, извела.
Сладкой ягоды
только горстка.
Горькой ягоды
два ведра.

Я не ведаю,
что со мною.
Отчего она так растет —
сладка ягода
лишь весною.
Горька ягода —
круглый год.

Над бедой моей
ты посмейся,
погляди мне вслед из окна.
Сладку ягоду
рвали вместе.
Горьку ягоду —
я одна.

НА ДВА ГОЛОСА

Ой, была дорога длинною,
солнце плыло над судьбой.
Пели песню мы
старинную
на два голоса с тобой.
Были в мире ночи ясными,
и горячею — роса.
Улыбалась роща ласково,
слыша
наши голоса.

Но пришла пора нежданная,
темный ветер налетел.
Ты ушел
и песню давнюю
петь со мной не захотел.
Дождик льет — не успокоится,
мокнет ива у окна.
Нашу песню на два голоса
я теперь
пою одна.

Я пою, чтоб не отчаяться,
верность памяти храня.
Жаль,
никак не получается
эта песня у меня.
По утрам снежинки колются,
подо льдом река молчит...
Наша песня на два голоса
до сих пор
во мне звучит.

ТОЛЬКО ТЕБЕ

Было.
Я от этого слова бегу
и никак убежать не могу.
Было.
Опустевшую песню свою
я тебе на прощанье пою.
Было.
Упрекать я тебя не хочу,
не заплачу
и не закричу.
Было.
Не заплачу и не закричу!

Ладно.
Пронеслось, прошумело, прошло.
И земля не вздохнет тяжело.
Ладно.
Не завянет ольха у воды,
не растают полярные льды.
Ладно.
Не обрушится с неба звезда.
И не встретимся
мы никогда.
Ладно.
Пусть не встретимся мы никогда!

Никогда тебя мне не забыть!
И пока живу на свете я,
не забыть тебя,
не разлюбить!

Ты — судьба.
Судьба и жизнь моя.

Снова,
не страшась молчаливых дорог,
я однажды шагну за порог.
Снова
я, как будто по тонкому льду,
в затаенную память приду.
Снова
над бескрайней землею с утра
зашумят
и закружат ветра.
Снова
над землею закружат ветра!

Слышишь?
Я когда-нибудь встречу любовь,
обязательно встречу любовь.
Слышишь?
Половодьем подступит она,
будто утро, наступит она.
Слышишь?
И от счастья смеясь и любя,
в этот миг
я забуду тебя.
Слышишь?
В этот миг я забуду тебя!

Никогда тебя мне не забыть!
И пока живу на свете я,
не забыть тебя,
не разлюбить!
Ты — судьба.
Судьба и жизнь моя.

НЕДЕТСКАЯ ПЕСНЯ

В нашем доме
нет теперь покоя,
я не понимаю ничего.
Спрашивает мама:
за кого я?
Спрашивает папа:
за кого?
Ухожу я в школу рано утром,
прихожу из школы на обед.
Мама подарила мне
конструктор,
папа подарил
велосипед.

За кого я?
За кого я?
За нее я?
За него я?
Что мне им ответить,
если
я за них обоих.
Вместе.

Телевизор
я смотрю недолго,
очень хорошо себя веду.
Мама говорит:
«Уйду из дома!»
Папа говорит:
«Я сам уйду!»

Делаю уроки, чуть не плачу.
За кого я? С кем я буду жить?
Задали родители
задачу,
я не знаю,
как ее решить.

За кого я?
За кого я?
За нее я?
За него я?
Что мне им ответить,
если
я за них обоих.
Вместе.

Я ОДНАЖДЫ ВЕРНУЛСЯ

Я однажды вернулся сюда,
в этот город — сквозь дни и года.
Показался мне город пустым,
здесь когда-то я был молодым.
Здесь любовь моя прежде жила,
помню я третий дом от угла.
Я нашел этот дом. Я в окно постучал.
Я назвал ее имя — почти прокричал!
Но чужой человек мне ответил без зла:
«Здесь, наверно, она никогда не жила».

Ты ошибся! — мне ветер сказал.
Ты забыл! — усмехнулся вокзал.
Ты ошибся! — шептали дома.
Спелым снегом хрустела зима.
А над крышами вился дымок.
Но ведь я ошибиться не мог!
Ведь звучало еще среди белых снегов
эхо первой любви, эхо наших шагов.
А над городом снег все летел и летел.
Этот город меня узнавать не хотел.

В нем была и надежда, и грусть.
Я шагал по нему наизусть,
я в его переулки нырял,
где когда-то любовь потерял.

Я искал, я бродил дотемна,
но нигде не встречалась она.
Я из города в полночь домой уезжал.
Он летел за окном, он меня провожал.
И ночные огни повторяли светло:
«Все, что было,— прошло...
Все, что было,— прошло...»

ЛЮБОВЬ НЕ ГАСНЕТ ПЕРВАЯ

В сиреневых сумерках
летят снежинки белые,
и в парке заброшена
печальная скамья.
В судьбе моей и в памяти
любовь не гаснет первая.
Любовь моя далекая
зовет меня,
хранит меня.

Любовь не забудется
и никогда не кончится.
Не гаснет в душе моей,
как искорка огня.
Летят ветра метельные,
никак не успокоятся.
Любовь моя далекая
зовет меня,
хранит меня.

В сиреневых сумерках
летят снежинки чистые,
обиды и горести
людские хороня.
Давнишняя любовь моя
останется единственной.
Любовь моя далекая
зовет меня,
хранит меня.

НОКТЮРН

Между мною и тобою — гул небытия,
звездные моря,
тайные моря.
Как тебе сейчас живется, вешняя моя,
нежная моя,
странная моя?
Если хочешь, если можешь,— вспомни обо мне,
вспомни обо мне,
вспомни обо мне.
Хоть случайно, хоть однажды вспомни обо мне,
долгая любовь моя.

А между мною и тобой — века,
мгновенья и года,
сны и облака.
Я им к тебе сейчас лететь велю.
Ведь я тебя еще сильней люблю.

Как тебе сейчас живется, вешняя моя,
нежная моя,
странная моя?
Я тебе желаю счастья, добрая моя,
долгая любовь моя!

Я к тебе приду на помощь,— только позови,
просто позови,
тихо позови.
Пусть с тобой все время будет свет моей любви,
зов моей любви,
боль моей любви!

Только ты останься прежней — трепетно живи,
солнечно живи,
радостно живи!
Что бы ни случилось, ты, пожалуйста, живи,
счастливо живи всегда.

А между мною и тобой — века,
мгновенья и года,
сны и облака.
Я им к тебе сейчас лететь велю.
Ведь я тебя еще сильней люблю.

Пусть с тобой все время будет свет моей любви,
зов моей любви,
боль моей любви!
Что бы ни случилось, ты, пожалуйста, живи.
Счастливо живи всегда.

УТРЕННЯЯ ПЕСНЯ

Выпадет на траву
утренняя роса,
призрачная роса,
сказочная роса.
Тихо откроешь ты
утренние глаза,
заспанные глаза,
ласковые глаза.

Вздрогнет под ветерком
утренняя трава,
дымчатая трава,
медленная трава.
Я для тебя найду
утренние слова,
искренние слова,
солнечные слова.

Я для тебя сорву
утренние цветы,
праздничные цветы,
радостные цветы.
Долго на свете жить
будем — и я, и ты,
рядом — и я, и ты.
Вместе — и я, и ты.

Встретим с тобою мы
зимние холода,
трудные холода,
долгие холода.
Только б любовь была
утренней навсегда,
истинной навсегда,
трепетной навсегда.

ПЕСНЯ О БЕЛОМ ОБЛАКЕ

Верю, что молодость
все еще около...
Плыло над юностью
белое облако.
Легкое облако.
Белое-белое.
Будто любовь моя
самая первая.

Будто любовь моя.
Будто мечта моя.
Самая светлая.
Самая-самая.
Белое облако
в небе растаяло.
В небе растаяло.
Память оставило.

Эхом от оклика,
давнего оклика,
ты возвратись ко мне,
белое облако.
Все, что успел забыть,
снова припомнится.
Что не исполнилось,
сразу исполнится.

Только не стань, прошу,
мглою плакучею,
белое облако —
черною тучею.
Верю, что молодость
все еще около...
Плыло над юностью
белое облако.

ПЕРЕКАТИ-ПОЛЕ

В мире таком старом,
добрых надежд полном,
жаль мне людей, ставших
перекати-полем.
Есть до небес — горы.
Есть без границ — чащи.
И до краев — горе.
И через край — счастье.

Может, за той кручей,
может, за той речкой
даже вода — лучше,
даже вино — крепче,
может, жирней пища,
может, щедрей доля...
Слезы свои ищет
перекати-поле.

На сквозняке долгом
глухо дрожат версты.
А над родным домом
молча горят звезды.
Скоро придут стужи.
Вновь я гляжу с болью,
как по земле кружит
перекати-поле.

И хоть земля
воистину громадна,
на ней —
во все века и времена —
одна у человека
мама.
И Родина —
одна.

АХ, КАК МАЛО

Чай возник из блюдца. Мир из хаоса возник.
Дождь — из тучи. А из утра — полдень...
Ах, как много
в жизни мы читаем разных книг!
Ах, как мало
в результате помним!

Вот она — река, да нечем горло промочить.
Что-нибудь от этого случится...
Ах, как нам приятно
окружающих учить!
Ах, как стыдно
нам самим учиться!

Глупые раздумья можно шляпою прикрыть,
отразиться в зеркалах и в лужах...
Ах, как хорошо
мы научились говорить!
Ах, как плохо
научились слушать!

Истину доказываем, плача и хрипя.
Общими болезнями болеем...
Ах, как замечательно
жалеем мы себя!
Ах, как плохо
мы других жалеем!

СТАРЫЕ ДОМА

Спасибо, старые дома,
за то, что есть вы!
Мы с вами
множество годов перелистали.
Какими были вы большими
в нашем детстве!
Какими маленькими
вы сегодня стали!
Старые дома,
старые дома,
старые,
усталые дома.

Нельзя вам
собственного возраста убавить,
свое отжили вы,
свое отгоревали.
И вот уходите неслышно
в нашу память,
и что-то вечное
уходит вместе с вами.
Старые дома,
старые дома,
старые,
усталые дома.

Дома-соседи,
осознав свою удачу,
на вас глядят
многоэтажно и спесиво.

И мы прощаемся.
И я сейчас заплачу.
Но и за эти слезы
я скажу спасибо.
Старые дома,
старые дома,
старые,
усталые дома.

А время,
словно половодье, прибывает.
Над головой
летят потоки звездной пыли.
Но пусть грядущие дворцы
не забывают,
что там, где высятся они,
когда-то были
старые дома,
старые дома,
старые,
усталые дома.

ВСТРЕЧА ДРУЗЕЙ

Песня пусть
начинается,
до небес поднимается,
светом пусть наполняется,
как заря.
Посидим
по-хорошему,
пусть виски запорошены.
На земле жили-прожили
мы не зря.

Над рекой
вспыхнет зорюшка,
высоко встанет солнышко,
упадет в землю зернышко
в нужный срок.
Только бы
в поле, во поле
дождичек сыпал вовремя.
А потом чтобы вовремя
лег снежок.

Спелый хлеб
закачается,
жизнь, она не кончается,
жизнь, она продолжается
каждый раз.
Будут плыть
в небе радуги,
будет мир, будут праздники.
И шагнут внуки-правнуки
дальше нас.

НАМ ЕЩЕ НЕ ВРЕМЯ УСТАВАТЬ

Перышком легким
облако в небе
летит светло.
Знаешь, дружище,
нам почему-то
всегда везло.
Мы испытали полною мерой
крутую боль.
Не зря на яростной планете
живем мы с тобой.

Нам еще не время уставать,
понимаешь,
нам уставать нельзя!
Мы еще не спели до конца,
мой товарищ,
нам смолкнуть нельзя!
Если постарели —
то на самую малость,
больше стареть нельзя!
Я до сих пор
и во сне летаю...

«Вы не пройдете»,—
нам говорили.
А мы прошли.
«Люди не смогут»,—
нам говорили.
А мы смогли.
Снова дорога до горизонта
белым-бела.
И вновь за нашею спиною
два сильных крыла.

ТЕБЕ, РАБОЧИЙ ЧЕЛОВЕК

В нас
то, что нами прожито,—
свет
юности и проседи,
свет
нашей памяти крутой.
Вдаль
реки мчат и пенятся,
в жизнь
входят наши первенцы.
В них
не погаснет наш огонь.

Солнечным путем шагай,
двадцатый век!
Здравствуй, сын Земли,
рабочий человек!
Сердцем навсегда усвой:
мир создан для труда,
этот мир —
мой и твой!

День
с солнца начинается.
День,
тьме не подчиняется.
И голоса людей слышны:
Нет! —
атомному крошеву.

Нет! —
взорванному прошлому.
Нет! —
грозовым глазам войны.

Верь
в гордое отечество,
верь
в разум человечества,
верь,
что живет оно не зря!
Мир
выросшему колосу,
мир
завтрашнему космосу,
мир
городам твоим, Земля!

Солнечным путем шагай,
двадцатый век!
Здравствуй, сын Земли,
рабочий человек!
Сердцем навсегда усвой:
мир создан для труда,
этот мир —
мой и твой!

МОСКВА ЗА НАМИ!

Стоим мы на посту
повзводно и поротно.
Бессмертны, как огонь.
Спокойны, как гранит.
Мы — армия страны.
Мы — армия народа.
Великий подвиг наш история хранит.

Не зря в судьбе
алеет знамя.
Не зря на нас надеется страна.
Священные слова:
«Москва за нами!» —
мы помним
со времен Бородина.

Вручили нам отцы
всесильное оружье.
Мы Родине своей
присягу принесли.
И нам с тобой дана
единственная служба —
от смерти заслонить грядущее Земли.

Не надо нас пугать,
бахвалиться спесиво,
не стоит нам грозить
и вновь с огнем играть.

Ведь если враг рискнет
проверить нашу силу,
его мы навсегда отучим проверять!

Не зря в судьбе
алеет знамя.
Не зря на нас надеется страна.
Священные слова:
«Москва за нами!» —
мы помним
со времен Бородина.

ПЕСНЯ НАДЕЖДЫ

Зарницы в небе
вспыхнули не зря.
Очнитесь, люди,
и поймите, люди:
у нас на всех
всего одна Земля.
Другой Земли у нас уже
не будет!

Вот она летит —
маленькая какая!
Вот она грустит,
в думы свои вникая.
Вот она плывет,
зябкой прохладой веет.

Все еще
живет!
Все еще
людям верит!

Земля надежду
вечную несет
и смотрит вдаль
бессонными глазами.
За нас никто
планету не спасет —
спасти ее мы можем
только сами!

Вот она летит
солнечно и воздушно.
Вот она глядит
в наши сердца и души.
Вот она плывет
сквозь грозовую полночь.

Всех людей
зовет!
Просит
прийти на помощь!

ПОСЛЕДНЯЯ ПЕСНЯ АРНО БАБАДЖАНЯНА

Вы не верьте
в мою немоту.
Даже если я вдруг упаду,
даже если уйду,
то не в землю уйду.
Я не в землю,
а в песню уйду.

Будут яблони осень встречать,
и посыпятся звезды в траву.
И пока на земле будут песни звучать,
в каждой песне я вновь оживу.

Я открою глаза и проснусь,
гляну в небо и вновь улыбнусь.
Вздохом ветра вернусь,
хрустом снега вернусь,
эхом ласковой песни вернусь.

И обрушится дождь голубой.
Будут листья дрожать на ветру.
И пока на земле существует любовь,
не умру я, друзья, не умру.

Пусть в долину помчатся ручьи!
Пусть очнутся в садах соловьи!
Я люблю эту жизнь, и все песни свои
я писал ради этой любви.

Вы не верьте
в мою немоту.
Даже если я вдруг упаду,
даже если уйду,
то не в землю уйду.
Я не в землю,
а в песню уйду.

ПЕСНЯ О ГОДАХ

Пусть голова моя седа,—
зимы мне нечего пугаться.
Не только груз — мои года.
Мои года —
мое богатство.

Я часто время торопил,
привык во все дела впрягаться.
Пускай я денег не скопил.
Мои года —
мое богатство.

Шепчу «спасибо» я годам
и пью их горькое лекарство.
И никому их не отдам.
Мои года —
мое богатство.

А если скажут мне века:
«Твоя звезда, увы, погасла»,—
подымет детская рука
мои года —
мое богатство.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ПРОИЗВЕДЕНИЙ, ПОМЕЩЕННЫХ В ТОМАХ 1—3

	том	стр.
«А было так, что мы...»	2	426
Аврал	1	89
Автомобильное кладбище под Вашингтоном	3	206
А дома лучше	1	428
А из города Тольятти	1	398
Ай бо!	3	28
Аксельраты, аксельратки...	3	56
Акулы острова Горé	3	117
Али Бала	2	46
Альенде	3	201
Американский футбол	1	371
«А природа опять...»	3	214
Аркадию Райкину	1	178
Арктическая болезнь	1	91
А ты полюбишь	2	515
Ах, как мало	3	539
«А я все тебе не пишу...»	2	162
Базар того года	2	36
Байкальская баллада	3	368
Баллада о бессмертии	2	395
Баллада о зенитчицах	3	227
Баллада о красках	3	100
Баллада о молчании	3	432
Баллада о спасенном знамени	2	369
Баллада о таланте, боге и черте	3	391
Баллада о телефонных звонках	3	198
Баллада о том, как инки начали поклоняться солнцу	2	298
БАМ	3	504

Банный день	3	18
Барабан	2	414
Барселонский рынок	3	250
Бег	3	53
Без тебя	1	39
Белый танец	2	155
«Белым снегом, белым цветом...»	3	241
Бензиновая колонка	1	374
Билет в детство	1	387
«Благодарен, что мне повезло...»	3	486
Благодарю тебя	1	421
Богини	1	146
Бокс	3	147
«Больничный коридор...»	3	209
«Будь, пожалуйста, послабее...»	1	148
Быть человеком!	1	314
Варна	1	270
В буддийском монастыре	2	80
Вверх — вниз...	2	200
В гостинице	1	157
В день поэзии	2	270
Ведите дневники	3	366
Венеция	2	172
Вера в людей	2	492
«Вернуться б к той черте...»	3	23
Весенний монолог	2	124
Весенняя Валя	1	128
Ветераны в школе	3	360
Ветер на юге	2	186
Вечер в горах	1	196
Вечер у телевизора в Нью-Йорке	3	444
Вещи	2	313
В защиту воспоминаний	1	139
Взрослеют люди	1	174
«Взял билет до станции...»	2	160
Винтики	2	22
В клубе миллионеров	1	355
«В майонезных барахтаясь гущах...»	3	51
В музее естествознания	3	439
«Вновь нахлынул северный ветер...»	3	327
Военные мемуары	3	398
Возвращение	1	119
Возраст	3	473

«Война откатилась за годы и гуды...»	3	221
Вольф Мессинг	2	57
«Восемьдесят восемь»	1	82
Воскресный выпуск	1	358
Воспоминания об июне 45 года	3	431
Воспоминание о полковом оркестре	2	487
«В остывающей золе...»	3	21
«Вот звезды падают...»	2	221
Воюют надписи	2	181
В пути	1	34
«Время, когда мы на ощупь растем...»	3	239
В Риме	2	174
«Вроде просто...»	3	407
«Все в этой осени повторимо...»	2	164
«Все начинается с любви...»	3	212
«Все хочу я увидеть...»	3	202
«Вслушайтесь! Вглядитесь!..»	2	20
В сорок четвертом	1	136
«Встанет море, звеня...»	2	227
Встреча	3	482
Встреча друзей	3	542
Встреча Нового года	3	47
Вступающим в жизнь	1	307
В тире	2	276
«В чем виноваты горожане?..»	3	457
Выбор	1	27
«Вы как хотите...»	1	281
Выставка детских рисунков	2	250
Вьюга	1	106
Гагра	3	45
«Где-то оторопь зноя...»	2	182
«Гитара ахала, подрагивала, тенькала...»	2	196
Гитара Гарсиа Лорки	3	121
Глагол	3	180
«Говорила мама...»	2	148
«Говорите по-советски...»	2	230
Голод	2	228
Голос африканского поэта	3	30
Голос Красной площади	3	37
«Голос начищенной меди...»	1	237
«Горбуша в сентябре...»	3	87
Город ангелов	1	350
Города	1	252

Городок 2 272
Горячий Север 1 88
«Гостиница на Рю-де-Сенн...» 3 339
Государственный частник 3 364

Давнее 2 243
Даль великая 2 480
«Да осенит вас Южный Крест...» 2 294
22 ноября 1963 года 1 329
Двести десять шагов. Поэма 3 266
Двое 1 494
«Девчонки опаздывают на свиданья...» 1 36
День 3 470
День благодарения 1 345
День рождения женщины 3 252
Деревья 2 153
Дети бессмертия 3 36
Дети войны 3 492
Детская игра 1 337
Детскому хирургу Вячеславу Францеву 3 143
Джоконда 2 447
Дипломатам нашим 2 69
Для начала 1 381
«Дни, похожие на пряники...» 3 146
Дни рождений 2 216
Добро пожаловать в Москву, Олимпиада! 3 508
Довоюй, родной! 3 493
Дождь 3 465
«Дождь не шел...» 3 27
«Доживает свое квартал...» 3 39
Долги 3 262
Дом 2 10
Дом за углом 3 353
Домик Петра Первого в Саардеме 3 243
Дон-Кихот 2 260
Дополнение к слову 3 149
Дорога 3 507
«До самого горизонта...» 1 279
До твоего прихода. Поэма 2 342
«Дочери, дети среди оглушенной Земли...» 3 437
Дочка пишет сочиненье 3 427
Дочке 2 62
Друг 1 289

Другу, которому я не успел написать стихов	2	132
Друзьям	3	425
«Ежедневное чудо — не чудо...»	2	363
Если б камни могли говорить	2	484
«Если б только люди жили вечно...»	3	317
«Если разозлишься на меня...»	2	401
«Есть царственность спесивая...»	2	409
«Жалею, жалею девочек...»	2	211
Жара	2	190
Желаю Вам	2	505
Жены космонавтов	2	141
Женщина из девятого мая	3	430
Живем на «товсь!»	2	207
Жизнь	1	152
«Жители пустых квартир...»	2	431
Завтра	2	493
Загадай желанье	1	409
За кулисами	3	127
Зал ожидания	2	39
Засуха	1	243
«За тобой через года...»	2	52
За того парня	2	497
За час до Победы	3	495
Здесь «болеют» так...	1	268
Здравствуй, мама!	2	509
Зея	3	85
Зимняя любовь	1	416
«Зловещи и просты...»	2	315
«Знаешь, я хочу, чтоб каждое слово...»	3	484
Зорге	2	150
«Зря браслетами не бряцай...»	2	244
Игра в «Замри!»	1	142
Играют гаммы	2	134
Идут по БАМу поезда	3	506
Из биологии	3	478
Иероглифы	3	111
Именины	2	278
Индийский апрель	3	335
«И ночь холодна...»	2	366

«Интересуешься искусством?..»	2	27
Иронический романс	3	479
История	2	17
«Как детство, ночь обнажена...»	3	190
«Как лучше: город в море?..»	3	346
Как рождаются звезды	2	482
Кактус	3	32
Кафе «Фламенго»	1	365
К вам я обращаюсь	1	410
К вопросу о полярных «волках»	1	100
«Кем они были в жизни...»	2	75
Кижи	3	9
Кино в Улан-Баторе	2	82
Кладбище под Парижем	3	446
«Клубок дала волшебница...»	3	7
Кое-что о всеобщей забастовке	2	443
«Когда война кончилась...»	3	429
Колокола	3	400
Колокола рассвета	1	392
Колыбельная	2	423
«Кому принадлежу?..»	2	380
«Ковентри, Герника, Орадур...»	3	329
Концерт	1	241
Королева пляжа	2	188
Коррида в Лиме	2	292
Костер	1	300
Кочевники	2	78
Крик родившихся завтра	1	293
«Кромсаем лед...»	3	215
Кружевница	3	517
Ксении	3	66
Кстати об обычаях	1	376
Куда ты идешь?	1	334
Культурный слой	3	441
Латышские стрелки	3	177
Лебеди	3	501
Летопись	3	448
Летчики	1	109
Ливень	1	150
Лыжник	3	233
«Льдины, растаяв...»	3	265
«Любовь. Мы об этом читали в книжках...»	1	41
Любовь настала	3	516

Любовь не гаснет первая	3	530
Люди глядят на небо	1	436
Людям, чьих фамилий я не знаю	1	123
Мамаев курган	3	98
Марафон	3	159
Марк Шагал	3	324
Марш-воспоминание	3	499
Матрешка	2	143
Мачу-Пикчу	2	435
Мгновения	2	488
Мелочь	2	259
Метро	3	188
Мечта	2	91
Мини	3	49
Минута молчания	2	419
Мираж	1	95
«Мир мечется без сна...»	3	380
«Мир, состоящий из зла и счастья...»	2	311
«Мне такою нравится земля...»	2	151
«Мне уже в который раз...»	2	136
Много нас	3	438
Могут!	1	348
Мода	3	376
«Может быть, порыв — банальный...»	2	223
Молитвы инка	2	303
Монолог футбольного ветерана	3	257
Монолог царя зверей	3	140
Монолог шофера	3	459
Москва за нами!	3	546
Мотив	3	196
Моя любовь. Поэма	1	48
Музыка	2	410
«Мы в ревущих колоннах...»	2	367
«Мы живем в предвоенное время...»	2	382
Мы — политики	2	30
«Мы совпали с тобой...»	3	404
«Мы стоим перед Кижским собором...»	3	20
«Мы судьбою не заласканы...»	1	321
Мы уходим	2	495
На аэродроме Орли	2	176
«Наверное, будут глохнуть историки...»	1	324
На военном параде	3	331
На два голоса	3	523

«Над головой созвездия мигают...»	2	394
«Над камином стучат...»	2	236
«Надо верить в обычное...»	3	25
«Надо ж, почудилось...»	3	253
Надпись	3	254
На Дрейфующем проспекте ты живешь	1	77
«Над Саппоро кружится снег...»	3	108
«На Земле безжалостно маленькой...»	2	355
Назым	2	43
Нам еще не время уставать	3	543
«Нам сказали: — Зря чураетесь...»	2	309
«Написал: «Живу себе...»	2	418
На плесе	1	159
Народ	3	451
На родине Маяковского	2	280
«На Севере был я однажды...»	1	169
На фестивале поэзии	3	348
«Нахожусь ли в дальних краях...»	1	322
«Нахохлятся тяжелые колосья...»	1	249
Начало	3	502
На Юсовой горе	3	14
«Невероятное спасибо, дюны!..»	1	275
«Не верю в принцесс на горошинах...»	2	194
Недетская песня	3	526
«Не доставая до поручня...»	3	110
«Не кончающие жить...»	3	231
«Некрикливо и незаметно...»	1	118
Нелетная погода	1	97
Немного экзотики	1	74
«Не навреди, эскулап...»	3	358
Не надо печалиться	1	424
«Не ночь, а просто...»	2	60
Необитаемые острова	1	131
«Неожиданный и благодатный...»	3	211
Неореализм	2	251
Неоткрытые острова	1	438
«Непонятны голоса галактик...»	3	326
«Неправда, что время уходит...»	3	102
Нервы	2	170
«Не ревнуй меня к дороге...»	1	114
Несовместимость	2	232
«Не стоит от себя бежать...»	2	389
«Не убий! — в полумраке...»	2	421
Никто никому не грубит	2	387

НЛО	3	342
Но...	3	443
«Новости из Лимы и Полтавы...»	3	162
Новый район	3	350
Ноктюрн	3	531
Норильску	3	453
Ностальгия	2	445
Ночью	2	89
Нью-Йорк сверху	1	327
Обещание	1	426
Облака	1	72
Оглянувшись	3	264
Огромное небо	1	440
О дорогах	1	188
О дураках	3	475
Ожидание (Монолог женщины)	3	410
Ожидание («Так любимых не ждут у порога...»)	1	21
«Ожидаю ночи, как расстрела...»	2	403
Озеру Иссык-Куль — традиционное	1	193
«Океана дымчатая синь...»	3	248
Окна, которые нарисованы	1	180
Олимпиада-80	3	511
О личном	1	304
О мастерах	3	321
О национальности	3	94
«Они»	3	171
«О, поэтические дела!..»	2	253
О разлуке	1	32
Осенью	2	412
О сердце	3	513
О солдате	3	497
Ответ на записку из зала	2	93
Отвечать!	3	455
«Отволнуюсь. Отлюблю. Отдышу...»	1	284
«Отдать тебе любовь?..»	2	378
Отец и сын	3	175
Отлив	3	81
О том, что было	1	420
Отпуск	3	77
Оттуда	1	363
О хлебе	3	362
«Охота! Настала охота!..»	3	373

Паланга	2	198
Памяти Василия Шукшина	3	219
Памяти Михаила Светлова	2	192
Памяти Хемингуэя	1	340
Памятник Пржевальскому	1	197
Памятник солдату Алеше в Пловдиве	2	33
Памятник Яну Сибелиусу	3	347
Память	1	235
Париж, Франсуазе Саган	1	182
Парни с поднятыми воротниками	2	72
Патруль	2	234
Пегас	2	416
Пельмени	1	261
Пенсионер	3	330
Первые	2	407
Перед грозой	3	461
Перед праздником	2	130
Перед расставанием	1	250
Переезжает роща	2	84
Перекати-поле	3	537
Перемещенный	1	190
Песенный конкурс	3	389
Песня	1	301
Песня Индии	1	309
Песня матери	3	514
Песня надежды	3	548
Песня неуловимых мстителей	1	404
Песня о белом облаке	3	535
Песня о Большой Земле	1	400
Песня о годах	3	552
Песня о далекой Родине	2	490
Песня о друге	2	518
Песня о моем городе	1	385
Песня павших в бою	2	496
Песня о полыни	2	514
Песня родителей	1	430
Песня старого актера	1	433
«Песок размахнулся надменно и голо...»	1	277
Письмо в тридцатый век. Поэма	2	96
Письмо домой	1	45
Письмо из бухты Н.	2	204
Письмо из южного полушария	2	296
Письмо московскому снегу	2	290
Письмо про дождь	2	65

Письмо про снег	2	67
«Пишите о главном...»	1	126
Планета друзей	2	41
«Плюньте на изящный ореол...»	2	269
Победитель	3	153
Повара	3	125
Погоня	1	405
Подарок	2	288
Под водой	1	201
Поддавки	3	54
Подкупленный	2	398
Подражание бардам	1	425
«Подробности ищу, подробности...»	3	41
Подслушанный разговор	3	378
«Подступала поэма...»	3	356
Подъем флага	1	80
Поезд	2	285
Поездка	3	337
Позвони мне	3	520
Позови меня	1	413
Пой, гитара!	1	418
Пока я помню	2	507
Полночь	2	377
«Полны подвалы Эгера...»	1	162
«По предсказанью радио...»	2	274
Пора, пора	1	389
Посвящение. П о э м а	2	452
После	3	161
Послевоенная песня	3	498
Последняя песня	1	30
Последняя песня Арно Бабаджаняна	3	550
«Почем фунт лиха?..»	1	239
Поэма о разных точках зрения	2	316
Поэты	2	262
Праздник	3	71
Пресмыкающиеся	1	186
Придет и к вам любовь	2	512
Приезжай на Самотлор	1	396
Признание кинодублера	2	374
Прилет	3	123
«Притворись большим и щедрым...»	2	284
Притяженье земли	2	501
«Приходит врач, на воробья похожий...»	2	138
«Приходить к тебе, чтоб снова...»	1	38

Приходят китобои 3 246
Приходят рассветы 1 427
«Провожаний немое кино...» 3 106
Про гигантов 3 157
Программистам, обучающим ЭВМ 3 216
Про медведя 1 93
«Про нас твердят...» 1 288
Прорубают Арбат 2 12
Просьба («И если кто-нибудь...») 2 225
Просьба («Раненая птица...») 2 503
Прощание с морем 3 402
Птица 2 492
Птицы прилетели 3 319
Пятнадцать минут до старта. Д и а л о г 1 219

Радар сердца 3 183
Радиус действия 2 50
Разговор о снеге с семилетним Ка Саном — сыном сингапурского поэта Го Бо Сена 3 115
Разговор с горой Карадаг 2 86
Размышления слона, катающего туристов по бомбейскому зоопарку 2 439
Разница во времени 2 248
Раки 3 237
Рассказ директора районной конторы «Заготзерно» 1 245
Ребята, которых нет 1 407
Ревность 1 144
Реквием. П о э м а 1 205
Реки идут к океану 1 259
Ремонт часов 2 15
Ретро 3 384
Речка 2 365
Речка Иня 1 19
Ровесникам 1 116
Родился человек 2 246
Родина моя 3 489
«Родиться, любить, умереть...» 3 315
Родник 3 318
«Родных разыскиваю...» 2 391
«Ромашки глядят напыщенно...» 2 257
Росстани 3 16
Рулетка 2 178

Рыбаки	1	203
«Рыбу легче жарить...»	3	83
Сарьян	2	361
Сауна	2	48
Свадебный вальс	3	518
Свадьба	1	417
Северное	1	112
«Сейчас весна в походе...»	2	183
Секвойи	1	353
Сердце	2	357
Сердце в руках	1	167
Синева	1	390
Сказка о добром джинне	3	132
Сказка о кузнеце, укравшем лошадь	3	259
Сказка о медных трубах	3	130
Сказка с несказочным концом	3	135
«Сколько секунда значит?..»	3	72
Скорость	3	62
Сладка ягода	3	522
Следы	1	303
«Слова бывают грустными...»	1	47
Слушая радио	2	451
Слышишь?!	1	257
«Смеркается. Пахнет песком...»	3	34
Снег	1	291
«Снег увозят машины...»	3	174
«Снег шел, как больной...»	2	393
Сны	1	435
Солнце	1	298
Сон	1	360
«Спелый ветер дохнул напористо...»	3	487
Специалисты по России	1	368
«С понедельника — начну!..»	3	408
Ссора	2	166
Стадион	1	199
Стань таким	1	412
Старая записная книжка	3	467
Старина Урал	1	395
Старые дома	3	540
Старые слова	2	511
Старые фотографии	1	295
Старый индус	2	438

Старьевщик	2	384
Стасису Красаускасу	3	394
Стенограмма	3	58
Стихи, написанные восьмого марта	3	192
Стихи о биотоках	2	54
Стихи о моем имени	1	229
Стихи о последних метрах	2	372
Стихи о себе	1	342
Стихи о сложности	2	209
Стихи о собаках	3	43
Стихи о хане Батые	2	126
Стол находок	3	169
Странный февраль	1	35
Страхование жизни	3	74
«Струя ручья пронзит глухие чащи...»	3	256
Стыдливые	1	172
Сувениры	2	307
Счастье	1	311
Счет	3	436
Сын Веры	2	146
Сыновья	1	429
«Сяду за воспоминания...»	3	194
Тадж-Махал	2	441
Таежные цветы	1	255
«Та зима была, будто война...»	3	223
Такая нам судьба дана	1	406
«Так вышло...»	3	396
Так и надо!	1	318
Там, за облаками	2	519
Танцуют индейцы	1	331
Твое окно	1	384
Твой голос	1	264
Творчество	1	176
Твоя свадьба	2	517
Тебе, рабочий человек	3	544
Телеграммы	1	272
Тем, кто не видел землю вблизи	1	154
Тишина	3	12
«То белым по синему...»	3	463
Товарищ песня	2	486
Тогда	1	134
«То, где мы жили...»	3	204
Только тебе	3	524

Торжественная песня	1	393
«Тост грузинского застолья...»	3	235
«Тот самый луч, который...»	3	79
То, что встречается на каждом шагу	1	266
«Трем-четырем аккордам научусь...»	3	185
Тренер	3	155
Третье музыкальное	2	7
Трещинка	3	120
Трудная профессия	1	432
Трын-трава	2	255
«Тунгусская загадка...»	3	91
Ты, земля моя	1	394
Тыловой госпиталь	3	225
«Ты мне сказала...»	2	214
Ты подрастай, сынок	1	422
Тысяча мелочей	1	43
Убегающие от инфаркта	3	471
«У берега живут мальки...»	3	89
Убили парня	2	282
У букиниста	2	235
«У киоска поет Отелло...»	2	128
«Укоры друзей и семьи...»	3	387
Улыбающийся	3	477
«У планеты сон не слишком глубокий...»	2	25
Упражнение по фонетике	2	238
«У разоренного стола...»	3	186
Усталость	3	333
Утренние стихи	2	219
Утренняя песня	3	533
Утро	1	24
Ушел самолет	1	104
Фантастическая баллада	3	344
Фигурное катание	3	151
Хаши	2	202
Хиппи	2	433
Хиросима	3	113
«Хочешь — милуй...»	2	168
«Хочу, чтоб в пожизненной теореме...»	3	375
Хребет имени Ломоносова	1	85
Хроника одного вечера	3	164
Художник	3	230

Цена быстрых секунд	3	510
Цирк	2	264
Чардаш	1	164
Частушка	2	359
Часы	1	121
Че	2	428
«Чего бы это значило?..»	2	267
Человек	2	29
«Человеку надо мало...»	3	96
«Человечество в дороге...»	3	104
Через море перекину мосты	1	414
Чисто деловое письмо из Нью-Йорка Сэму Звягину, отечественному пижону	1	378
«Что же такое «мы»?..»	3	64
«Что такое Нида?..»	1	282
Что тебе нужно для счастья?	1	408
Что ты знаешь про землю?	1	402
Чудо	3	181
Швейцарские коровы	2	449
Шум в сердце	3	68
«Этих снежинок смесь...»	3	405
«Это женское уменье...»	3	481
Этот большой мир	3	499
Эхо любви	2	520
«Я богат...»	2	405
«Я верю когда-нибудь...»	1	319
Ягоды	1	232
«Я жизнь люблю безбожно!..»	1	254
Я и мы	2	157
«Я не был еще...»	1	325
Я однажды вернулся	3	528
«Я писал и пишу по заказу...»	3	382
«Я родился — нескладным и длинным...»	1	286
«Я уехал от весны...»	1	70

СОДЕРЖАНИЕ

СТИХОТВОРЕНИЯ. ПОЭМЫ. ПЕСНИ

ИЗ СБОРНИКА «ВОЗВРАЩЕНИЕ» 1970—1972

«Клубок дала волшебница...» 7
Кижи 9
Тишина 12
На Юсовой горе 14
Росстани 16
Банный день 18
«Мы стоим перед Кижским собором...» 20
«В остывающей золе...» 21
«Вернуться б к той черте...» 23
«Надо верить в обычное...» 25
«Дождь не шел...» 27
Ай бо! 28
Голос африканского поэта 30
Кактус 32
«Смеркается...» 34
Дети бессмертия 36
Голос Красной площади 37
«Доживает свое квартал...» 39
«Подробности ищу...» 41
Стихи о собаках 43
Гагра 45
Встреча Нового года 47
Мини 49
«В майонезных барахтаясь гущах...» 51
Бег 53
Поддавки 54
Аксельраты, аксельратки... 56
Стенограмма 58
Скорость 62

ИЗ СБОРНИКА «ЛИНИЯ» 1971—1973

«Что же такое «мы»?..» 64
Ксении 66
Шум в сердце 68
Праздник 71
«Сколько секунда значит?..» 72
Страхование жизни 74
Отпуск 77
«Тот самый луч...» 79
Отлив 81
«Рыбу легче жарить...» 83
Зея 85
«Горбуша в сентябре...» 87
«У берега живут мальки...» 89
«Тунгусская загадка...» 91
О национальности 94
«Человеку надо мало...» 96
Мамаев курган 98
Баллада о красках 100
«Неправда, что время уходит!..» 102
«Человечество в дороге...» 104
«Провожаний немое кино...» 106
«Над Саппоро кружится снег...» 108
«Не доставая до поручня...» 110
Иероглифы 111
Хиросима 113
Разговор о снеге с семилетним Ка Саном — сыном сингапурского поэта Го Бо Сена 115
Акулы острова Горé 117
Трещинка 120
Гитара Гарсиа Лорки 121
Прилет 123
Повара 125
За кулисами 127
Сказка о медных трубах 130
Сказка о добром джинне 132
Сказка с несказочным концом 135
Монолог Царя зверей 140
Детскому хирургу Вячеславу Францеву 143
«Дни, похожие на пряники...» 146

Бокс 147
Дополнение к слову 149
Фигурное катание 151
Победитель 153
Тренер 155
Про гигантов 157
Марафон 159
После 161
«Новости из Лимы и Полтавы...» 162
Хроника одного вечера 164
Стол находок 169
«Они» 171
«Снег увозят машины...» 174
Отец и сын 175
Латышские стрелки 177
Глагол 180
Чудо 181
Радар сердца 183
«Трем-четырем аккордам научусь...» 185
«У разоренного стола...» 186
Метро 188
«Как детство, ночь обнажена...» 190
Стихи, написанные восьмого марта 192
«Сяду за воспоминания...» 194

ИЗ СБОРНИКА «ГОЛОС ГОРОДА» 1973—1976

Мотив 196
Баллада о телефонных звонках 198
Альенде 201
«Все хочу я увидеть...» 202
«То, где мы жили, называлось югом...» 204
Автомобильное кладбище под Вашингтоном . . . 206
«Больничный коридор...» 209
«Неожиданный и благодатный...» 211
«Все начинается с любви...» 212
«А природа опять то предельно проста...» . . . 214
«Кромсаем лед, меняем рек теченье...» 215
Программистам, обучающим ЭВМ 216
Памяти Василия Шукшина 219
«Война откатилась за годы и гуды...» 221
«Та зима была, будто война...» 223

Тыловой госпиталь 225
Баллада о зенитчицах 227
Художник 230
«Не кончающие жить...» 231
Лыжник 233
«Тост грузинского застолья...» 235
Раки 237
«Время, когда мы на ощупь растем...» 239
«Белым снегом, белым цветом...» 241
Домик Петра Первого в Саардеме 243
Приходят китобои 246
«Океана дымчатая синь...» 248
Барселонский рынок 250
День рождения женщины 252
«Надо ж, почудилось...» 253
Надпись 254
«Струя ручья пронзит глухие чащи...» 256
Монолог футбольного ветерана 257
Сказка о кузнеце, укравшем лошадь 259
Долги 262
Оглянувшись... 264
«Льдины, растаяв, становятся синью в реке...» . . 265
Двести десять шагов **(Поэма)** 266

ИЗ СБОРНИКА «ЭТО ВРЕМЯ» 1976—1982

«Родиться, любить, умереть...» 315
«Если б только люди жили вечно...» 317
Родник 318
Птицы прилетели 319
О мастерах 321
Марк Шагал 324
«Непонятны голоса галактик...» 326
«Вновь нахлынул северный ветер...» 327
«Ковентри, Герника, Орадур...» 329
Пенсионер 330
На военном параде 331
Усталость 333
Индийский апрель 335
Поездка 337
«Гостиница на Рю-де-Сенн...» 339
НЛО 342

Фантастическая баллада 344
«Как лучше: город в море?..» 346
Памятник Яну Сибелиусу 347
На фестивале поэзии 348
Новый район 350
Дом за углом 353
«Подступала поэма...» 356
«Не навреди, эскулап...» 358
Ветераны в школе 360
О хлебе 362
Государственный частник 364
Ведите дневники 366
Байкальская баллада 368
«Охота! Настала охота!..» 373
«Хочу, чтоб в пожизненной теореме...» 375
Мода 376
Подслушанный разговор 378
«Мир мечется без сна...» 380
«Я писал и пишу по заказу...» 382
Ретро 384
«Укоры друзей и семьи...» 387
Песенный конкурс 389
Баллада о таланте, черте и боге 391
Стасису Красаускасу 394
«Так вышло...» 396
Военные мемуары 398
Колокола 400
Прощание с морем 402
«Мы совпали с тобой...» 404
«Этих снежинок смесь...» 405
«Вроде, просто: найти и расставить слова...» . . . 407
«С понедельника — начну...» 408
Ожидание **(Монолог женщины)** 410

ИЗ СБОРНИКА «ДРУЗЬЯМ» 1982—1985

Друзьям 426
Дочка пишет сочиненье 427
«Когда война кончилась...» 429
Женщина из девятого мая 430
Воспоминание об июне 45 года 431
Баллада о молчании 432

Счет 436
«Дочери, дети среди оглушенной Земли...» . . . 437
Много нас 438
В музее естествознания 439
Культурный слой... 441
Но... 443
Вечер у телевизора в Нью-Йорке 444
Кладбище под Парижем 446
Летопись 448
Народ 451
Норильску 453
Отвечать! 455
«В чем виноваты горожане?..» 457
Монолог шофера 459
Перед грозой 461
«То белым по синему...» 463
Дождь 465
Старая записная книжка 467
День 470
Убегающие от инфаркта 471
Возраст 473
О дураках 475
Улыбающийся 477
Из биологии 478
Иронический романс 479
«Это женское уменье...» 481
Встреча 482
«Знаешь, я хочу, чтоб каждое слово...» 484
«Благодарен, что мне повезло...» 486
«Спелый ветер дохнул напористо...» 487

ПЕСНИ
1970—1985

Родина моя 489
Дети войны 492
Довоюй, родной! 493
За час до Победы 495
О солдате 497
Послевоенная песня 498
Марш-воспоминание 499
Лебеди 501
Начало 502
БАМ 504

Идут по БАМу поезда 506
Дорога 507
Добро пожаловать в Москву, Олимпиада! 508
Цена быстрых секунд 510
Олимпиада-80 511
О сердце 513
Песня матери 514
Любовь настала 516
Кружевница 517
Свадебный вальс 518
Позвони мне 520
Сладка ягода 522
На два голоса 523
Только тебе 524
Недетская песня 526
Я однажды вернулся 528
Любовь не гаснет первая 530
Ноктюрн 531
Утренняя песня 533
Песня о белом облаке 535
Перекати-поле 537
Ах, как мало 539
Старые дома 540
Встреча друзей 542
Нам еще не время уставать 543
Тебе, рабочий человек 544
Москва за нами! 546
Песня надежды 548
Последняя песня Арно Бабаджаняна 550
Песня о годах 552

Алфавитный указатель произведений 553

Рождественский Р. И.

Р62 Собрание сочинений. В 3-х т. Т. 3. Стихотворения; Поэмы; Песни. 1970—1985.— М.: Худож. лит., 1985.—575 с.

В третий том Собрания сочинений вошли стихотворения, поэмы, песни 1970—1985 годов из сборников «Возвращение», «Линия», «Голос города», «Это время», «Друзьям».

Р $\frac{4702010200\text{-}390}{028\,(01)\text{-}85}$ подписное

ББК 84Р7
Р2

Роберт Иванович
Рождественский

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ ТОМ 3

Редактор
Н. КРЮКОВ

Художественный редактор
Е. ЕНЕНКО

Технический редактор
В. НЕФЕДОВА

Корректор
С. КОЛГАНОВА

ИБ № 4206

Сдано в набор 16.04.85. Подписано в печать А14128 от 08.10.85. Формат 84×108$^{1}/_{32}$. Бумага типографская № 1. Гарнитура «Журнально-рубленая». Печать высокая. Усл. печ. л. 30,24. Усл. кр.-отт. 30,24. Уч.-изд. л. 23,49. Тираж 75 000 экз. Изд. № III-1860. Заказ № 1093. Цена 2 р. 80 к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Художественная литература». 107882, ГСП, Москва, Б-78, Новобасманная, 19

Ордена Октябрьской Революции и ордена Трудового Красного Знамени МПО «Первая Образцовая типография» имени А. А. Жданова Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 113054, Москва, Валовая, 28